Ки 1/303

Кл 1/303

ГОСУДАРСТВО

и

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ

СЪ XVII ВѢКА

ДО УЧРЕЖДЕНІЯ МИНИСТЕРСТВЪ.

М. Владимірскаго-Буданова.

(Оттиски изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).
1874.

Из коллекции
профессора
В. Э. Грабаря

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Апрѣля, 1874 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
22274-58

ГОСУДАРСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ СЪ XVII ВѢКА ДО УЧРЕЖДЕНІЯ МИНИСТЕРСТВЪ.

Исторія отношеній государства къ народному образованію, какъ само собою очевидно, должна имѣть въ виду, съ одной стороны, измѣненія въ ходѣ народнаго образованія, съ другой — развитіе самаго государства, именно задачъ его и тѣхъ его органовъ, спеціальною функціею коихъ сдѣлалось народное образованіе. По цѣли нашего изслѣдованія, первая сторона задачи для насъ менѣе важна; она является лишь необходимымъ средствомъ для рѣшенія послѣдняго вопроса. Предметъ нашъ — не исторія образованія вообще, и еще менѣе исторія обученія и воспитанія, а *исторія права образованія*, то-есть, исторія одной изъ частей русскаго административнаго права.

Однако, вопросъ, избранный нами, какъ и всѣ вопросы, относящіеся къ государственному управленію, касается не однихъ лишь функцій государственной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и организаціи государства.

Историческія измѣненія какъ органовъ государства, такъ и отправленій, взаимно условливаютъ другъ друга. Правильно устроенный органъ не только хорошо исполняетъ назначенную ему задачу, но и поддерживаетъ ея жизненность; устроенный неправильно задерживаетъ отправленія, убиваетъ потребности. Съ другой стороны, состояніе отправленій дѣйствуетъ на судьбу органовъ. Какъ въ организмахъ физической природы органы растутъ и укрѣпляются по мѣрѣ и въ силу возникновенія потребностей, такъ въ особенности и въ государственномъ организмѣ. Неуправляемый органъ теряетъ способность дѣйствовать и, наконецъ, совершенно умираетъ. Въ исторической жизни народовъ легко можетъ быть наблюдаема эта необходимая связь государственнаго устройства и государственнаго управленія.

Органами государственной жизни бываютъ первоначально естественные элементы его: общины (и корпораціи), роды (и потомъ сословія); лишь въ позднѣйшее время являются спеціальные — равные по своему значенію органы государственнаго управленія, которые отличаются отъ прежнихъ (элементовъ) государства лишь тѣмъ, что лишены самостоятельныхъ жизненныхъ основъ, могутъ быть измѣняемы и отсѣкаемы по произволу.

Въ нѣмецкой наукѣ о государствѣ установилось и перешло въ русскую науку иное воззрѣніе на историческую лѣстницу элементовъ государства, которые вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ органами управленія. Противополагая „гражданское общество“ государству, къ первому относятъ историческія формы: роды и сословія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности роды (или общины и потомъ корпораціи), сословія (или земства) суть историческія формы самаго государства и не могутъ быть поставлены въ отношеніи къ нему ни въ какую видовую противоположность.

Лишь ошибочнымъ понятіемъ о государствѣ можно объяснить тѣ постоянныя противорѣчія, въ которыя впадаютъ лучшіе публицисты въ ученіи о государственномъ управленіи; относя къ такъ называемому „гражданскому обществу“ органы самоуправленія (Selbstverwaltungskörper) и ферейны, они на долю государства оставляютъ лишь правительственную дѣятельность, противополагая дѣятельность первыхъ дѣятельности втораго, какъ частную правительственной. Такимъ образомъ, понятіе о государствѣ съуживается до понятія о правительствѣ, или на оборотъ, понятіе о правительствѣ расширяется до понятія о государствѣ [1]). Между тѣмъ тѣ же самые писатели въ ученіи о государственномъ устройствѣ твердо держатся разумной мысли, что всѣ низшія формы (роды, сословія и т. д.) облечены государственнымъ значеніемъ и, съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества, не ниспадаютъ въ область частнаго права.

Въ частности — по отношенію къ нашему вопросу, — это смѣшеніе основныхъ представленій ведетъ ко многимъ ошибочнымъ выводамъ, напримѣръ, къ различенію профессіональнаго образованія и общаго, какъ принадлежностей общества и государства, къ отдѣленію воспитанія отъ общественнаго образованія и т. д.

И такъ, говоря объ отношеніи государства къ народному образо-

[1]) См., напримѣръ, *Stein*: Das Bildungswesen (Verwaltungslehre, V.) S. 20 u f. (1868).

ванію, мы имѣемъ въ виду понятіе о государствѣ въ широкомъ смыслѣ, и не можемъ противополагать государства общинамъ, корпораціямъ и сословіямъ, какъ дѣлаетъ Штейнъ, относя школы, основанныя этими послѣдними, къ области частнаго права.

Историческій ходъ русскаго народнаго образованія даетъ намъ возможность излагать мѣры, исходившія относительно его отъ государства, въ той исторической послѣдовательности, въ которой стоятъ другъ къ другу указанные сейчасъ элементы: общины (и корпораціи) въ XVII вѣкѣ, сословія въ 1-й половинѣ XVIII и государство въ тѣсномъ смыслѣ со 2-й половины XVIII вѣка. Но спѣшимъ предупредить, что эта послѣдовательность, повидимому естественная, едва ли окажется въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи согласною съ духомъ русскаго государственнаго права. Въ русскомъ правѣ слѣдуетъ различать: общины (и корпораціи), *земства* и государства. Но средній элементъ лишь недавно призванъ къ дѣятельности и мало проявилъ себя въ исторіи. Сословія вызваны искусственною дѣятельностью государства и могущественнымъ средствомъ къ созданію ихъ были именно мѣры правительства по распредѣленію образованія въ народѣ.

Здѣсь открывается другой порядокъ наблюденій въ области государственной жизни, съ точки зрѣнія избраннаго нами вопроса, а именно: вліяніе мѣръ относительно народнаго образованія на возникновеніе и упадокъ общинъ, корпорацій и сословій.

Когда мы говоримъ о русскомъ государственномъ правѣ, объ отношеніи государства къ народному образованію, то должны помнить, что хотя литовско-русское государство лишилось самостоятельнаго существованія еще въ 1569 году, но этотъ законъ остался мертвою буквою; погибли лишь нѣкоторыя изъ учрежденій, заимствованныхъ изъ польскаго государственнаго права. На мѣсто ихъ тотчасъ явились старыя, русскія учрежденія въ совершеннѣйшей чистотѣ ихъ и тотчасъ вступили въ борьбу съ польскими. Гетманщина, эта искусственная связь литовско-русскаго государства съ польскимъ, представляетъ собою совершенно самобытный русскій центръ, у котораго съ государствомъ польскимъ было лишь одно общее — король. Во всякомъ случаѣ, дѣйствія общинъ и корпорацій по народному образованію въ западной Руси XVII вѣка, и по своему духу, и по внѣшнимъ признакамъ, никакъ не могутъ быть исключены изъ исторіи отношеній русскаго государства къ народному образованію. Со временъ имперіи всѣ остальныя части обоихъ государствъ сливаются вмѣстѣ; внѣ ея остаются лишь такія пассивныя части литовско-русскаго государства,

въ которыхъ нельзя замѣтить никакихъ слѣдовъ движенія въ интересахъ русскаго образованія.

Образованіе, которое могутъ имѣть въ виду указанные сейчасъ органы, какъ одну изъ задачъ государственной дѣятельности, должно быть отличаемо какъ отъ *цивилизаціи*, такъ и отъ *просвѣщенія*. Первая слагается изъ всѣхъ условій общественнаго развитія, то-есть, изъ успѣховъ науки, искусствъ, религіозныхъ воззрѣній. Это есть обширное общее понятіе, въ которое входятъ, какъ части, понятія о просвѣщеніи и понятіе объ образованіи. Цивилизація, какъ предметъ дѣятельности государства, есть вся полиція благосостоянія („культурная полиція“) въ цѣломъ ея составѣ.

Просвѣщеніе есть понятіе болѣе частное: оно заключаетъ въ себѣ тѣ условія, которыя состоятъ въ распоряженіи лица къ дальнѣйшему умственному и нравственному его совершенствованію, послѣ того какъ образованіе его уже закончено; сюда прежде всего относятся литература и различнаго рода ученыя общества. Какъ предметъ государственной дѣятельности, просвѣщеніе является одною изъ частей полиціи благосостоянія, совершенно отличающеюся отъ полиціи образованія въ собственномъ смыслѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ одною изъ частей полиціи безопасности. Полицейскія отношенія, возникающія отсюда (цензура, система административныхъ преслѣдованій, нарушеній законовъ о печати, судебныхъ преслѣдованій по преступленіямъ печати), не имѣютъ ничего общаго съ администраціею народнаго образованія и въ новыхъ государствахъ не возлагаются уже на спеціальный органъ управленія народнаго образованія — министерство народнаго просвѣщенія [1]).

Мы далеки отъ мысли расширять свою задачу до границъ исторіи цѣлой культурной полиціи, и даже полиціи просвѣщенія въ частности. Поэтому дѣйствія государства по отношенію къ литературѣ, ученымъ обществамъ (какъ, напримѣръ, основаніе типографій, цензура, покровительство ученымъ, поддержка ученыхъ обществъ) не входятъ въ нашу задачу. Ограничивается она образованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть, тѣми средствами умственнаго и нравственнаго развитія, которыя предлагаются человѣку въ періодѣ его подготовки къ общественной дѣятельности. Это образованіе, однород-

[1]) Извѣстно, что литературу и ученыя общества часто смѣшиваютъ съ образованіемъ, полагая, что именно въ этомъ заключается *высшее* образованіе, но совершенно ошибочно.

ное по своей сущности, далеко не одно и то же по степенямъ и формамъ: чѣмъ несложнѣе элементъ государства, чѣмъ онъ меньше по своему объему и бѣднѣе по экономическимъ силамъ, тѣмъ проще (однороднѣе) самое образованіе, тѣмъ ниже кругъ знаній, пропагандируемыхъ внутри общинъ. Но какъ низшіе элементы государства охватываютъ собою всю народную жизнь, всѣ классы общества, то и образованіе этого рода есть образованіе наиболѣе распространенное (отличается характеромъ всеобщности). Всѣ эти три черты: однородность, низшій научный уровень и всеобщность составляютъ три черты, характеризующія собою элементарное образованіе.

Какъ ни различно возникновеніе сословій отъ возникновенія нынѣшнихъ классовъ, основанныхъ на различіи профессій; какъ ни вѣрна мысль—относительно по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ народовъ,—объ исконномъ происхожденіи сословій, о кровныхъ началахъ ихъ, но все же несомнѣнно, что и сословія, въ самомъ началѣ своего возникновенія, группируются по профессіямъ; даже восточныя касты суть ничто иное, какъ профессіи. Образованіе, которое можетъ дать сословіе, есть образованіе профессіональное. Отличаясь несравненно большею высотою науки и непосредственною примѣнимостью къ жизни, оно существенно уступаетъ элементарному образованію по своей исключительности, замкнутости.

Лишь государство (въ тѣсномъ смыслѣ) можетъ слить эти противоположности въ одно: сдѣлать высоту научнаго образованія доступною для всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, для многихъ. Общее (среднее и высшее) образованіе—вотъ преимущественно задача государства.

Прилагая эти формулы къ исторіи русскаго образованія, мы находимъ, что до Петра стояло на низкой ступени по своему уровню и на высокой по своему соціальному значенію (по своей однородности и всеобщности) образованіе элементарное. Петръ вызываетъ сословія къ пріобрѣтенію и распространенію профессіональныхъ знаній, несравненно болѣе высокихъ въ научномъ отношеніи. Съ Екатерины II государство стремится къ распространенію общаго образованія (средняго до учрежденія министерствъ и высшаго—съ учрежденія министерствъ).

Такая схема, весьма легкая для историческаго изученія и весьма вѣрная въ отношеніи къ дѣйствительному ходу образованія въ Россіи, не соотвѣтствуетъ, конечно, схемѣ педагогической. Эта послѣдняя развивается слѣдующимъ образомъ: образованіе элементарное, среднее и высшее, которое на всѣхъ ступеняхъ остается общимъ.

За каждою изъ означенныхъ ступеней слѣдуютъ обыкновенно различныя формы профессіональнаго образованія: низшія экономическія профессіи, требующія примѣненія физическихъ силъ (трудъ земледѣльческій и рабочій), слѣдуютъ обыкновенно за элементарнымъ образованіемъ; высшія экономическія профессіи (требующія техническихъ знаній и математики) за среднимъ образованіемъ; наконецъ, такъ называемыя ученыя профессіи (преимущественно государственныя) за высшимъ образованіемъ. Но и это отношеніе профессіональнаго образованія къ общему противорѣчитъ отчасти и соціальнымъ, и педагогическимъ требованіямъ. Человѣкъ, пріобрѣтшій элементарное образованіе, по естественному ходу, не можетъ предаться изученію профессіональныхъ знаній, съ тѣмъ, чтобы отложить на неопредѣленное время пріобрѣтеніе общечеловѣческой образованности. Такъ какъ профессіональное образованіе приготовляетъ къ практической дѣятельности, то для лица, обращающагося къ ней, никогда (не говоримъ объ исключеніяхъ) не наступитъ возможность дополнить свое образованіе высшими, общими знаніями. Огромная масса народа повсюду въ Европѣ слѣдуетъ, конечно, именно такому порядку, но его нельзя считать нормальнымъ, соотвѣтствующимъ психическому росту человѣка. Напротивъ, общее (среднее, а для могущихъ пріобрѣсти его—и высшее) образованіе должно предупреждать всякія профессіональныя знанія, что̀ имѣетъ чрезвычайную важность, какъ для самого общаго образованія (которое въ противномъ случаѣ для большинства вовсе не наступитъ), такъ и для профессіональнаго, которое иначе не можетъ быть основательнымъ.

Отношеніе государства къ народному образованію. Цѣль, преслѣдуемая государствомъ (понимая подъ нимъ и низшіе его элементы) въ своихъ отношеніяхъ къ народному образованію, должна заключаться не въ *созданіи* народной образованности, а въ ея распространеніи. Образованность создается личнымъ творчествомъ духа—разумомъ и волею и, какъ благо чисто духовное, не можетъ никогда быть продуктомъ принужденія, юридической обязанности. Духовныя блага — суть блага личныя: онѣ соприкасаются съ интересами государства не по своему возникновенію, а по своимъ результатамъ [1]).

[1]) *Stein*, стр. 14. «Государство столь же мало можетъ давать (geben) образованіе, какъ и экономическія блага; руководящимъ принципомъ управленія должно быть слѣдующее: государство должно создать для образованія только тѣ условія, которыя не доступны частному лицу собственными его средствами, между тѣмъ какъ пользованіе этими условіями или дѣйствительное образованіе

Точка соприкосновенія государства съ этими духовными благами есть передача ихъ отъ одного лица къ другому; задача государства — *устранить препятствія* для этой передачи и *облегчить средства* для нея.

Слѣдовательно, способы вліянія государства на народное образованіе заключаются въ учрежденіи школъ и другихъ вспомогательныхъ учебныхъ заведеній (музеи, кабинеты, библіотеки и проч.), въ законодательныхъ мѣрахъ и, наконецъ, въ административныхъ учрежденіяхъ.

Къ этой истинѣ государство пришло, однако, не вдругъ. Было время, когда оно считало себя источникомъ и цѣлью образованія, видѣло въ немъ благо, сообщаемое для собственныхъ своихъ цѣлей. Извѣстно, какъ постепенно освобождалось оно отъ этого заблужденія. Остатки прежнихъ воззрѣній можно найдти какъ въ ученіяхъ современной науки о государствѣ, такъ и въ разныхъ пріемахъ административной практики въ европейскихъ странахъ. Говорятъ, что отношеніе государства къ различнымъ родамъ образованія не одинаково, а именно: элементарное, не имѣющее, будто бы, самостоятельнаго значенія, а служащее лишь средствомъ къ пріобрѣтенію образованія, не можетъ претендовать на свободу, а должно быть установлено какъ принудительная юридическая норма. Профессіональное образованіе должно оставаться вполнѣ свободнымъ въ отношеніи къ тѣмъ профессіямъ, которыя возникаютъ изъ личной иниціативы и личныхъ интересовъ, но подлежитъ болѣе непосредственному вліянію государства въ профессіяхъ ученыхъ, потому что здѣсь личный интересъ не можетъ регулировать удовлетвореніе общественныхъ нуждъ съ такою правильностью, какой требуетъ высокое общественное ихъ значеніе. Наконецъ, общее образованіе, оставаясь совершенно свободнымъ, подлежитъ лишь надзору государства, наравнѣ со всѣми другими отправленіями общественной жизни. Въ дальнѣйшемъ теченіи этого изслѣдованія, мы встрѣтимся съ историческою повѣркой означенныхъ положеній. Вообще же, въ примѣненіи къ исторіи русскаго образованія, ходъ этого дѣла былъ иной: элементарное образованіе было свободно въ то время, когда оно находилось въ завѣ-

---

есть дѣло частнаго лица и его индивидуальной дѣятельности». Но какъ вяжется съ этимъ принципъ обязательнаго элементарнаго обученія, признанный Штейномъ? Искусственную попытку выдти изъ подобнаго затрудненія мы укажемъ ниже.

дыванін общинъ; впослѣдствіи, когда государство возложило его на сословія и оно получило профессіональный характеръ, то вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось принудительнымъ, служебнымъ; когда же, наконецъ, государство непосредственно взяло его въ свои руки и обратило его въ общее, то отношеніе его къ образованію сдѣлалось смѣшаннымъ. Оно вступило на путь косвеннаго принужденія.

Относительно средствъ распространенія его въ первую эпоху всѣ принадлежащія сюда мѣры состоятъ лишь въ устройствѣ и поддержкѣ школъ, во вторую—въ учрежденіи школъ и въ законодательныхъ мѣрахъ, наконецъ, въ третью—въ устройствѣ школъ, законодательныхъ мѣрахъ и административныхъ учрежденіяхъ.

Матеріалъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ народному образованію въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Если взгляды государства на свои отношенія къ народному образованію уяснялись весьма медленно, то одною изъ главныхъ причинъ того было младенческое состояніе науки. Едва ли развитіе какого-нибудь другаго вопроса административнаго права зависитъ отъ ея успѣховъ въ столь значительной степени.

Въ частности исторіи этого вопроса (говоря въ строгомъ смыслѣ) не существуетъ еще въ Россіи. Обыкновенно ссылаются приэтомъ на недостатокъ матеріаловъ. Недавно, въ одной рецензіи на книгу г. Окольскаго: „Объ отношеніи государства къ народному образованію“ (Спб. 1872 г.), самою слабою стороною исторической части этого сочиненія была признана исторія русскаго образованія, при чемъ рецензентъ выразилъ мысль, что оно не имѣетъ прошедшаго. Если такъ, то возникаетъ затрудненіе весьма капитальное: чтобы излагать исторію какого-либо предмета, разумѣется, прежде всего нужно совѣстливо убѣдиться, что онъ дѣйствительно существуетъ. Когда говорятъ о недостаткахъ русской образованности, то здѣсь, вѣроятно, разумѣютъ не столько недостатокъ элементарнаго образованія (грамотныхъ людей есть уже не мало) и не столько недостатокъ профессіональныхъ знаній (спеціалисты по экономическимъ и ученымъ профессіямъ существуютъ, хотя, можетъ быть, не въ требуемомъ количествѣ), но, конечно, недостатокъ образованія общаго. Самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ, что это послѣднее до недавняго времени сдѣлало успѣхи лишь незначительные, служитъ то,

что въ понятіи о немъ общество еще не условилось; если одинъ называетъ образованіемъ то, что̀ другой считаетъ помраченіемъ ума, то какъ же излагать его исторію?

Такова именно была крайняя противоположность во взглядахъ на до-петровскую элементарную систему образованія по сравненію ея съ новою, профессіональною. Когда въ срединѣ XVIII вѣка Полетика хотѣлъ предпринять въ изданіяхъ Академіи Наукъ историческій очеркъ образованія въ Россіи, то Ломоносовъ возсталъ противъ этого, доказывая, что взгляды автора на предметъ неблагонамѣренны, что выставляя невѣжество Русскихъ до Петра, онъ тѣмъ самымъ унижаетъ ихъ въ глазахъ иностранцевъ. Въ нѣсколько иной формѣ тотъ же споръ повторялся постоянно и впослѣдствіи, даже въ срединѣ нынѣшняго вѣка возобновили его г. Купріяновъ съ г. Забѣлинымъ. Такъ какъ старая система опиралась на дѣятельности общинъ, корпорацій и отчасти на частномъ починѣ, а новая — на правительственныхъ узаконеніяхъ, то исходъ борьбы былъ весьма интересенъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ народному образованію. Теперь, повидимому, борьба затихла, и хотя стороны разошлись непримиренными, но все-таки это добрый признакъ: нынѣ стали появляться изслѣдователи, для которыхъ дорога лишь вѣрность историческихъ фактовъ.

Въ замѣнъ этой старой борьбы элементарнаго образованія съ профессіональнымъ, возникаетъ новая борьба профессіональнаго образованія съ общимъ. Общество далеко еще не уяснило себѣ, что̀ нужно разумѣть подъ каждымъ изъ нихъ и въ какомъ отношеніи должно стоять одно къ другому.

Не смотря на все это, нельзя сомнѣваться, что народное образованіе въ Россіи есть фактъ дѣйствительный и уже имѣющій свое прошедшее. Предпринимая излагать его исторію, изслѣдователь имѣетъ предъ собою матеріалъ, уже отчасти готовый, хотя ему придется преодолѣть еще важныя затрудненія.

Но историкъ-юристъ, имѣющій дѣло не съ успѣхами образованія, а съ государственными мѣрами относительно его, избавленъ отъ большей части этихъ затрудненій. Образованіе скудно, но масса правительственныхъ мѣръ по этому предмету (узаконеній, уставовъ и распоряженій) такъ значительна, что едва ли мы не можемъ поспорить въ этомъ отношеніи съ любою изъ европейскихъ странъ. Уже въ XVIII вѣкѣ, этотъ матеріалъ возросъ до такихъ размѣровъ, что оказалась необходимость въ особыхъ сборникахъ узаконеній и пра-

вительственныхъ распоряженій по народному образованію; таковы: изданное П. И. Бецкимъ „Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества съ прочими въ пользу юношества установленіями", Спб. 1789 — 1791 гг., а въ текущемъ столѣтіи изданный П. Ивановымъ: „Указатель законовъ объ учебныхъ заведеніяхъ съ учрежденія оныхъ въ Россіи до настоящаго времени и вообще о народномъ просвѣщеніи". Спб. 1830. Въ Полное Собраніе Законовъ вошла значительная часть означенныхъ документовъ, но далеко не вся; доказательствомъ того служитъ: „Архивъ Правит. Сената" (Т. I. Опись именнымъ повелѣніямъ царствованія Императора Петра Великаго 1704—1725. сост. *П. Барановымъ*. Спб. 1872) и „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Свят. Правит. Синода" (Т. I. 1542—1721. Спб 1868). Неизданные архивы разныхъ правительственныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній могутъ увеличить эту массу до невѣроятныхъ размѣровъ. Для историка - юриста эта правительственная дѣятельность представляетъ важный интересъ даже съ отрицательной стороны: она указываетъ пути, по которымъ не должно слѣдовать, если государство желаетъ успѣха въ достиженіи своихъ цѣлей.

Въ нашей литературѣ не встрѣчается еще полныхъ обзоровъ исторіи образованія вообще и отношенія къ этому вопросу государства. Кромѣ трудовъ г. Вольдемара, наиболѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе громадное предпріятіе покойнаго Пекарскаго, только что оплаканнаго русскою наукою, которое, къ сожалѣнію, прекратилось въ самомъ началѣ его. „Введеніе въ исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII столѣтія" („Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., Т. I"), „Исторія Импер. Академіи Наукъ" и многочисленный рядъ статей, сопровождавшихъ эти труды, возбуждали увѣренность, что именно ему мы будемъ обязаны подробнымъ изслѣдованіемъ нашего образованія въ XVIII вѣкѣ. Обращаясь нѣсколько назадъ, мы встрѣчаемъ достойный уваженія трудъ г. Арсеньева: „Историко - статистическій очеркъ народнаго образованія въ Россіи", помѣщенный въ 1-й книгѣ Ученыхъ Записокъ II-го отд. Импер. Академіи Наукъ (Спб. 1854), который содержитъ, однако, лишь перечень правительственныхъ мѣръ. Затѣмъ еще ранѣе явился, почти не принадлежащій къ русской литературѣ, трудъ Крузенштерна, для своего времени довольно полный: „Prècis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie, redigé d'après les documents officiels par Alexandre de Krusenstern". Varsovie. 1837. Затѣмъ, остальныя попытки общаго обзора

хода русскаго образованія являются (говоримъ о прежнемъ времени) лишь панегириками, произносимыми въ торжественныхъ собраніяхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній; поэтому всѣ онѣ и носятъ характеръ официальнаго краснорѣчія. Такова рѣчь Фишера „О ходѣ образованія въ Россіи“ *(Журн. Министр. Народн. Просвѣщ.*, ч. V); такова же (но еще въ большей степени) „Рѣчь о состояніи въ Россіи древняго и нынѣшняго народнаго просвѣщенія“, помѣщенная въ сочиненіяхъ и переводахъ, издававшихся Академіею Наукъ (Ч. IV, 1810). Понятно, что подобныя сочиненія мало помогали государству въ удовлетворительномъ рѣшеніи вопроса о его отношеніи къ народному образованію.

Что̀ касается до частныхъ изслѣдованій, то онѣ ограничиваются или исторіею того или другаго профессіональнаго знанія, или исторіею различныхъ учебныхъ заведеній. Первыя не могутъ, непосредственно, служить матеріаломъ для нашей работы, вторыя существенно важны; къ нимъ принадлежатъ, напримѣръ, сочиненія г. Смирнова („Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи“. М. 1865. и „Исторія Троицкой Лаврской семинаріи“. М. 1867); Веселаго („Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса“. Спб. 1852) и друг. Но необходимо замѣтить при этомъ, что элементарныя школы обращали на себя очень мало вниманія. Особенно старая приходская система элементарнаго обученія возбуждала въ писателяхъ какую-то брезгливость; говорить въ серьезномъ тонѣ о дьячковскихъ школахъ считалось не только неумѣстнымъ, но даже постыднымъ. Тѣмъ пріятнѣе для насъ отмѣтить такія почтенныя исключенія, какъ статьи гг. Сухомлинова („Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи“. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1864. Январь). Извѣкова („Букварная система обученія въ исходѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. *Семья и Школа* 1872, № 5—май), Д. Мордовцова („О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка. *Чтенія Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1861. Кн. IV) и преосв. Филарета (неподписанная: „О старинныхъ школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ. *Черниг. Епарх. Извѣст.* 1862. 1 сент.). Но и новая система элементарнаго образованія еще не вызвала ни одного цѣльнаго изслѣдованія.

Наконецъ, по исторіи общаго образованія во вторую половину XVIII вѣка придется отмѣтить важный трудъ г. Воронова: „Историко-статистическое описаніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа“. Спб. 1869, хотя объ этой эпохѣ существуетъ много изслѣдованій по каждой дирекціи въ отдѣльности.

Планъ изслѣдованія. Изъ предыдущихъ замѣчаній видно, на ка-

кой планъ изслѣдованія указываетъ намъ сама исторія: ранній предѣлъ избранной нами эпохи—XVII вѣкъ; мы не можемъ обозначить съ точностію—съ какихъ именно годовъ начинается эта эпоха, потому что начало многихъ явленій въ области исторіи права образованія совершенно не можетъ быть опредѣлено хронологически. XVII вѣкъ взятъ нами потому, что въ немъ съ совершенною ясностью выражаются тѣ начала, которыя могли существовать раньше. Образованіе до Петра въ общемъ имѣло характеръ элементарный; объ немъ заботились лишь приходскія общины. Такимъ образомъ, первая часть нашего изслѣдованія должна быть посвящена элементарному приходскому образованію и дѣятельности общинъ по отношенію къ нему, до реформъ Петра. Но такъ какъ и до этого времени элементарное образованіе уже начало переходить въ высшія формы, въ рукахъ другихъ органовъ государства, естественно возникшихъ изъ приходскихъ общинъ (корпорацій), и потомъ отчасти въ рукахъ правительства, то мы должны были тутъ же отмѣтить этотъ, можетъ быть, самый интересный фактъ въ исторіи образованія. Такимъ образомъ, мы хотѣли представить цѣльную картину однородныхъ явленій,—систему образованія, вытекающую изъ одного начала.

Система, основанная на элементарномъ образованіи, завѣдуемомъ приходскими общинами, не вдругъ уступаетъ предъ новою, выходившею изъ совершенно другихъ началъ; слѣды ея весьма ясны въ теченіи всего XVIII вѣка и чувствуются отчасти до сихъ поръ; изложеніе причинъ упадка приходскаго элементарнаго образованія, при общемъ разрушеніи старой системы, должно необходимо войдти въ эту первую часть нашего изслѣдованія.

Этимъ могла бы она окончиться. Но и правительству XVIII вѣка не были совершенно чужды заботы объ элементарномъ образованіи, особенно въ началѣ реформаторской дѣятельности Петра. Попытки этого рода (въ чемъ, надѣемся, убѣдится читатель), не состоя ни въ какой связи съ главными началами новой системы, замѣчательны лишь своею неудачею. Поэтому нѣтъ никакой причины относить изображеніе этихъ попытокъ ко 2-й части изслѣдованія, то-есть, къ изслѣдованію о профессіональномъ образованіи. Вниманіе читателя, сосредоточенное на этомъ послѣднемъ, уже не будетъ отвлекаться къ наблюденію явленій, составляющихъ отступленіе отъ системы.

Изображая здѣсь судьбу профессіональнаго образованія преимущественно въ двухъ сословіяхъ—дворянскомъ (военное образованіе) и духовномъ (богословское), мы могли бы окончить разказъ о ней

60-ми годами XVIII вѣка, то-есть, остановиться на реформахъ Екатерины II, существенно измѣнившихъ начала обязательности сословнаго образованія. Но такъ какъ укоренившіяся начала изчезаютъ не вдругъ, то (тамъ, гдѣ это нужно) мы слѣдимъ за профессіональнымъ образованіемъ до конца XVIII вѣка.

Наконецъ, 3-я часть изслѣдованія—о началѣ общаго образованія, повидимому, должна бы начаться съ коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ (то-есть, съ 1786 года); но всѣмъ извѣстно, что государственныя мѣры по народному образованію начинаютъ существенно измѣняться съ самыхъ первыхъ годовъ шестаго десятилѣтія XVIII вѣка, что̀ находится въ тѣсной связи, съ одной стороны, съ измѣненіемъ законодательства о государственной службѣ (манифестъ Петра III, 18-го февраля 1762 года), съ другой—съ измѣненіемъ взглядовъ на образованіе въ такъ называемой просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Вслѣдствіе того, предвѣстія новыхъ явленій замѣтны уже съ послѣднихъ годовъ Елисаветинскаго царствованія (основаніе Московскаго университета), и такимъ образомъ 3-я часть обнимаетъ исторію правительственныхъ мѣръ по народному образованію во 2-й половинѣ XVIII вѣка. Конецъ этой эпохи, заключающей въ себѣ разказъ о мѣрахъ къ развитію общаго средняго образованія, довольно точно совпадаетъ съ учрежденіемъ министерствъ, такъ какъ именно около этого времени начинаютъ возникать университеты.

Читатель видитъ всю невозможность въ изслѣдованіяхъ этого рода подчиняться неуклонно одному изъ двухъ порядковъ: или хронологическому, или систематическому.

Наконецъ, считаемъ нелишнимъ предупредить, что, по самой задачѣ своей, мы будемъ говорить лишь объ отношеніи государства къ образованію *русскаго народа*; поэтому въ кругъ нашего изслѣдованія не входятъ мѣры, касавшіяся инородцевъ. Но изъ этого мы дѣлаемъ двоякое исключеніе: а) для тѣхъ иноязычныхъ школъ, которыя существовали сколько для иностранцевъ, столько же и для русскихъ, и б) для тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя основаны для распространенія христіанскаго и русскаго просвѣщенія среди инородцевъ востока.

I.

Община, элементарное образованіе и народныя школы.

И административная практика, и ученые, какъ признающіе свободу элементарнаго образованія, такъ и не допускающіе ея, одина-

ково согласны въ томъ, что оно есть дѣло общинъ (Gemeinde): на нихъ возлагается обязанность содержать школу, имъ предоставляется и ближайшее право управленія ею. Но что именно слѣдуетъ разумѣть здѣсь подъ общиною — ни законодательство, ни теорія согласиться не могутъ. Законъ въ нѣкоторыхъ государствахъ (какъ, напримѣръ, въ Пруссіи) создаетъ для цѣлей народнаго образованія особый, искусственный школьный округъ. Между тѣмъ, нельзя сомнѣваться, что это самый существенный вопросъ въ цѣлой области права элементарнаго образованія. Если бы къ дѣятельности была призвана не искусственная единица, а живая часть государственнаго организма, то всѣ остальные вопросы той же сферы были бы рѣшены болѣе удовлетворительно.

Названіе „общины“ на русскомъ языкѣ есть терминъ сочиненный; предметъ, ему соотвѣтствующій, никогда не носилъ у насъ подобнаго имени (у юго-западныхъ Славянъ слово община было народнымъ, см. „Хорвато-Далматское законодательство“ Ѳ. П. Леонтовича, стр. 69).

Несомнѣнно, существующій предметъ, обозначаемый этимъ именемъ, есть общественная форма, предшествующая государству, а потомъ входящая въ него, какъ низшій, подчиненный ему элементъ. Но такъ какъ формы, предшествующія государству, разнообразны, начиная отъ простой территоріальной общины и кончая цѣлою землею, то упомянутое названіе далеко еще не имѣетъ для насъ необходимой опредѣленности.

Гораздо тверже по своему значенію народные термины русскаго государственнаго права и между ними въ особенности „погостъ“. Въ нынѣшнемъ сѣверно-русскомъ значеніи погостъ больше общины, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и не означаетъ каждаго поселенія, взятаго въ отдѣльности; съ другой стороны, онъ меньше административной единицы — волости. Уцѣлѣвшая до сихъ поръ жизненная сила, образующая изъ погоста одно цѣлое, есть только религіозная связь. Эта связь не является, однако, случайною для государственныхъ формъ и еще менѣе связью новою, возникшею лишь съ распространеніемъ христіанства и храмовъ. Религіозная связь была именно тою первою силою, которая соединила разрозненныя территоріальныя общины въ одно, сначала временное, а потомъ постоянное цѣлое. Какъ религіозныя торжества и постоянная центральная святыня въ древней Греціи послужили единственнымъ звѣномъ между разрозненными общинами, образовали изъ нихъ постоянные (хотя и односторонніе) союзы — амфиктіоніи, — такъ несомнѣнно и религіозныя „игрища и бѣсовскія

плясанія“ соединили и у насъ разрозненныя общины вокругъ капищъ и потомъ храмовъ. Карамзинъ имѣлъ основаніе сказать, что „погостомъ въ древности называлась *округа*, нѣсколько деревень, подчиненныхъ одному начальству“ (I, прим. 377); а Татищевъ поставилъ слово погостъ въ соотвѣтствіе съ черемисскимъ пагіахъ, которое означаетъ волость (II, 391). При новой десятичной (военной) организаціи погостъ, очевидно, сливается съ одною изъ формъ этой послѣдней.

Односторонняя цѣль образованія этой элементарной государственной формы не помѣшала ей разширить потомъ свое значеніе, сдѣлаться миніатюрнымъ прообразомъ государства, со всѣми разносторонними цѣлями этого послѣдняго. Такъ обыкновенно и бываетъ въ первобытной исторіи человѣческихъ обществъ: люди, соединенные между собою случайными и временными цѣлями, пользуются этимъ соединеніемъ для образованія постояннаго и всесторонняго общества. Погостъ является уже единицею управленія не только религіознаго, но и финансоваго, полицейскаго, а отчасти и судебной власти.

Впослѣдствіи христіанская церковь располагаетъ свои учрежденія по готовымъ общественнымъ формамъ, которыя она застала, а не создаетъ ихъ вновь, подобно тому, какъ съ теченіемъ времени она подчиняется земскому и государственному дѣленію. Въ погостахъ она располагаетъ самые жизненные, самые близкіе къ народу свои органы; въ нихъ сосредоточиваетъ она тѣ направленія, которыя съ перваго появленія своего признала необходимыми и которыя тогдашнее государство могло сознавать лишь весьма смутно, а именно: призрѣніе, народное здравіе и народное образованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что двѣ первыя изъ этихъ потребностей, то-есть, призрѣніе и народное здравіе, сливаясь въ одну общую — попеченіе о лицахъ, лишенныхъ семейной и личной поддержки, такъ или иначе удовлетворялись языческими общинами. Но образованіе едва ли не ограничивалось лишь пріученіемъ къ верховой ѣздѣ (на что̀ указываетъ позднѣйшій обрядъ посаженія на коня при совершеннолѣтіи) и сообщеніемъ умѣнья владѣть оружіемъ (какъ видно изъ свидѣтельства Арабовъ о томъ, что у Славянъ отецъ, при достиженіи сыномъ совершеннолѣтія, вручалъ ему лукъ и стрѣлы, говоря: „отнынѣ добывай себѣ пищу этими орудіями, какъ знаешь“).

Что церковь, расположивъ храмы по погостамъ, дѣйствительно съ самого начала сдѣлала ихъ органами призрѣнія, попеченія о народномъ здравіи и народномъ образованіи,—въ этомъ не оставляютъ

сомнѣнія какъ древнѣйшія свидѣтельства, такъ и обычаи, сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нашихъ дней въ непрерывной преемственности отъ древнѣйшихъ временъ. Люди „церковные“ суть люди „богадѣльные“; въ вѣдѣніи церкви состоятъ какъ „лѣчецъ“, такъ и „прощенникъ“ (врачъ и исцѣленный), „больницы, гостинницы, странноприимницы“ (уставъ, приписываемый Св. Владиміру). Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ служитъ то, что въ XVI, XVII, XVIII вѣкахъ, а иногда и теперь, принадлежностью каждой приходской церкви считаются: богадѣльни, госпитали и школы (о чемъ ниже); люди богадѣльные и поздпѣе кормятся отъ церкви Божіей, суть люди церковные. Всѣ эти учрежденія такъ срослись съ церковію, что связь ихъ съ нею должна быть признана первоначальною.

Что же касается въ частности до народнаго образованія, то хотя уставъ Владиміра не имѣетъ въ виду особыхъ для него учрежденій, но положительныя свидѣтельства лѣтописей не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оно сдѣлалось нормальною принадлежностью общинъ уже съ того времени. Ярославъ I, „устроя церкви по градамъ и по мѣстамъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, велѣлъ имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ“ (Лавр. Лѣт. въ *П. С. Рус. Лѣт.* т. I, стр. 66).

Какое право имѣемъ мы считать общину органомъ народнаго призрѣнія и образованія, если въ приведенныхъ нами сейчасъ свидѣтельствахъ эта дѣятельность приписывается церкви и должна быть приписана ей по общему ходу историческихъ явленій и по примѣру западно-европейской жизни? Извѣстно, что вначалѣ не государство, а церковь вѣдаетъ всѣ тѣ части государственной полиціи, которыя впослѣдствіи переходятъ къ государству подъ именемъ полиціи благосостоянія. Церкви, какъ корпораціи, стоящей не только внѣ общинъ, но и внѣ государства, принадлежатъ первоначально заботы объ образованіи. Но мысль эта, воспитанная каноническимъ правомъ церкви западной, совершенно измѣняется въ примѣненіи къ православной церкви. Мы уже сказали, что русская церковь подчиняла свои внѣшнія учрежденія тѣмъ формамъ общества, которыя она застала. Благодаря этому обстоятельству, не только отличалась она національною жизненностью, но и государственныя формы укрѣпились и одухотворились тѣми высокими задачами, которыя она влила въ нихъ. Всѣ церковныя учрежденія, расположенныя въ погостахъ: храмъ, приходское духовенство, богадѣльни и школы скоро превратились въ общинныя. Доходы и поддержка храма вѣдаются выборными отъ

общины (Пск. Суд. Гр., стр. 68); священники избираются приходомъ, низшій причтъ, напимаемый погостомъ, исправляетъ письменную часть въ административныхъ и судебныхъ дѣлахъ общины; онъ же употребляется ею въ качествѣ школьныхъ учителей. Такимъ образомъ мелкія общины, постепенно устраняемыя государствомъ отъ функцій судебной и административной, заимствовали отъ церкви и ассимилировали себѣ другія отправленія государственной жизни, сдѣлались единственными органами полиціи благосостоянія, отъ которой почти совсѣмъ устранялось центральное правительство.

Мы назвали тотъ типъ общины, съ которымъ имѣемъ дѣло, погостомъ; дѣйствительно, это типъ самый общій, примѣняемый ко всей организаціи управленія въ селахъ. Но въ городахъ онъ измѣнялся въ другія формы, напримѣръ, въ улицы въ В. Новгородѣ, слободы и сотни въ другихъ городахъ [1]). Такимъ образомъ, община, вѣдующая

---

[1]) Чтобы кому-либо не показалась голословною эта (впрочемъ, весьма извѣстная) мысль, приведемъ нѣкоторыя свидѣтельства о правахъ общинъ. Стоглавому собору былъ предложенъ вопросъ объ ограниченіи прихода въ дѣлахъ церковныхъ; но соборъ оставилъ неприкосновенными права общины. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчателенъ уклончивый отвѣтъ собора: «Въ Новѣгородѣ Великомъ попы и діяконы и діяки и пономари и просфирницы уличане въ церкве пріемаютъ и емлютъ на нихъ деньги великіе: на попѣ рублевъ 15, а на иномъ 20, а у иного 30, да съ тѣмъ идутъ ко владыкѣ всею улицею; а владыка только попа пришлетъ къ которой церкви, хотя грамотѣ гораздъ, а только многихъ денегъ уличанамъ не дастъ и они его не пріимутъ». *Отвѣтъ:* «По всѣмъ св. церквамъ въ митрополіи, и во архіепископіяхъ и въ епископіяхъ избираютъ прихожане священниковъ и діяконовъ и діяковъ искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ и житіемъ непорочныхъ, и денегъ у нихъ отъ церкви и изды себѣ не емлютъ ничего и приходятъ съ ними ко святителю и святитель поучивъ ихъ и наказавъ благословляетъ и не емлетъ съ нихъ ничего, развѣ благословенныя гривны, а отъ просфирницъ и пономарей и отъ сторожей попомъ и уличаномъ посуловъ не имати. Но Бога ради избирайте священниковъ, чтобъ были искусны и непорочны отъ всякаго зазора неподобнаго». Трудно понять, хотѣлъ ли соборъ оборотами рѣчи въ настоящемъ времени (глаголовъ («избираютъ» и проч.) показать, что кромѣ В. Новгорода вездѣ избраніе церковнослужителей идетъ правильно, или этимъ выражается приказъ. Во всякомъ случаѣ, соборъ оставляетъ за прихожанами ихъ древнее право избирать и представлять на посвященіе владыки поповъ, дьяконовъ и дьячковъ, и избирать безъ утвержденія владыки пономарей, просфирницъ и сторожей Слѣдовательно, какъ прежде, такъ и послѣ сама община должна была заботиться, чтобы у ней былъ удовлетворительный запасъ людей, пригодныхъ къ тому. Смотри о тѣхъ же правахъ указъ патр. Никона въ акт. Арх. экс. т. IV, № 331; а избирательные акты—въ Акт., отн. до юр. быта; поручныя записи о выбранныхъ въ зем-

полицію благосостоянія, имѣетъ двоякое происхожденіе: государственное развитіе сообщило ей бытіе, церковь вложила въ нее новыя задачи, хотя и старыя (полиція безопасности) не совершенно утрачены ею. Какія именно задачи, имѣющія связь съ нашимъ вопросомъ, принадлежали погосту (приходу) въ XVII и XVIII вѣкахъ, то-есть, въ то время, которое составляетъ непосредственный предметъ нашего изслѣдованія? Для того, чтобы очертить какъ организацію, такъ и всѣ функціи этой элементарной формы государства въ упомянутое позднѣйшее время, мы приведемъ выдержку изъ талантливаго очерка, составленнаго на основаніи несомнѣнныхъ, хотя и необнародованныхъ данныхъ.

„Всѣ лица причта (кромѣ священника) назывались вообще *церковниками*. Они раздѣлялись на участвующихъ въ богослуженіи церковномъ и на заботящихся о церковномъ имуществѣ. Въ числѣ первыхъ стоялъ *дьякъ* (дьячекъ) — *панъ бакаляръ*, *панъ директоръ* [1]), управлявшій клиросомъ и школою. На основаніи *древняго обычая* южно-русскихъ причтовъ — приготовлять для своей церкви прислугу, изъ среды которой выходили бы потомъ дьячки и самые священники, въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, когда уже существовали три спеціальныя заведенія для образованія и приготовленія молодыхъ людей къ духовнымъ должностямъ (академія Кіевская, семинаріи Черниговская и Переяславская), *при каждой приходской церкви* обучалось по нѣскольку мальчиковъ, исключительно изъ безпріютныхъ сиротъ, и потомъ навсегда давали имъ пріютъ при церкви, поручая имъ различныя случайныя должности при ней, питая и одѣвая ихъ изъ щедрыхъ подаяній прихожанъ. Эти *школяры* (ученики) обучались въ домѣ дьячка, называвшемся поэтому *школою*, подъ руководствомъ самого же дьячка, носившаго поэтому титулъ *бакаляра* и *директора*. Они заступали иногда мѣсто дьячка или помогали ему въ пѣніи, чтеніи и прислуживали при церковныхъ обрядахъ; кромѣ того, участвовали съ нимъ въ колядованіи, чтеніи виршъ и пѣніи духовныхъ

ское и въ тоже время въ церковные дьячки см. въ Акт. юр., № 302. Мнѣніе г. Знаменскаго («Приходское духовенство. Каз., 1873»), что право выборовъ уже въ XVII вѣкѣ могло примѣниться не часто, вслѣдствіе утвердившихся правъ наслѣдованія церковными должностями, не имѣетъ силы потому, что совмѣщеніе выборовъ и наслѣдованія въ одномъ и томъ же актѣ есть общеизвѣстная черта старыхъ государственныхъ учрежденій.

[1]) Названіе *дякъ* означало причетническую должность, названіе *бакаляръ* — учительскую, названіе *директоръ* — должность начальника школы.

гимновъ въ великіе праздники. Старшимъ и болѣе практичнымъ, болѣе честнымъ изъ *школяровъ* священники и громада давали названіе *поддячихъ*, то-есть, помощниковъ дьячка, другимъ—*псаломщиковъ*, *клиросниковъ* и т. п. Имъ долго не счастливилось: они живали до 30-лѣтняго и далѣе возраста въ званіи *школяровъ*, церковниковъ, переходили изъ одного прихода въ другой, преслѣдуя завѣтную мечту, и наконецъ возвращались въ первоначальную свою среду, крестьянскую или казацкую, и давали потомству своему фамиліи Паламарчуковъ, Дьяченковъ и т. п.

„Гдѣ церковь была собственностію громады, тамъ въ средѣ самой громады, съ незапамятныхъ временъ, самъ собою, безъ всякихъ внѣшнихъ опредѣленій, существовалъ особый кружокъ, составляемый изъ лучшихъ лицъ въ приходѣ, съ исключительною задачею — пособлять всѣмъ нуждамъ церкви и прихода. Кружокъ этотъ называлъ себя *братствомъ*, а членовъ своихъ *братчиками*. *Братская скрыня* хранилась всегда въ церкви, а ключъ отъ нея находился у одного изъ братчиковъ по выбору, который назывался поэтому *ключникомъ*.

„Число лицъ, примыкавшихъ къ церковному причту, заканчивалось *старцями*. По уставу св. Владиміра, всѣ нищіе въ приходѣ, калѣки, слѣпые, вдовы и сироты были „люди церковные“, то-есть, церковь должна была содержать ихъ и завѣдывать ими. Отсюда на югѣ Россіи до конца XVIII вѣка при каждой почти церкви существуютъ *шпитали* (госпитали), въ которыхъ живутъ *старці* [1]), получающіе все содержаніе отъ причта и громады. Большею частію этотъ кружокъ ежедневно на обѣдъ, на ужинъ расплывался по деревнѣ—одинъ къ одному хозяину, другой къ другому и т. д.; одинъ или два всегда питались и одѣвались священникомъ, одинъ ктиторомъ и проч. На поминальныхъ обѣдахъ, которые такъ часты до сихъ поръ въ Малороссіи, *старці* эти были, какъ и весь причтъ церковный, необходимыми гостями, и подобно какъ священнику, и имъ подавали на молитвы, на поминовеніе души, какъ людямъ, болѣе пожившимъ на свѣтѣ и, значитъ, болѣе заслужившимъ милости у Бога. Впрочемъ, всѣ они, наравнѣ съ прочимъ причтомъ, имѣли и свои занятія при церкви; они собственно сторожили церковь, подметали и убирали ее и исполняли всѣ черныя работы при богослуженіяхъ (носили воду, угли и т. п.), сторожили церковную паперть, были звонарями, *мьхо-*

[1]) На нарѣчіи малороссійскомъ *старецъ* означаетъ вообще нищаго, нищее дитя называется *старченя*.

кошами и т. п. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ они же отбывали службу громадѣ—сторожили въ *царинѣ* (въѣздъ въ село съ воротами), пасли *череду* (стадо). Въ городахъ число *старцівъ* бывало значительно: въ 1748 году при госпиталяхъ шести старо-кіевскихъ церквей было ихъ 143, при тринадцати кіево-подольскихъ церквей — 116. Въ городѣ Кролевцѣ *старці* составляютъ особый *старечій цехъ*, управляемый *старостою старечимъ*; въ госпиталѣ этого цеха хранится *кружка старечая*, считающая въ себѣ значительное количество денегъ, которыя расходуются не иначе, какъ по общему совѣту всѣхъ *старцівъ*, умножающихъ эту кружку промысломъ съ *торбою* и съ протянутою рукою" [1]).

Очевидно, что функціи, принадлежащія общинѣ, слѣдующія: забота о религіозномъ просвѣщеніи (выборъ лицъ на церковныя должности), попеченіе о народномъ образованіи, завѣдываніе церковнымъ имуществомъ и заботы о призрѣніи лицъ, лишенныхъ возможности добывать пропитаніе собственнымъ трудомъ и поддержки семейной. Отстраняя отсюда религіозное просвѣщеніе, какъ не относящееся къ нашей задачѣ, мы получаемъ въ остальномъ смѣшанную сумму отправленій, еще не ясно различаемыхъ. Тѣсная связь общественнаго образованія съ призрѣніемъ, не есть связь случайная; какъ въ древнѣйшія времена, такъ и въ XVIII вѣкѣ, и даже теперь, она проявляется не только у насъ, но и въ другихъ государствахъ Европы, особенно въ Англіи. Явленіе это обусловливается какъ взглядомъ на призрѣніе, такъ и понятіемъ объ общественномъ образованіи, господствующимъ у новыхъ народовъ. Призрѣніе малолѣтнихъ есть дарованіе имъ отъ общества такого воспитанія, какое они при другихъ условіяхъ должны были бы получить въ семьѣ. Въ понятіе объ этомъ воспитаніи входитъ и элементарное образованіе. Такимъ образомъ, по взгляду народовъ новой Европы, элементарное образованіе есть дѣло семьи; между тѣмъ, какъ по взглядамъ народовъ классической древности, всѣ граждане должны были пользоваться имъ обязательно.

Приведенныя нами выше свѣдѣнія объ организаціи общины и функціяхъ ея относятся къ Малороссіи. Хотя, какъ мы видѣли выше, тотъ же самый характеръ общинъ несомнѣнно можно наблюдать во всѣхъ русскихъ областяхъ, но слѣдуетъ помнить, что экономическія

---

[1]) Очерки быта малороссійскаго сельскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ—*Крыжановскаго. Руков. сельск. паст.* 1861, т. 3.

условія постановили большую разницу во внѣшней судьбѣ общинъ малороссійскихъ и великорусскихъ. Въ Малороссіи (и отчасти Бѣлоруссіи) образовались крупныя поселенія, составлявшія одинъ цѣльный или даже нѣсколько приходовъ, но напротивъ въ Великоруссіи поселенія мелкія разбросаны на большихъ пространствахъ, значительное число ихъ составляетъ одинъ приходъ. Это обстоятельство парализуетъ и теперь всѣ общія мѣры, направленныя къ развитію народнаго образованія; это еще болѣе препятствовало всѣмъ отправленіямъ общинной жизни въ старое время. Отсюда возникаютъ между западною и восточною Русью различія относительно многихъ сторонъ народнаго образованія, къ большой невыгодѣ восточной Руси, какъ увидимъ ниже.

Элементарное образованіе. Какъ община есть элементарная форма государства, такъ и образованіе, сообщаемое въ ней, есть элементарная форма образованія.

Но какъ въ исторіи государственныхъ формъ весьма не легко опредѣлить границы, отдѣляющія низшую форму отъ высшей, такъ и въ исторіи образованія трудно обозначить предѣлы образованія элементарнаго. Вопросъ становится особенно спорнымъ потому, что въ древнія времена, при отсутствіи регламентаціи, любая школа могла выходить изъ предѣловъ элементарнаго обученія и вновь возвращаться къ нимъ по временнымъ и случайнымъ причинамъ. Вліяніе, которое она оставляла на своихъ учениковъ, могло быть отнесено, и дѣйствительно иногда относится, къ элементарному образованію, но совершенно несправедливо.

Этимъ уясняется споръ, уже давно поднятый въ нашей литературѣ, объ объемѣ нашей старинной образованности. Одни весьма основательно полагаютъ, что въ основномъ своемъ характерѣ оно было элементарнымъ, ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ [1]) (сюда слѣдуетъ присоединить и нумерацію). Г. Куприяновъ, напротивъ, полагалъ, что въ кругъ общаго обученія входили еще граматика и

[1]) Г. Забѣлинъ приводитъ изъ пѣсни о Вас. Буслаевѣ:

Грамота ему въ наукъ пошла
Посадила его (мать) перомъ писать
Письмо Василью въ наукъ пошло
Отдавала его пѣнью учить
Пѣнье Василью въ наукъ пошло...

Споръ г. Забѣлина съ г. Куприановымъ велся въ 1855 и 1861 гг.

ариѳметика. Свидѣтельства, не подлежащія сомнѣнію, указываютъ, что до XVII вѣка и въ югозападныхъ и въ сѣверовосточныхъ русскихъ училищахъ обученіе ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ (кромѣ тѣхъ высшихъ городскихъ училищъ, которыя несомнѣнно существовали въ городахъ въ до-татарскую эпоху и которыя не относятся къ нашему изслѣдованію). Программа общаго обученія, которую даетъ Геннадій, слѣдующая: „А мой совѣтъ о томъ, что̀ учить въ училищѣ: первое — азбука, граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да псалтыря съ изслѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучлтъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги". Совершенно такую же программу элементарнаго образованія излагаетъ Стоглавый соборъ (хотя и Геннадій, и Стоглавый соборъ хотѣли возвысить кругъ элементарнаго обученія, какъ увидимъ ниже); 6-й вопросъ, поставленный царемъ на Стоглавомъ: былъ слѣдующій: „ученики учатся грамотѣ небрежно, а божественное писаніе о всемъ томъ свидѣтельствуетъ и *намъ* пастыремъ о томъ небреженіи о всемъ отвѣтъ дати".

—Соборъ принялъ слѣдующія мѣры: „И мы о томъ уложили, по царскому совѣту: въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ тѣмъ (?) протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ со всѣми священики и діяконы, коемуждо въ своемъ градѣ, по благословенію святителя, избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и діяконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамотѣ чести и пѣти и писати гораздовы(хъ), и у тѣхъ священниковъ и у діяконовъ и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священницы и діяконы и всѣ православные христіяне въ коемждо градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія и чтенія налойнаго; и тѣ бы священники и діякопы и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ и писати и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, но и паче (паипаче?) же всего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли бы ихъ отъ всякаго плотскаго растлѣнія, но и паче же отъ всякаго садомскаго грѣха и рукоблудія и ото всякіе нечистоты, чтобы имъ вашимъ береженьемъ и поученьемъ, пришедъ въ возрастъ, достойнымъ быти священническому чину; да учениковъ бы есте своихъ и во святыхъ божіихъ церквахъ наказывали и поучали страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію и чтенію и конархатію, по церковному чину; и учили бы учениковъ грамотѣ довольно, коль сами

умѣете и силы бы имъ писанія сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши *всѣ книги* учили“ [1]).

Образованіе, ограничивающееся закономъ Божіимъ, чтеніемъ, письмомъ и пѣніемъ, конечно, способно сообщить лишь весьма низкій уровень знаній. Но въ такомъ видѣ (съ присоединеніемъ сюда счисленія) выработалось оно у всѣхъ народовъ [2]).

---

[1]) Стоглавъ. Гл. 26.

[2]) Вотъ факты, собранные Крамеромъ и другими: первоначальное обученіе у Китайцевъ состоитъ изъ чтенія и письма; ариѳметика даже и теперь не преподается въ китайскихъ школахъ. Общими предметами обученія у Египтянъ были: чтеніе, письмо и счисленіе. Обученіе у Персовъ состояло изъ чтенія, письма, вѣроученія и обрядовъ богопоклоненія. Такъ называемая музыкальная сторона образованія у Аѳинянъ (то-есть, образованіе духа) слагалось изъ чтенія и письма, чтенія и заучиванія образцовыхъ поэтовъ, изъ правилъ благопристойности и музыки въ нашемъ смыслѣ слова: счисленіе не считалось необходимымъ. Въ тривіальныхъ училищахъ римскихъ чтеніе, письма и счисленіе (послѣднее болѣе, чѣмъ у Грековъ) составляли весь общій кругъ образованія. (См. *Cramer:* Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Alterthume, passim. *Гогоцкаго:* Объ историческомъ развитіи воспитанія у примѣчательнѣйшихъ народовъ древняго міра. (*Журн. Мин. Народн. Проса.* 1854).

И въ языческія времена чтеніе и письмо едва ли составляли цѣль школы, безъ всякихъ указаній на опредѣленное примѣненіе ихъ къ другой высшей цѣли въ самой школѣ. Съ побѣдою христіанства хотя составъ элементарнаго образованія остается тотъ же, но въ эту форму влагается иной духъ. «Свойства и требованія христіанской вѣры не дозволяли принимать кого-либо въ нѣдра христіанской церкви, прежде нежели представлены будутъ ясныя доказательства твердаго вѣрованія, внутренняго убѣжденія и нравственныхъ началъ жизни. Въ первыя времена было три степени принятія. Всѣ тѣ, которые не прошли еще трехъ степеней, назывались оглашенными или учащимися. Чтобы вѣрнѣе доставить имъ это образованіе, учреждены были школы во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находился священникъ или діаконъ. Школы для оглашенныхъ, иначе названныя *приходскими*, потому что онѣ были заведены во всѣхъ приходахъ, измѣнили самыя основанія обученія. Въ нихъ къ религіозному обученію присоединены были чтеніе, письмо и первый курсъ — тривіумъ Капелловой энциклопедіи; отчего и самыя школы получили названіе тривіальныхъ, которое и теперь носятъ первоначальныя школы въ Австріи». (Исторія публичнаго обученія. (*Журн. Мин. Народн. Проса.* Ч. V, 1835. № 1 и 2).

Соборы предписывали, «чтобы всякій священникъ въ своемъ приходѣ, по святому обычаю, распространившемуся по всей Италіи, собиралъ молодыхъ людей въ свой домъ и, какъ отецъ, духовно воспитывалъ ихъ въ псалмахъ, въ изъясненіи Св. Писанія и закона Господня.... (Wohlfarth: Geschichte des gesammten Erziehungs und Schulwesens. 1855. Т. II, стр. 142).

Такое образованіе могло, конечно, обходиться и безъ грамотности. Однако лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для сохраненія его признана была грамот-

Однако отсюда вовсе не слѣдуетъ, что элементарное образованіе неподвижно въ своихъ границахъ. Такъ какъ между нимъ и среднимъ образованіемъ не должно быть, и въ древности не было, непро-

---

ность. Карлъ В. въ 789 г. издалъ повелѣніе, въ которомъ онъ настоятельно напоминалъ священникамъ объ ихъ обязанности въ каждомъ монастырѣ и аббатствѣ устроивать школы, въ которыхъ слѣдуетъ учить чтенію, письму, счисленію и пѣнію въ особенности псалмовъ. (Wohlfarth: Geschichte des gesammten Erziehungs und Schulwesens. 1855. B. II, стр. 223).

«Псалтырь въ IX в. (при Карлѣ В.) исключительно назначался и былъ въ повсемѣстномъ и общемъ употребленіи при обученіи чтенію», говоритъ г. Лавровскій. (О древне-русскихъ училищахъ, стр. 130). Нѣтъ сомнѣнія, что общее участіе христіанъ въ богослуженіи, пѣніе псалмовъ и новыхъ христіанскихъ пѣсней были причиною повсемѣстнаго введенія и у насъ псалтыря и часослова учебными книгами. Не безъ причины псалтырь и часословъ были первыми книгами, обновившими типографскій славянскій станокъ (въ типографіи Фіоля, 1491 г., въ Краковѣ).

Когда въ средніе вѣка народныя школы упали и элементарное образованіе уступило мѣсто среднему и высшему, лишенному корней и безжизненному, элементарное образованіе удержалось лишь при прежнихъ формахъ, но уже лишенныхъ духа. Если Вольфартъ говоритъ, что въ это время (въ началѣ XIV в.) «обученіе въ народныхъ школахъ, гдѣ такія уцѣлѣли, понизилось до чтенія, письма и пѣнія псалмовъ» (Wohlfarth. T. II, стр. 329),—то это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что кругъ элементарнаго образованія сократился, а лишь въ томъ, что обученіе чтенію, письму и пѣнію сдѣлалось столько же безжизненнымъ, какъ у насъ въ XVIII в. и отчасти теперь, гдѣ старая вѣковая система приходскихъ школъ уцѣлѣла. Оно омертвѣло въ рукахъ неприготовленныхъ, забытыхъ и не поощряемыхъ учителей.

Оживленіемъ своимъ на Западѣ оно обязано реформаціи. Все вниманіе Лютера обращено было на элементарное обученіе и на народныя школы; по его мнѣнію не нужно устраивать такихъ школъ, какія устраивались до тѣхъ поръ, удерживавшихъ мальчиковъ надъ книгами до 20 или 30 л. Лютеръ первый стремился освободить элементарное обученіе отъ исключительно-религіозныхъ цѣлей. Согласно съ своею политическою системою религіи онъ говорилъ, если бы не было ни ада, ни рая, то образованіе все-таки было бы нужно для государствъ, которыя такого же божественнаго происхожденія, какъ и церковь. Само собою разумѣется, что ни онъ, ни его послѣдователи вовсе не думали въ корнѣ измѣнить элементарное обученіе, совершенно отторгнуть его отъ христіанскихъ началъ. Напротивъ: «духовные завѣдывали катехизическимъ обученіемъ, причемъ помощниками ихъ были кистеры, которыхъ спеціальною обязанностью было внѣдрять въ память учениковъ катехизисъ, псалмы, изрѣченія изъ Библіи и церковныя пѣсни. *Отсюда естественно возникла необходимость* обучать дѣтей чтенію, чтобы они могли читать библію, катехизисъ и пѣсни; съ обученіемъ чтенію соединялось обученіе письму; церковное богослуженіе требовало, чтобы дѣти учились пѣть.... лишь позднѣе, и сначала только кое-гдѣ, присоединилась сюда мірская ариѳметика. (K. v. Baumer: Geschichte der Pädagogik. IV Th. Stuttg.

ходимой пропасти, то элементарное образованіе способно выдѣлить изъ себя множество переходныхъ оттѣнковъ къ среднему. Преимущественно же его разширеніе возможно въ той сферѣ знаній, кото-

1861. S. 349 350). Съ какою медленностію входили въ кругъ обученія и эти невысокіе предметы знаній, видно изъ того, что письмо, составлявшее до реформаціи ars clericalis, не вскорѣ утратило это качество; уже въ XVI в. одинъ профессоръ Виттенбергскаго университета, ободряя студентовъ къ занятію ариѳметикой, проситъ ихъ не устрашаться затрудненіями; хотя умноженіе и дѣленіе представляютъ нѣкоторыя трудности, но и они могутъ быть преодолѣны» (См Окальскаго стр. 114, примѣч. 1).

Однако, въ ученіи Лютера о государственномъ значеніи элементарнаго образованія лежало начало для развитія и иныхъ взглядовъ на народное образованіе. Отсюда ведутъ свое начало въ Германіи два ученія объ этомъ предметѣ, двѣ школы педагоговъ, до сихъ поръ непримиримыя. Представителями первой можно считать Франке, Коменскаго, Геккера, Фельбигера и Рохова; второй—Базедова, Песталоцци и др. Задачи первой выразилъ Роховъ слѣдующимъ образомъ: «главная цѣль моей школы... образовать изъ дѣтей дѣйствительныхъ христіанъ (Gottesverehrer)». Эта цѣль, однакожъ, достигается не «мучительнымъ процессомъ чтенія, не писаніемъ безъ всякаго правописанія, не механическимъ счисленіемъ и заучиваніемъ извѣстныхъ непонятныхъ формулъ и неясныхъ изрѣченій изъ Библіи и церковныхъ стиховъ»..... Вторая цѣль его школы — воспитать крестьянскихъ мальчиковъ для крестьянскаго быта. По плану Коменскаго, образованіе въ народныхъ школахъ должно состоять изъ чтенія, письма, счисленія, пѣнія и началъ географіи и исторіи.

Цѣль второй школы—сообщить дѣтямъ возможно бо́льшую сумму знаній и именно изъ области естествовѣдѣнія. Въ крайней степени эта цѣль указана Дистервегомъ въ извѣстномъ положеніи: «Jeder Schullehrer ein Naturkenner, jeder Landschullehrer ein Naturforscher». (См. Раумера, т. IV, Zur Geschichte des früheren und zur Charakteristik des gegenwartigen Volksschulwesens, стр. 349 и далѣе). Первая школа имѣетъ въ виду индивидуальную (преимущественно нравственную) пользу воспитываемыхъ; вторая, стремясь не упустить изъ виду и этой задачи, главнымъ образомъ имѣетъ въ виду практическую пользу воспитываемыхъ и государственную пользу народнаго образованія. Однако, государства были осторожны въ своихъ требованіяхъ отъ элементарнаго обученія: французскій законъ 15-го марта 1850 года предписалъ обучать дѣтей чтенію, письму, закону Божію, французской граматикѣ и счисленію. Въ Англіи, гдѣ кругъ элементарнаго обученія установила практика, а не законодательство, общими предметами обученія являются: законъ Божій, чтеніе и письмо и лишь для половины школъ и учениковъ — ариѳметика. Прусскій регулятивъ 3-го октября 1854 года установилъ необходимыми предметами обученія: законъ Божій, отечественный языкъ, ариѳметику и пѣніе, въ особенности церковное. Только въ послѣднее время государства начинаютъ расширять кругъ обязательнаго обученія въ народныхъ школахъ, именно въ ту сторону, которая считается необходимою для приготовленія жителей къ ихъ гражданскимъ обязанностямъ (по французскому закону 10-го апрѣля 1867 года, вмѣнено въ обязанность изу-

рая главнымъ образомъ ведетъ къ существенной цѣли элементарнаго образованія — развитію логической силы мышленія, именно въ изученіи отечественнаго языка и математики. Въ этой именно области совершалось развитіе элементарнаго образованія въ Россіи XVII вѣка.

Въ силу этихъ причинъ, вопросъ: что̀ понималось подъ элементарнымъ образованіемъ въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, становится нелегкимъ для рѣшенія.

Вопросъ этотъ можетъ быть отчасти рѣшенъ на основаніи понятія „элементарный“ (азбуковниковъ, букварей). Подъ этимъ именемъ разумѣется не одна азбука, то-есть, обученіе чтенію и даже

ченіе французской исторіи и географіи; по прусскому циркуляру 19-го ноября 1859 года—отечественной исторіи и естествовѣдѣнію).

Лишь на русской ученой почвѣ въ недавнее время заявляются неожиданныя требованія включить въ элементарное обученіе, кромѣ чтенія, письма, ариѳметики и закона Божія, и «знаніе средствъ, при помощи которыхъ человѣкъ можетъ обезпечить свое физическое существованіе», то-есть, «изученіе извѣстнаго *ремесла, промышленности*, требуемой экономическими условіями извѣстной мѣстности... Въ высшихъ классахъ народнаго училища. . могутъ преподаваться и теоретическія свѣдѣнія изъ *политической экономіи*.... Вспомогательными науками въ этомъ отношеніи нужно считать *математику, геометрію* (?) и *рисованіе*. Для умственнаго развитія является необходимымъ преимущественно изученіе *роднаго языка*, изученіе не ограниченное къ началамъ (?) грамматики, но *основательное его усвоеніе*... Къ предметамъ, имѣющимъ въ виду умственное развитіе, принадлежатъ преимущественно *естественныя науки*.... въ особенности для простаго народа. *Музыка* и *пѣніе* (о рисованіи уже упомянуто), развивая чувства человѣка, будутъ пополнять его эстетическое образованіе... Что̀ же долженъ изучить человѣкъ для пріобрѣтенія *гражданскаго* образованія? Не подлежитъ сомнѣнію, что для того нужно изученіе *географіи*, *исторіи* и *отечественныхъ законовъ*... Пріобрѣтеніе такого знанія (юридическаго) не представляетъ *значительныхъ* затрудненій... (См. Окольскій: «Объ отношеніи госуд. къ нар. обр.» Спб. 1872, стр. 446—456).

Всѣ эти требованія заявляются весьма серьезно писателемъ-юристомъ, который притомъ стоитъ за обязательность элементарнаго обученія въ Россіи.

Что каждый гражданинъ долженъ получать равное со всѣми высшее образованіе—это не есть фальшивая утопія, а жизненный идеалъ государствъ, которыя должны имѣть его постоянно предъ своими глазами и употреблять всѣ разумныя мѣры, приближающія къ нему. Общая мѣра, ведущая къ этой цѣли—это открытіе легкаго доступа всѣмъ къ среднему и высшему образованію, а не распространеніе элементарнаго образованія до границъ высшаго. Если же рѣчь идетъ не объ идеалахъ будущаго, а о такихъ государственныхъ мѣрахъ, которыя наука можетъ рекомендовать государствамъ, при нынѣшнихъ ихъ формахъ и экономическомъ строѣ, рекомендовать къ немедленному исполненію, то такими неумѣренными требованіями наука въ глазахъ правительственной практики подрываетъ лишь свой кредитъ.

письму, но цѣлая энциклопедія элементарнаго образованія (дидактика) и нравственныхъ, дисциплинарныхъ наставленій (педагогика).

„Въ концѣ XVII вѣка составленіе букварей обратилось почти въ манію. Одинъ іеродіаконъ Пстоминъ сочинилъ до 4-хъ букварей". *(Семья и Школа.* 1872. № 4-й, стр. 728).

Всѣ эти азбуковники и буквари до безконечности разнообразны: начиная съ простаго алфавита буквъ и изложенія слоговъ и кончая энциклопедіею 7 свободныхъ наукъ,—буквари представляютъ непрерывную цѣпь постепенно разширяющихся системъ элементарнаго образованія. Эта разнообразная система руководствъ можетъ представить довольно убѣдительныя свидѣтельства какъ для тѣхъ, кто ограничиваетъ кругъ древняго ученія однимъ голымъ чтеніемъ, такъ и для тѣхъ, кто растягиваетъ предѣлы его до границъ философскаго знанія: стоитъ только избрать для своего наблюденія тотъ или другой предѣлъ элементарныхъ знаній, тотъ или другой кругъ азбуковниковъ.

Между тѣмъ, это есть необходимое послѣдствіе системы, естественно развивающейся, при чемъ становится весьма затруднительнымъ указать границы именно элементарнаго образованія.

Печатные буквари какъ XVII вѣка (до-петровскіе), такъ и временъ Петра указаны у Пекарскаго [2]); но несравненно бо́льшее количество обращалось письменныхъ букварей (да и печатные распространялись главнымъ образомъ чрезъ переписку); можно съ увѣренностью сказать, что почти каждый школьный учитель составлялъ самъ или по крайней мѣрѣ сокращалъ печатные буквари. Этимъ объясняется множество азбукъ въ каждой мѣстности Россіи — особенныхъ, сохранившихся до нынѣ.

Въ содержаніе печатныхъ букварей, кромѣ уроковъ грамотности, входили: а) статьи по ученію вѣры (молитвы, символъ вѣры, изложеніе о православной вѣрѣ, при чемъ спеціально обращалось вни-

---

[1]) 1) «Наука ку читанію и разумѣнію писма словенскаго, тутыжъ и о св. Троицы и о въчеловѣченіи Господни», Вильна, 1596 г., въ друкарнѣ правосл. братства виленскаго. 2) «Грамматика, албо сложеніе писмена хотящымъ ся учити словенскаго языка младолѣтнымъ отрочатемъ». 1621. Вильна. 3) Первый московскій букварь Бурцева, 1634. (2-е изд. 1637). 4) Виленскій букварь 1652. 5) 2-е изданіе (первое неизвѣстно) московскаго букваря—1664 г. 6) Кіевскій букварь 1664. 7) Букварь Львовскаго братства 1671. 8) Московск. букв. 1679. 9) Букварь Кариона Истомина 1696. 10) Букварь Θед. Поликарпова — 1701 («словенскими, греческими, римскими письмены»). 11) Москов. «букварь языка словенска»... 1704—1708 г. 12) «Юности честное зерцало» 1717. Петербургъ (послѣдній относится уже къ новой системѣ элементарнаго образованія).

маніе на тѣ пункты вѣроученія, которые подвергались спору въ той или другой мѣстности: о св. Троицѣ — въ западныхъ, о перстосложеніи—въ восточныхъ букваряхъ, творенія св. отцовъ въ отрывкахъ и житія святыхъ); б) краткіе словари; в) статьи педагогическаго содержанія; г) образцовые письмовники.

Изъ этого можно вывести приблизительно болѣе вѣрное опредѣленіе круга элементарнаго обученія, въ его нормальныхъ, общепризнанныхъ границахъ, чѣмъ изъ обзора содержанія письменныхъ азбуковниковъ, потому что составитель печатнаго руководства во всякомъ случаѣ разчитывалъ на возможно большій сбытъ своей книги, и слѣдовательно, приспособлялъ ее къ установившимся и уже извѣстнымъ требованіямъ большинства, между тѣмъ какъ составитель письменнаго руководства могъ разчитывать иногда только на свою собственную школу. Далѣе, при отсутствіи всякой регламентаціи элементарнаго обученія и его круга, естественно предположить, что печатныя руководства не только примѣнялись къ господствующимъ понятіямъ о границахъ ученія, но сами служили указателями этихъ границъ для учителей менѣе образованныхъ, менѣе самостоятельныхъ, дѣйствовавшихъ въ глухихъ маленькихъ общинахъ.

Однако и рукописные буквари никакъ не могутъ быть устранены изъ виду, при опредѣленіи сферы обученія въ элементарныхъ школахъ.

Изъ письменныхъ обращаетъ на себя особенное вниманіе, вѣроятно предназначенный для печати, букварь, приписываемый Лихудамъ: „Преднаказанье дѣтей“ [1]). (рукп. С.-Петерб. Дух. Акад.), описанный г. Извѣковымъ. Въ немъ ученіе грамотности предупреждается педагогическими наставленіями родителямъ о преимуществахъ образованія предъ невѣжествомъ. „Алфавитарь“ свой составитель считаетъ „*дверью*, или *введеніемъ* къ пожеланію писаній вѣдѣнія“, такъ что дѣти, начавши учиться грамотѣ, по крайней мѣрѣ сколько нибудь научатся правописанію и граматикѣ; а уже послѣ желающіе могутъ удобно перейдти къ полному граматическому знанію и наконецъ къ познанію разума Св. Писанія.

Самые уроки грамотности убѣждаютъ г. Извѣкова, „что звуковой пріемъ былъ извѣстенъ въ зачаткѣ и рекомендованъ на Руси еще въ исходѣ XVII вѣка!“ „Подобаетъ коеждо писмя глаголати, яко оно гласъ свой творитъ, и якоже гласъ его есть, сице и звати тое по

[1]) *Семья и Школа* 1872. № 4, кн. 2, стр. 739.

гласу его... ѣ глаголати достоитъ яко іе, а не ять"... Звуковой методъ примѣняется, впрочемъ, къ однимъ гласнымъ. Въ ученіи о слогахъ сообщаются свѣдѣнія о частяхъ рѣчи („яже суть сія: имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе"), о падежахъ (именит., родительн., дательн., винит., звательн., творит., сказательный), о числахъ (единств., двойств. и множ.), родахъ (муж., женск., средн., общій и предобщій), временахъ глаголовъ (настоящее, преходящее, прошедшее, мимошедшее, неопредѣленное, будущее). „Суть же и на послѣдующая инымъ частемъ требователна, но ради *малыхъ дѣтемъ* не удобства оставлена, яко: залози, начертанія, виды, наклоненія, супружества; о сихъ въ граматицѣ хотяй да чтетъ".

Отсюда ясно заключаемъ, что букварь предназначенъ былъ для самыхъ элементарныхъ школъ, для малыхъ дѣтей.

Затѣмъ сообщаются правила орѳографіи.

„*Новоначальніи* ученики, по свидѣтельству азбуковниковъ XVII вѣка, послѣ азбуки проходили граматику, глаголемую аданатосъ" [1]). Эту трудную науку „преднаказаніе" облегчаетъ съ тѣмъ, чтобы ученикъ „*самохотно* и безтрудно въ малое время" усвоилъ себѣ ея основныя начала. Хрестоматическая часть азбуковника состоитъ изъ „Отче нашъ, символа вѣры, Богородице — Дѣво"... Въ заключеніе изложены правила школьной дисциплины, гдѣ заключается и обычная похвала розгѣ.

Границы элементарныхъ знаній, указанныя букваремъ Лихудовъ, не составляютъ изобрѣтенія этихъ авторовъ. Множество другихъ письменныхъ азбуковниковъ, по своду г. Мордовцева, указываютъ на такія же точно границы, утвердившіяся въ XVII вѣкѣ. Въ самой азбукѣ подъ объясненіемъ разныхъ буквъ сообщались свѣдѣнія изъ граматики, весьма удовлетворительныя, а именно: а) фонетика съ раздѣленіемъ звуковъ на звательные, полузвательные возразительные и кончательные (оба послѣдніе рода суть наши полугласные *ъ* и *ь*); б) исторія письменнаго изображенія буквъ въ Римѣ, Греціи, у Славянъ (Кирилъ, Константинъ) и у Пермяковъ (Стефанъ Пермскій); г) правописаніе и удареніе,—послѣднее требовало особеннаго вниманія и усилія со стороны учителей и учениковъ, при многочисленности надстрочныхъ и строчныхъ знаковъ въ старомъ правописаніи [2]). Пе-

---

[1]) *Семья и Школа* стр. 745. См. также у Лавровскаго.

[2]) Оксія, исо, варія, камора, краткая, звательно, титла, словотитла, апострофъ, кавыка, ерикъ, запятая, двоеточіе, точка вопросительная, удивительная, вмѣстительная.

реносный знакъ — „недотяга“ или „недоступка“, по выраженію старыхъ азбуковниковъ, „прежде Славяне отнюдь не полагаху въ строкахъ; нынѣ же благодатію Христовою радостно пріемлютъ и исправляютъ, навыкше зрѣніемъ въ иноязычныхъ сирѣчь во Еллинно греческихъ и латинскихъ паче же Кіевскихъ книгахъ“. д) Этимологическій разборъ, при чемъ объяснялись „паденія“ (падежи): „именовательное, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное; роды именъ (между прочими посредній, то-есть, средній), „проименія“ (мѣстоименія), „супружества“ (спряженія) глаголовъ. Всѣ эти свѣдѣнія разсѣяны въ азбуковникахъ подъ разными буквами и не составляютъ систематической граматики.

Какъ на отдѣльную систематическую науку, на граматику въ самыхъ азбуковникахъ иногда дѣлаются ссылки. Но могла ли она преподаваться во всѣхъ приходскихъ школахъ — это остается вопросомъ, который для многихъ школъ, особенно сельскихъ, придется, конечно, рѣшить отрицательно.

За то азбуковники въ концѣ представляютъ указаніе на всѣ семь свободныхъ наукъ (trivium и quadrivium) и въ томъ числѣ на граматику. Значеніе этихъ указаній г. Мордовцевъ удовлетворительно опредѣляетъ тѣмъ, что „онѣ уяснили школьникамъ путь ихъ будущаго самообразованія, возбуждая въ молодыхъ умахъ, фразами высокопарными и иногда таинственными, высокое уваженіе къ этимъ наукамъ.

Однако, азбуковники представляютъ и краткій обзоръ нѣкоторыхъ изъ семи свободныхъ искусствъ; такъ, подъ именемъ геометріи сообщались достаточныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической, хотя сами азбуковники ссылаются на космографію, гдѣ ученику обѣщается болѣе подробное изложеніе знаній этого рода [1]).

---

[1]) «Геометрія» тѣхъ азбуковниковъ, которые пересматривалъ г. Мордовцевъ, сказавъ, что человѣкъ есть «животное геометрическое», опредѣляетъ *кругъ земли* въ 20.601 «италіянскую» милю. Частей свѣта указывается три: Асія, Европа, Африка; Америка же полагается во Асіи же и во Европѣ. Въ Азіи полагается «свѣтлосіятельное государство Россійскаго царства» (которое только «краемъ» своимъ находится въ Европейской части), татарское царство, государство Кизылбашское, остальною частію владѣетъ Шпанскій король (разумѣются ли тутъ колоніи въ южной Азіи?). Африка описана въ политическомъ отношеніи почти правильно, равно какъ и Европа. Само собою разумѣется, что очерки географіи излагались болѣе или менѣе правильно, смотря по лицу преподавателя. Источники же болѣе точныхъ свѣдѣній, какъ мы знаемъ, существовали. Образецъ самостоятельной русской работы въ этомъ отношеніи представляетъ книга: «Большему чертежу».

Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ 7 наукъ не преподавались тогда въ первоначальныхъ, какъ самостоятельныя, школахъ, но надо предполагать (судя по очеркамъ ихъ въ азбуковникахъ), что въ городахъ, особенно въ Москвѣ, были школы, кромѣ славяно-греко-латинской академіи, гдѣ сообщалась далеко не одна грамотность. Этимъ рѣшается споръ, поднятый г. Филоновымъ съ г. Мордовцевымъ о томъ, преподавалась ли реторика и др. науки въ допетровскихъ школахъ. Г. Филоновъ указываетъ, что множество учебниковъ реторики, сохранившихся до насъ отъ XVIII вѣка, конечно, назначались не для славяно-греко-латинской академіи; но г. Мордовцевъ говоритъ въ своей статьѣ о тѣхъ, дѣйствительно первоначальныхъ, школахъ, для которыхъ назначались разбираемые имъ азбуковники. Въ этихъ послѣднихъ школахъ, конечно, нельзя предполагать преподаванія всѣхъ семи свободныхъ искусствъ. Одно только изъ нихъ—именно ариѳметика, несомнѣнно, вошла въ кругъ элементарнаго обученія.

Всѣ азбуки XVII вѣка, дошедшія до насъ, несомнѣнно содержатъ болѣе или менѣе обширное изложеніе ариѳметики [1]). Обыкновенно въ этихъ старинныхъ ариѳметикахъ ариѳметическія дѣйствія выводились изъ умственныхъ задачъ, безъ предварительныхъ общихъ и трудныхъ для ученика опредѣленій.

Часословы и псалтыри открывали собою ту область знаній, въ которой такъ сильна была допетровская Русь. „Простымъ мужикамъ“ — раскольникамъ Аввакуму съ братіею, конечно, трудно отказать въ обширныхъ, хотя и не всегда осмысленныхъ знаніяхъ священнаго писанія, священной и церковной исторіи. Но и ихъ противники, кромѣ самыхъ высшихъ сановниковъ церкви, не могли нигдѣ получить образованія, кромѣ тѣхъ же общинныхъ школъ. Не забудемъ, что и самъ Никонъ былъ крестьянинъ, избранный прихожанами — крестьянами же, — въ сельскіе священники. Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ недостатки школьнаго образованія восполнялись исполинскими усиліями самообразованія. Но кому не извѣстно, что стремленіе къ самообразованію возможно только тогда, когда развился вкусъ къ знанію, когда по крайней мѣрѣ школа не возбуж-

---

[1]) См. напримѣръ, «Старинная Азбука» во *Влад. Губ. Вѣдом.* 1862 г. № 30. Азбука раздѣляется на 6 отдѣловъ: въ 1-мъ собственно азбука съ приличными на каждую букву сентенціями; во 2-мъ склады; въ 3-мъ наставленія, какъ адресовать письма къ различнымъ лицамъ, въ 4-мъ вопросы и отвѣты о нѣкоторыхъ священныхъ предметахъ; въ 5-мъ переводъ нѣкоторыхъ словъ нѣмецкаго нарѣчія; въ 6-мъ ариѳметическое ученіе».

дала отвращенія къ знанію, что̀ къ сожалѣнію такъ нерѣдко бывало въ XVIII вѣкѣ?

Конечно, не остается никакого сомнѣнія, что основная часть первоначальнаго обученія заключалась и въ XVII вѣкѣ въ азбукѣ, часословникѣ, псалтырѣ, письмѣ и пѣніи, а подъ конецъ и въ счисленіи. Это мы могли бы изучать на живыхъ примѣрахъ недавней дѣйствительности во всѣхъ углахъ Россіи. Но вопросъ состоитъ въ томъ, признавались ли эти предметы обученія конечными цѣлями его, или только средствами для пріобрѣтенія знаній и нравственнаго развитія?

Только въ послѣднемъ случаѣ элементарное образованіе заслуживаетъ имени образованія. И дѣйствительно, только невѣжественные преподаватели могли ограничиваться голою азбукою, а потомъ неосмысленнымъ чтеніемъ псалтыря и часослова (какъ это сдѣлалось обычнымъ послѣ, когда лучшія педагогическія силы уже отвлечены были къ среднимъ училищамъ). Азбуковники показываютъ, что учитель XVII вѣка, подъ скрытною формою азбуки, преподавалъ массу разнообразныхъ, но самыхъ необходимыхъ свѣдѣній. Сверхъ того, педагогическая часть азбуковниковъ — нравственныя наставленія и религіозное образованіе, для котораго часословъ и псалтырь первоначально служили средствомъ, а не цѣлію,—даютъ истинное содержаніе элементарному образованію.

Мы принуждены здѣсь остановиться нѣсколько на уясненіи значенія элементарнаго образованія. Чтеніе, письмо и даже счисленіе суть не что иное, какъ орудія образованія, совершенно необходимыя, но сами по себѣ вполнѣ безсодержательныя. Если человѣкъ впослѣдствіи не воспользуется ими для цѣлей образованія, онѣ или теряются совсѣмъ, забываются, а если и сохраняются, то не обнаруживаютъ ни малѣйшаго вліянія на историческій ходъ развитія обществъ. Если элементарное образованіе ограничивается ими, то совершенно вѣрно мнѣніе Штейна (а Штейнъ именно только въ нихъ полагаетъ элементарное образованіе), что „оно состоитъ изъ такихъ знаній, которыя сами по себѣ (an und für sich) не имѣютъ ни содержанія, ни достоинства (ohne Inhalt und Werth)“. Поэтому государство и требуетъ ихъ отъ низшихъ классовъ не *для образованія* этихъ послѣднихъ, а для открытія имъ доступа къ образованію. Элементарное образованіе есть скорѣе мѣра, клонящаяся къ соціальному уравненію классовъ, чѣмъ къ распространенію образованности. На этомъ основаніи, какъ увидимъ ниже, Штейнъ утверждаетъ право государства дѣлать элементарное образованіе принудительнымъ. Мысль Штейна

стоитъ у него въ стройной связи съ другимъ его положеніемъ: всякое общественное образованіе должно быть отдѣлено отъ воспитанія; это послѣднее возлагается на семью. По его убѣжденію, только этимъ отдѣленіемъ образованія и воспитанія и характеризуется *общественное* образованіе.

Опытъ исторической жизни всѣхъ народовъ учитъ, что оба эти положенія знаменитаго ученаго, вытекающія изъ наилучшихъ цѣлей, не вѣрны. Государственныя науки, говоря о правѣ образованія, не должны вторгаться въ область педагогіи съ своими положеніями, совершенно противорѣчащими аксіомамъ этой послѣдней науки; а одна изъ аксіомъ ея заключается въ томъ, что образованіе едино, что оно различается лишь по степенямъ на элементарное, среднее и высшее; что, слѣдовательно, и элементарное образованіе не есть только *условіе* для пріобрѣтенія образованія, а низшая степень самаго образованія [1]). Хотя дѣйствительно всѣ, какъ не христіанскіе, такъ и христіанскіе народы ограничивали элементарное образованіе чтеніемъ, письмомъ, счисленіемъ и пѣніемъ, но никогда эти знанія не разсматривались, какъ цѣль. Предполагалось при этомъ (какъ дѣйствительно и бываетъ обыкновенно, хотя и не всегда), что съ самаго начала процесса чтенія уже начинаются два важнѣйшихъ процесса человѣческаго преуспѣянія: упражненіе логической силы мысли (и чрезъ то возбужденіе новыхъ понятій, а слѣдовательно, и знаній) и упражненіе воли, то-есть, не только простое регулированіе ея (пріученіе къ труду), но и направленіе ея къ опредѣленной цѣли, къ извѣстному нравственному идеалу. Выборъ книги для чтенія, сентенцій для письма, конечно, никогда не представлялся безразлич-

---

[1]) «Народная школа составляетъ низшую ступень той же лѣстницы, должна отличаться (отъ гимназій) не характеромъ, а только объемомъ сообщаемаго знанія и другихъ воспитательныхъ средствъ» — таковъ принципъ Дистервега (см. у Модзалевскаго: Очеркъ ист. воспит. и обученія. Спб. 1866, стр. 725). «Назначеніе народной школы отличается отъ назначенія другихъ высшихъ школъ не качественно, а только количественно, и ученики ея, какъ люди вообще, должны быть развиваемы, облагораживаемы ., по возможности, вводимы въ общую культурную жизнь остальнаго человѣчества». Такого начала Бенеке (см. ib. стр. 830). «Народная школа, предназначенная для земледѣльцевъ, рабочихъ и т. п., должна на столько развить душевныя способности ученика и сообщить ему на столько знаній и умѣній, на сколько ему необходимо, чтобъ быть человѣкомъ.... Bürgerschule отличается отъ народной не духомъ и направленіемъ, а большимъ количествомъ сообщаемыхъ знаній». Такъ думаетъ Карлъ Шмидтъ. (См. ib. стр. 853—854).

ною случайностью, и нѣкоторыя книги, какъ, напримѣръ, Гомеръ у Грековъ и псалтырь у христіанскихъ народовъ, продержались учебными книгами во все время исключительно эллинскаго и исключительно религіозно-христіанскаго образованія, въ силу обычая, безъ всякихъ предписаній власти. Очевидно, что та или другая книга совершенно соотвѣтствовала въ ту или другую эпоху идеаламъ ея относительно нравственнаго, религіознаго или эстетическаго образованія.

Далѣе, ни одинъ народъ, даже до новѣйшихъ временъ, не выразилъ ни въ чемъ, что общественное образованіе должно быть совершенно отдѣлено отъ воспитанія. Напротивъ, гораздо чаще случалось, что воспитательный элементъ въ общественномъ образованіи неумѣренно преобладалъ въ ущербъ этому послѣднему; такъ было въ нѣкоторыхъ классическихъ государствахъ, такъ было въ средневѣковой Европѣ въ монастырскихъ школахъ и послѣдующихъ Bürgerschule. Устраняя крайности воспитательнаго направленія общественныхъ школъ, мы получаемъ чистый выводъ, что, по смыслу культурныхъ народовъ, выраженному въ ихъ исторіи, общественное образованіе вообще, а элементарное въ особенности, никогда не можетъ быть отдѣлено отъ воспитанія.

Обращаясь къ исторіи образованія нашего народа въ описываемую эпоху, находимъ, что, судя по школьнымъ уставамъ XVII вѣка, воспитаніе съ элементарнымъ образованіемъ (какъ и семья со школою) не прерывали тѣсной связи. Взаимныя ихъ отношенія какъ они были тогда установлены, представляются намъ довольно нормальными (за исключеніемъ тѣхъ педагогическихъ мѣръ, которыя соотвѣтствовал духу эпохи) [1]).

а) Общія воспитательныя требованія школы заключаются въ слѣдующемъ: внѣ училища ученикъ обязанъ „не ходить въ неприличныя собранія, или пирушки, не имѣть общенія и товарищества съ тѣми, которые тому преданы; ибо человѣкъ, какъ съ преподобнымъ преподобенъ бываетъ, такъ со строптивымъ развращается“ [2]); быть учтивымъ при встрѣчѣ съ людьми достойными, какъ духовнаго, такъ и

[1]) Для приходскихъ школъ югозападной Руси мы пользуемся уставами низшихъ братскихъ школъ, которыя, какъ показано будетъ въ своемъ мѣстѣ, стоятъ въ самой тѣсной связи съ приходскими. Что же касается воспитанія, то черты, находимыя въ братскихъ школахъ, должны быть въ высшей мѣрѣ приписаны приходскимъ.

[2]) 1-й Уст. Пам. Кіев. Ком. I, отд. I, стр. 89—90 (2) ibid.

свѣтскаго сословія, открывая предъ ними голову и отдавая поклонъ. Равно и къ мѣстамъ, посвященнымъ Богу, какъ-то: монастырямъ, кладбищамъ, *училищамъ*, преимущественно предъ другими мѣстами должны имѣть почтеніе. „А сіе они сдѣлаютъ, какъ, находясь въ тѣхъ мѣстахъ, станутъ воздерживаться отъ лишнихъ поступковъ, непристойныхъ словъ и нескромныхъ шутокъ“ [1]).

Внутри школы воспитательное значеніе ея поддерживается, прежде всего, требованіями отъ учителей такихъ отношеній къ ученикамъ, которыя напоминали бы отношенія родителей къ дѣтямъ. Требовалось, „чтобы учитель, по своей небрежности, зависти и лукавству, не остался виновенъ ни за одного ученика передъ Богомъ Вседержителемъ, а также передъ родственниками ученика и передъ нимъ самимъ, еслибъ отнялъ у него время и занялъ его чѣмъ инымъ. Ибо сказано: „лукавый рабе и лѣнивый, подобашети вдати сребро мое торжникамъ и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою“ [2]). „Учитель долженъ и учить, и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ, убогихъ и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія, учить — сколько кто по силамъ научиться можетъ; только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ... и Богъ хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити“ [3]).

При надлежащихъ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ, школьный порядокъ возникаетъ самъ собою. Ученикъ долженъ каждый день приходить къ школу [4]), потому что если онъ перестаетъ ходить, то увольняется изъ школы, какъ тратящій напрасно время. Ученики должны приходить во-время и вести себя тихо, потому что „должны слушать, уразумѣвать и замѣчать все, что будетъ читано, сказываемо и диктуемо учителемъ, стараясь всѣми силами, чтобы все слышанное могъ выразить подобно учителю“ [5]). Ученики должны сидѣть на мѣстахъ, назначенныхъ учителемъ, по успѣху каждаго. „Кто будетъ больше знать, долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма былъ бѣденъ“. „Богатые передъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою; а по внѣшности равны всѣ, ибо всѣ мы братья о Христѣ; всѣ мы члены одной главы Христа и ни одинъ

---

[1]) 2-й Уставъ ib стр. 99—100. (4) ib стр. 101.
[2]) 2-й Уст. ib., стр. 99—100.
[3]) Ib., стр. 101.
[4]) 2-й Уставъ ib., стр. 110 и 1-й уст. ib., стр. 86.
[5]) 1-й Уст., стр. 87.

членъ, напримѣръ, глазъ рукѣ и рука ногѣ не можетъ сказать: „ты мнѣ не нужна“. [1]).

Къ надзору за соблюденіемъ педагогическихъ правилъ привлечены сами ученики. Эта мѣра, какъ извѣстно, обоюду острая; сю можно, при извѣстныхъ условіяхъ, сдѣлать столько же вреда, сколько, при другихъ, пользы. Вредъ достигается, если наблюденіе производится тайно, или если оно возлагается постоянно, на одно привиллегированное лицо. Въ уставѣ Луцкой школы надзоръ устроенъ иначе: лица для наблюденія избираются каждую недѣлю новыя по два, или по 4 мальчика, „отъ чего ни одинъ не можетъ отказываться, когда до него дойдетъ очередь“; они вовсе не привиллегированныя лица; на ихъ обязанность возлагается: „пораньше приходить въ школу, подмести ее, затопить въ печкѣ и сидѣть у дверей“. Это временные хозяева школы, съ-измала пріучающіеся къ домоводству и чистоплотности; они, какъ хозяева, должны „знать обо всѣхъ, кто выходитъ. Они должны записывать и доносить о тѣхъ, которые бы не учились, шалили, или въ церкви безчинно стояли, или домой идучи вели себя непристойно“ [2]).

Конечно, ни духъ времени, ни цѣль школы, не позволяла обойтись безъ наказаній. По мнѣнію устава (приводящаго слова Писанія), „аще безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчища есте, а не сынове“. Мы не знаемъ характера и мѣры наказаній; уставъ говоритъ однако, что учитель долженъ „за непослушаніе наказывать не тирански, а наставнически; не сверхъ мѣры, а по силамъ, не съ буйствомъ, а кротко и тихо, не только мірски, но и выше мірскаго“ [3]), то-есть, не по формальному соотвѣтствію проступка съ наказаніемъ, а по нравственной мѣркѣ.

Особенныя воспитательныя мѣры заключались въ обращеніи преподаванія въ орудіе воспитанія. Какъ книги для чтенія, такъ и отрывки для письма избирались съ цѣлями нравственнаго наставленія; выборъ для письма, опредѣляется, слѣдовательно, началомъ св. Писанія: „Елика бо предписана быша, въ наше наказаніе предписашася“ [4]). Наконецъ, нравственныя наставленія составляли особый, спеціальный предметъ въ кругѣ школьныхъ занятій: „Послѣ обѣда, въ субботу, учитель обязанъ не мало время и гораздо больше, чѣмъ

[1]) 2-й Уставъ, стр. 100—101.
[2]) 2-й Уст. ib. 109.
[3]) Ib., стр. 99.
[4]) Ib., стр. 106.

въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божію и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви передъ Богомъ, въ домѣ передъ родными своими и какъ имъ вездѣ сохранять добродѣтель и цѣломудріе, то-есть, передъ Богомъ и святыми Его, почитаніе и страхъ передъ всѣми вообще, покорность и уваженіе, а сами въ себѣ чистоту и добродѣтель. И сіи наставленія, должны быть заново внушаемы дѣтямъ; для чего не будетъ имъ мѣшать и памятнаго по школьной чашѣ испивать. Ибо писано: любяй сына, прилежнѣе наказуетъ“ [1]).

Изъ этого учрежденія, не имѣвшаго въ своемъ началѣ ничего нерацiональнаго, впослѣдствіи, въ великорусскихъ духовныхъ школахъ, выработали возмутительные субботники, то-есть, весьма не педагогическую мѣру наказывать или за проступокъ, давно уже совершенный, о которомъ самъ шалунъ забылъ, или даже наказывать впередъ—въ запасъ.

Утро воскресенья посвящалось также религіозно-нравственнымъ наставленіямъ Предъ литургіею въ воскресенье и праздничные дни „учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ въ томъ праздникѣ или святомъ днѣ и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ“ [2]).

Эти-то наставленія, записываемыя потомъ самимъ учителемъ или учениками, служили вмѣстѣ съ тѣмъ значительнымъ дополненіемъ образованія; они составили даже особую литературу, съ которою мы встрѣтимся въ правилахъ великорусскихъ приходскихъ школъ. Руководясь тѣми же абуковниками, которые послужили намъ для опредѣленія круга элементарнаго образованія, мы можемъ опредѣлить и связь его съ воспитаніемъ въ великорусскихъ приходскихъ школахъ.

Согласно съ постановленіями Стоглава, въ училищахъ того времени дѣло воспитанія сливалось съ дѣломъ обученія и даже преобладало надъ нимъ. Сами азбуковники—эти энциклопедіи школьнаго ученія — были столько же учебниками, сколько книгами нравственно-назидательнаго содержанія, практическихъ житейскихъ наставленій.

Школьная дисциплина была далека отъ форменныхъ, безсодержательныхъ требованій послѣдующихъ временъ; ея цѣль—пріученіе дѣтей къ опрятности и благопристойности, какъ относительно себя самихъ, такъ и относительно школы.

---

[1]) 2-й Уст. ib., стр. 107.

[2]) Ib., стр. 108—109.

«Хр акаія и ины волглости вонъ да исплюеши,
Предъ ближнимъ и средп школы да не повержеши,
Хрипленія горлянаго и сопѣнія носоваго не имѣйте,
Но яспорѣчно умное и всякое реченіе имѣйте».

или:

«Шумъ и крикъ неполезный здѣ да не явится,
Любяй сіе съ нами да не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдь да не услышится,
Да не ближними нѣкими зло о насъ помыслится.
Шапки и одежды на грядку да полагаете,
И оттуда паки бережно взимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и безпорошна и изчищена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдь не износите.
Школьные недостатки 3-й староста да знаетъ
И для потребы прилежно да смотряетъ.
Школу нагрѣвайте и метите повседневно;
Староста же сему наряжаетъ почередно.
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристроляетъ».

Работы въ школьномъ домѣ, возложенныя, какъ отсюда видно, на самихъ учениковъ, простирались на всѣхъ равно и всѣхъ равно пріучали къ физическому труду:

«Сосуды, прилучающіеся въ школѣ, ставляйте и кладите тихо
Да побреженія ради приключится вамъ малое лихо;
Сосудъ воды свѣжія въ школу приносити,
Лаханъ же съ настоянною водою вонъ износити;
Столъ и лавки часто вами да мыются,
Да приходящимъ въ школу не гнусно видются,
Симъ бо познается ваша личная лѣпота,
Аще у васъ будетъ школьная чистота».

Книги, по которымъ учились въ школѣ, составляли предметъ особой заботливости: онѣ не брались учениками домой, но оставлялись по окончаніи урока въ школѣ,—сдавались школьному старостѣ, который полагалъ ихъ на особомъ „стольцѣ“, и на утро опять выдавалъ школьникамъ. Было запрещено разгинать книги и класть печатью внизъ, равно оставлять въ согнутой книгѣ „указательное деревцо“ (указку) въ видѣ замѣтки.

Вообще

«Книгъ аще кто не бережетъ,
Таковый души своея не стережетъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что школьные порядки того времени проникнуты религіозною обрядностью и отчасти монастырскою строгою важностью. Тутъ ничто не считалось мелочнымъ. Если излишнее уваженіе къ мелочной обрядности въ жизни привело древнюю Русь къ извѣстнымъ, довольно грустнымъ послѣдствіямъ, то относительно школы этого сказать нельзя; здѣсь, дѣйствительно, слѣдовало принять за принципъ, что для воспитывающагося не должно быть мелочей; иначе дѣло воспитанія въ глазахъ дитяти теряетъ всякій авторитетъ.

Обращаясь къ нравственному воспитанію, мы находимъ, какъ выше уже замѣтили, въ азбуковникахъ свидѣтельство о томъ, что практика исполняла предписанія Стоглава, который, какъ мы знаемъ, обратилъ главное вниманіе на страшный порокъ—недугъ, такъ однако не нерѣдкій въ дѣтскомъ возрастѣ. Противъ него и сродныхъ ему пороковъ направлены въ азбуковникахъ сильныя и разнообразныя увѣщанія. Но и пороки болѣе тонкіе, свойственные молодости, не ускользали отъ вниманія педагоговъ того времени. Г. Мордовцевъ выражается такъ: „по нѣкоторымъ отрывкамъ азбуковниковъ можно видѣть, что между юношествомъ училищъ до-петровской Руси товарищество считалось дѣломъ похвальнымъ и благороднымъ, и возстановить противъ себя товарищей наушничествомъ и подлостію никто не осмѣливался“. За то былъ учрежденъ открытый надзоръ между товарищами. Цѣль его — не поддержаніе внѣшней тишины въ школѣ, а помощь учителю въ его не легкой задачѣ блюсти учениковъ и „хранити ихъ, яко зѣницу ока“. „Имѣй у себе въ остереганіе изъ добрѣйшихъ и искуснѣхъ учениковъ, могущихъ и безъ тебя оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ“. Это „старосты“, изъ которыхъ одинъ выслушивалъ уроки учениковъ и смотрѣлъ за книгами, другой, вѣроятно, наблюдалъ за нравственнымъ поведеніемъ учениковъ, третій — за чистотою и вообще хозяйствомъ школы.

Какъ дисциплина и нравственность, такъ рвеніе къ занятіямъ поддерживалось наказаніями, свойственными вѣку:

«Лоза дѣтей всякимъ добротамъ научаетъ,
И злый обычай удобь отлучаетъ».. . . . . .

или:

«Егда кто другъ друга здѣсь уличитъ,
Таковый съ терпѣніемъ на школьномъ козлѣ полежитъ».

Однако, не одна угроза тѣлесныхъ наказаній поддерживала школу; значительную роль играетъ въ этомъ—стыдъ предъ товарищами, не сдѣлавшими проступка. Ученики такъ говорятъ своему наставнику:

«Въ нѣкоторыхъ изъ насъ есть вина,
Которая не продъ многими деньми была,
Виновнїи, слышавъ сіе лицемъ рдятся,
Понеже они нами смиренными гордятся».

При устройствѣ общественныхъ школъ отношеніе воспитанія и образованія можетъ быть установлено троякимъ образомъ: или а) образованіе и воспитаніе дѣлаются исключительнымъ достояніемъ школы (закрытыя заведенія, что было испытано у насъ особенно со времени Екатерины II, когда разрывъ семьи и школы оказался столь глубокимъ, что признано было совершенно необходимымъ оторвать дѣтей отъ семейства и родной среды, чтобы создать новую породу людей); или б) образованіе падаетъ на долю школы, а воспитаніе оставляется за семьею, или наконецъ в) и то, и другое продолжаютъ быть обязанностью и семьи, и школы. Два первыхъ способа были испытаны безъ успѣха одинъ за другимъ. Школа мѣстной общины, при нормальныхъ отношеніяхъ къ семьѣ, удобнѣе могла придти къ третьему рѣшенію задачи (для котораго, кажется, наступаетъ очередь нынѣ въ нашихъ казенныхъ училищахъ).

Уставъ Луцкой школы говоритъ, что „наши ученики кромѣ наукъ и добродѣтели ничему другому учиться не будутъ“. Сообразно съ этимъ построенъ былъ весь школьный порядокъ.

Всеобщность элементарнаго образованія. Безспорно, низкій уровень элементарнаго образованія не можетъ быть поставленъ въ укоръ старой системѣ приходскихъ училищъ. Не это обстоятельство, а отсутствіе образованія средняго и высшаго ставятъ древне-русское образованіе на весьма низкую ступень въ нашихъ глазахъ. Элементарное образованіе, тѣсно слитое съ воспитаніемъ, преслѣдовало другую цѣль, которой и достигало по мѣрѣ силъ своихъ.

Исключительное господство элементарнаго образованія имѣетъ другую заслугу; его значеніе чисто соціальное. Мы уже сказали, что это соціальное значеніе его опирается на его всеобщности и равенствѣ.

Школа составляла такую же принадлежность каждаго прихода, какъ церковь. Говоря о всеобщности элементарнаго образованія, мы именно разумѣемъ эту всеобщую *распространенность школъ*, а отнюдь не всеобщность распространенія элементарныхъ знаній. Утверждать, что въ этихъ школахъ обучалось все населеніе, что оно было поголовно грамотнымъ, было бы не только противно историче-

скимъ фактамъ, но могло бы быть отвергнуто даже безъ повѣрки фактовъ [1]).

Тѣмъ не менѣе, мы придаемъ чрезвычайную важность тому, что школа считалась нормальною принадлежностью прихода. Этимъ устраняется главное препятствіе для общаго развитія элементарныхъ знаній. При существованіи школы съ готовыми для нея учителями, расширеніе круга посѣщающихъ ее лицъ есть лишь дѣло времени и простыхъ законодательныхъ мѣръ.

Всеобщность существованія школъ утверждается несомнѣнными свидѣтельствами. Мы уже приводили въ другомъ мѣстѣ выдержку изъ замѣчательной статьи Крыжановскаго; вотъ что еще говоритъ онъ: „На основаніи древняго обычая.... *при каждой* приходской церкви обучались по нѣскольку мальчиковъ, почти исключительно изъ безпріютныхъ сиротъ.... Эти школяры обучались при домѣ дьячка, называвшемся поэтому школою, подъ руководствомъ самого же дьячка, носившаго поэтому титулъ бакаляра и директора“ [2]).

Статистическія описанія Малороссіи по восточную сторону Днѣпра, составленныя въ прошломъ столѣтіи, изчисляютъ школы, именно какъ принадлежность приходской церкви.

„Въ томъ городѣ (Яиполѣ) церквей: первая соборная Покровъ; *при той церкви* дворовъ жилыхъ поповскій одинъ, діаконовъ одинъ, дьячковъ одинъ, *школа одна*. Вторая — Преображенія Господня; *при ней* дворовъ поповскихъ три, въ томъ числѣ пустой одинъ, дьяконовъ одинъ, дьячковъ одинъ, *школа одна*. Третья церковь св. Георгія: *при ней* дворовъ поповскихъ два, *школа одна*... Село Орловка, церковь — Рождества Пресвятыя Богородицы: дворовъ: поповскій одинъ, *школа одна*, подаческихъ жилыхъ двадцать девять. Село Порохонь; церковь Введенія Пресв. Богородицы; дворовъ: поповскій одинъ, *школа одна*, подаческихъ жилыхъ пятьдесятъ одинъ. Село Усокъ: церковь — Успенія Пресв. Богородицы, дворовъ: поповскій одинъ, *школа одна*, подданныхъ жилыхъ четырнадцать“ [3]).

Благодаря г. Лазаревскому, и автору статьи: „О старинныхъ школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ“, помѣщенной въ *Черниг. Епарх.*

---

[1]) «Грамотность на Руси едва ли не была всеобщею». *В. И. Лешковъ:* Русскій нар. и госуд.» стр. 426.

[2]) Руковод. для сельск. паст. 1861, т. 3.

[3]) См. Журналъ засѣданія Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета № 10, стр. 9 — 16.

Государственная ГЕКА

Извѣст. [1]), которые свели эти статистическія данныя, мы можемъ представить слѣдующую таблицу населенныхъ мѣстъ и школъ въ нынѣшнихъ Черниговской и Полтавской губерніяхъ. Мы должны предупредить, что распредѣленіе этихъ поселеній на города, мѣстечки, села и деревни сдѣлано на неизвѣстномъ намъ основаніи; во всякомъ случаѣ, названіе деревни въ Малороссіи не можетъ обозначать того же, что̀ называется деревнею въ Великоруссіи (то-есть, поселенія, не имѣющаго церкви). Были ли въ каждомъ изъ изчисляемыхъ поселеній церкви — рѣшить нельзя; во всякомъ случаѣ, этимъ мы въ правѣ объяснить нѣкоторую разницу между числомъ населенныхъ мѣстъ и числомъ школъ.

Полкъ Черниговскій (1748 года)

сотни.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы
1) Полковая	1	—	6	4	11
2) Бѣлоуская	—	—	9	10	4
3) Выбельская	—	—	5	4	4
4) Слабинская	—	—	6	5	3
5) Роисская	—	—	10	11	9
6) Любецкая	—	1	8	27	14
7) Седневская	—	1	12	6	11
8) Городницкая	—	1	15	3	17
9) Березинская	—	1	2	3	8
10) Столенская	—	—	4	—	5
11) Синявская	—	1	3	1	4
12) Менская	1	—	10	2	11
13) Вольшская	—	—	4	4	4
14) Сосницкая	—	1	9	1	13
15) Киселевская	1	5	7	—	8
16) Попорпицкая	—	1	21	2	18
Всего	3	12	131	83	144

Полкъ Нѣжинскій (1747 года).

сотни.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
1) 1-я полковая	—	—	9	1	11
2) 2-я полковая	1	—	14	2	16
3) 3-я полковая	—	—	6	—	8
4) Мринская	—	1	4	2	2
5) Олишевская	—	1	4	—	6

[1]) 1862 1-го сентября, прибавленіе.

сотни.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
6) Дѣвицкая	—	1	5	—	8
7) Верхіевская	—	1	5	—	5
8) Прохорская	—	—	8	—	8
9) Ивангородская	—	1	4	—	5
10) Бахмацкая	—	1	3	—	5
11) Конотопская	—	1	8	—	15
12) Борзенская	1	—	11	—	14
13) Шаповаловская	—	1	4	—	5
14) Батуринская	—	1	8	—	10
15) Новомлинская	—	1	5	2	8
16) Кролевецкая	—	1	6	—	11
17) Коропская	—	1	9	—	13
18) Глуховская	1	—	42	8	44
19) Воронежская	—	1	8	—	13
20) Ямпольская	—	1	4	—	8
Всего	3	14	167	15	215

Полкъ Лубенскій (1745 года).

сотни.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
1) Полковая	1	1	33	7	28
2) Лукомская	2	1	15	5	14
3) Чигринъ-Дубровская	1	2	10	4	14
4) Пирятинская	1	1	32	5	28
5) Чорнусская	1	1	12	—	11
6) Городисская	1	—	5	—	—
7) Сенчанская	1	—	11	1	15
8) Лохвицкая	1	—	13	6	5
9) Глинская	1	—	8	3	10
10) Роменская	1	—	32	5	29
11) Смѣлянская	—	1	4	—	10
12) Константиновская (графа Головкина)	—	1	5	1	4
13) Берестовицкая (того же владѣнія)	—	1	1	1	2
14) Жуковская волость	—	—	2	—	2
Всего	11	9	183	38	172 [1])

[1]) Въ счетъ населенныхъ мѣстъ мы не ввели слободки, что, нужно думать, означаетъ малороссійскіе хутора.

Полкъ Переяславскій (1741 года).

сотни.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
Полтава	1	—	—	—	6
1) 1-я полковая	—	—	21	—	24
2) 2-я полковая	—	—	17	2	15
3) Великобудиская	—	—	1	—	5
4) Решетиловская	—	—	1	—	6
5) Старосанжаровская	—	—	1	—	7
6) Новосанжаровская	—	—	1	—	5
7) Бѣлицкая	—	—	1	—	5
8) Кобеляцкая	—	—	1	—	7
9) Сокольская	—	—	1	—	4
10) Кишенская	—	1	2	—	1
11) Переволочанская	—	—	1	—	3
12) Керебердянская	—	—	1	—	5
13) Нехворощанская	—	—	1	—	—
14) Малцкая	—	—	1	—	1
15) Царичанская	—	—	1	—	1
16) Китайгороская	—	—	1	—	2
17) Орлянская	—	—	1	—	—
18) Старосамарская	—	—	1	—	1
Всего	1	1	55	2	98

Полкъ Прилуцкій (1740 года).

сотни.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
1) Полковая	1	—	31	2	27
2) Журавская	—	1	2	1	—
3) Варвинская	—	—	9	1	9
4) Сребранская	—	1	13	1	13
5) Иваницкая	—	1	5	—	4
6) Ичанская	—	1	7	—	7
7) Монастырская	—	1	4	2	4
8) Карабутовская	—	1	8	—	—
9) Краснополядинская	—	1	8	—	5
Всего	1	7	87	7	69

Полкъ Миргородскій (1841 года).

сотни.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
1) Полковая	1	1	16	1	—
2) Хорольская	1	—	11	4	—

сотни.	Города.	Мѣстечки.	Села.	Деревни.	Школы.
3) Власовская	1	—	1	1	3
4) Кременчугская	1	—	—	4	2
5) Городисская	1	—	2	4	3
6) Потоцкая	1	—	1	—	2
7) Омельницкая	1	1	—	1	5
8) Голтвянская	1	—	4	—	5
9) Остаповская	1	—	4	—	7
10) Бѣлоцерковская	1	1	1	—	2
11) Богацкая	1	—	1	—	3
12) Устивицкая	1	—	1	1	2
13) Яресковская	1	—	1	—	—
14) Шишацкая	1	—	1	—	3
15) Сорочинская	1	—	4	1	—
Всего . . .	15	3	48	18	37

Полки Кіевскій и Стародубскій не вошли въ таблицу г. Лазаревскаго. Относительно послѣдняго авторъ упомянутой статьи въ *Черниг. Епарх. Изв.* дополняетъ ее слѣдующими свѣдѣніями: „По описи земель 1767 и 1768 г., производившейся свѣтскими чиновниками, видимъ въ Стародубскомъ полку, почти при каждой церкви, или школу или гошпиталь. Напримѣръ, при Новгородъ-сѣверской соборной церкви школа и въ ней дьячокъ, псаломщикъ и пономарь, богадѣльня—гдѣ нищіе („мѣсто на богадѣльню надано отъ бывшаго сей церкви дьячка Ивана Веребья, что утверждено и универсаломъ гетм. Скоропадскаго"); здѣсь же дворъ братскій. При Варваринской церкви школа съ дьячкомъ, богадѣльня и дворъ братскій. При Покровской — школа, гдѣ дьячокъ и 4 псаломщика казачьяго званія и богадѣльня для скалѣченныхъ. При прочихъ городскихъ церквахъ—школа при каждой. При церквахъ: Лѣнковской, Хилчицкой, Старой и Новой Гуты— школа и гошпиталь и при первой въ школѣ дьячекъ съ двумя псаломщиками. При Погаровской—школьная изба съ дьячкомъ и другая съ пономаремъ. При церквахъ: Игнатовской, Знобской, Рыковской, Багриновской, Фаевской, Очковской, Каменской, Жиховской, Горбовской, Горской—школа съ дьячкомъ, при чемъ сказано, что Игнатовскій дьячекъ питается съ доходовъ церковныхъ и роковщины; а Знобской школѣ принадлежитъ огородъ. Глазовская школа съ псаломщикомъ, а въ Погребковской живутъ школьники. Въ Шептаковской сотнѣ при церквахъ: Стар. Жадова, Ларіновка, Гудова, Погорѣлецъ, Машева—

школа съ дьячкомъ и богадѣльня съ старцами и изувѣченными. При церквахъ: Веребьевской, Ковпинской—школа съ дьячкомъ; при Роговской, Архиповской, Печенюгской — тоже. Во второй Стародубской сотнѣ, въ Андрейковичахъ, въ школѣ дьячекъ и псаломщикъ, а въ другой школьной избѣ живутъ школьники; въ Дахновичахъ въ школѣ дьячекъ; въ Матовкѣ — школа. Подобныя замѣтки и при описи другихъ сотней".

Изъ частныхъ описаній Черниговской епархіи преосв. Филарета [1]) можно извлечь нѣкоторыя дополненія; напримѣръ, въ с. Пшовѣ — школа („а прожить ему Матвѣю негдѣ, что уже школа сгнила" — актъ 1742 г.). По переписи 1767 года при обѣихъ церквахъ Баклани — школы; тоже при церквахъ селъ: Ивойтенки, Бѣлаго-Колодезя, Тополи, Кривца, Иваевъ („школа съ двумя хатами и шпиталь"), м. Ропска („школа, гдѣ три псаломщика и двѣ богадѣльни"), Хромнаго, Соловьевка и др.

Кромѣ указанной выше возможной причины различія числа населенныхъ мѣстъ (и церквей) и числа школъ, нужно еще имѣть въ виду очевидную неполноту имѣющихся у насъ данныхъ; такъ полковая (центральная) сотня Миргородскаго полка, имѣющая 19 поселеній, будто бы не имѣетъ вовсе школъ; равнымъ образомъ въ Хорольской, заключающей въ себѣ 16 населенныхъ мѣстъ, тоже не показаны школы. Обстоятельство это, при сличеніи съ данными о другихъ сотняхъ того же полка, обличаетъ простой пропускъ въ статистическихъ данныхъ, потому что потребность въ грамотныхъ людяхъ для однихъ только отправленій полковаго суда и управленія (равняющагося нынѣшнему губернскому) ощущалась, конечно, гораздо больше въ полковомъ городѣ, чѣмъ въ селахъ.

Туже тѣсную связь народнаго образованія съ приходскою общиной и, слѣдовательно, равенство числа церквей и школъ, мы находимъ и въ Слободской Украйнѣ, въ которой католическая пропаганда не могла быть даже отрицательною причиною развитія и поддержки народнаго образованія. Руководясь „Истор. стат. описаніемъ Харьковской епархіи" [2]) и статьею Г. П. Данилевскаго [3]), мы можемъ из-

---

[1]) *Черниг. Епарх. Изв.* разныхъ годовъ.

[2]) Отд. I, Харьковъ, 1859. Отд. II и III, Москва, 1858. Отд. IV и V, Харьковъ, 1858.

[3]) Харьковскія народныя школы въ «Матеріалахъ для исторіи украинской литературы и народнаго образованія». Харьковъ, 1866.

влечь слѣдующія интересныя, но отрывочныя данныя, относящіяся къ первой половинѣ XVIII вѣка.

Въ г. *Харьковѣ*: при соборѣ школа и двѣ школы, изъ которыхъ въ одной 3 наставника, а въ другой — одинъ дьячекъ; при Троицкомъ храмѣ — школа съ 7 наставниками-дьячками; при Благовѣщенской церкви — школа съ дьячкомъ учителемъ; при Вознесенской — школа.

Въ г. *Валкахъ* — при Преображенской церкви школа и шпиталь.

Въ г. *Ахтыркѣ* — школа при Николаевской церкви (уже по акту 1675 года).

Въ г. *Сумахъ* — 5 школъ, изъ коихъ при церкви Троицкой школа съ двумя учителями и богадѣльня.

Въ г. *Бѣлополѣ*: при Соборѣ — школа съ двумя учителями и братерскій дворъ, при Преображенской церкви одна школа, при Ильинской — школа съ двумя учителями.

Въ г. *Зміевѣ* — школа съ 4 наставниками.

Въ г. *Лебединѣ* — при Ильинской церкви школа.

Въ селахъ: Деркачахъ, Должикѣ и Роговянкѣ — школы. Въ *Новой Водолагѣ* — 2 школы, съ 4 наставниками въ одной и съ однимъ въ другой. (Въ описаніи городовъ Азовской губ. 1779 года сказано, что въ этомъ селѣ, на иждивеніи тамошнихъ жителей, заведено училище, въ которомъ священническія дѣти обучаются латинскому языку до реторическаго класса, также ариѳметикѣ, россійской граматикѣ, правописанію и катехизису, по способности"). Тоже въ селахъ: Водолажкѣ (2 школы), Нижней Сыроваткѣ (1 школа съ 7 учителями), Бобрикѣ, Стецковкѣ, Хотѣни, Кровномъ (1 школа съ 4 дьячками), Баромесѣ, Ворожбѣ (Бѣлопольской), Климовѣ, Рѣчкахъ, Тростинцѣ, Семеренкахъ, Ворожбѣ (Сумской), Гринцовкѣ, Голубовкѣ, Михайловкѣ, Штеповкѣ (1 школа съ 3 наставниками), Печенѣгахъ (2 школы. по дѣламъ 1726 года), Балаклеѣ (2 школы), Андреевкѣ, Шелудковкѣ, Лиманѣ (3 школы и при нихъ 8 дьячковъ-учителей), Соколовѣ (1 школа съ 4 дьячками), Пристѣпѣ, Сѣньковѣ и Левковкѣ. Въ Межиричѣ (бывшемъ городѣ) „по переписи 1732 года, при Успенской церкви школа, при Троицкой — школа и шпиталь, при Воскресенской — школа, при Михайловской — школа, при Николаевской — школа: наставники — дьячки"; при Преображенской — школа и шпиталь.

Г. Данилевскій, принимая эти свѣдѣнія за полное статистическое описаніе народнаго образованія той эпохи въ Слободской Украйнѣ, подводитъ такой итогъ: тогда (при 46 школахъ) одна школа

приходилась на 3.000 жителей. Но этотъ выводъ совершенно не вѣренъ. Во-первыхъ, г. Даниловскій пропустилъ нѣсколько школъ, обозначенныхъ въ указателѣ преосв. Филарета; во-вторыхъ, самъ преосв. Филаретъ пропустилъ въ указателѣ нѣсколько школъ, упоминаемыхъ въ его книгѣ; въ-третьихъ, преосв. Филаретъ нигдѣ не говоритъ, что онъ истощилъ всѣ данныя статистической описи 1732 г. (на которой у него главнымъ образомъ основываются эти свѣдѣнія о школахъ); наконецъ, въ тогдашнихъ статистическихъ описаніяхъ школы упоминаются лишь случайно. Выводъ преосв. Филарета, при очевидной скромности его, другой: „при обозрѣніи церквей, говоритъ онъ, мы видимъ, что въ Слободской Украйнѣ при *многихъ* церквахъ были приходскія школы. По ставленническимъ дѣламъ видимъ, что здѣсь учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквахъ, а потомъ иные поступали и во священники. Понятно, что въ этихъ школахъ учились немногому, — читать и писать.... Несомнѣнно, говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ, что выраженіе, такъ часто встрѣчающееся въ дѣлахъ о посвященіи діаконовъ и священниковъ черкасскихъ стараго времени: „обученъ дьячкомъ", означаетъ тоже, что обученъ въ церковной школѣ" [1]).

Всѣ, упомянутыя выше, училища существовали гораздо раньше и много позднѣе 1732 года: „въ 1709 г. пошелъ (Маркъ Мушенко) въ училище, въ гор. Боромлѣ, церкви Рождества Богородицы въ школу къ бывшему въ то время дьячку Ив. Ивченку своею волею". Монахъ Дорофей, имѣвшій въ 1749 г. 30 лѣтъ отъ роду, показывалъ, что онъ „книжному чтенію и пѣнію обученъ ахтырскаго полку села Тростинца дьячкомъ". Такія показанія, по словамъ пр. Филарета, „очень важны, они говорятъ, что при церквахъ значительныхъ черкасскихъ мѣстечекъ уже около 1700 года были школы и учителями были дьячки" [2]).

Всѣ эти данныя относятся къ Малороссіи. Распространено мнѣніе, что въ Малороссіи школы возникли поздно — вслѣдствіе давленія со стороны католической церкви, или даже еще позднѣе — вслѣдствіе попытокъ ввести и распространить унію, то-есть, въ самомъ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Но люди, занимавшіеся исторіею братскихъ училищъ, давно уже открыли слѣды древняго существованія приходскихъ школъ. Уже митрополитъ Евгеній говоритъ объ этомъ исконномъ существованіи ихъ, какъ о фактѣ общеизвѣстномъ и не

[1]) «Ист. стат. опис. Харьк. епарх.» III, стр. 132.
[2]) Ibid. стр. 131—132.

подлежащемъ спору [1]). За нимъ о. Флеровъ пишетъ: „въ южной Россіи съ незапамятныхъ временъ существовали школы при церквахъ и монастыряхъ: но въ этихъ училищахъ обучали только чтенію и пѣнію“ [2]). Историкъ кіевской академіи замѣчаетъ: „и прежде сего при знатнѣйшихъ церквахъ и монастыряхъ существовали школы; но ограниченныя преподаваніемъ самыхъ первыхъ начатковъ ученія, онѣ мало отвѣчали современнымъ потребностямъ“. Но въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ нѣчто иное: „вслѣдствіе королевской привиллегіи (такъ называетъ онъ актъ Люблинской уніи), состоящія при церквахъ приходскія школы день ото дня становились обширнѣе и цвѣтущѣе“ [3]). Самымъ вѣрнымъ указаніемъ на древнѣйшее происхожденіе этихъ школъ служитъ именно исторія происхожденія школъ братскихъ, которыя суть ничто иное, какъ развитіе приходскихъ, о чемъ будетъ говорено подробнѣе ниже. Если въ Малороссіи повсемѣстное существованіе приходскихъ школъ можетъ быть доказано съ большею несомнѣнностью, чѣмъ въ Великороссіи, то это означаетъ только, что въ Малороссіи онѣ *сохранились* (въ XIII—XVI вѣкахъ) лучше, чѣмъ въ Великороссіи.

Однако и здѣсь, до всеобщаго оживленія элементарнаго образованія въ XVII вѣкѣ, приходскія школы несомнѣнно продолжали свое бытіе, данное имъ еще въ X вѣкѣ. Постоянно повторяющаяся аксіома, что татарское иго пресѣкло естественный ходъ просвѣщенія на Руси, совершенно вѣрна, но вовсе не относительно элементарнаго образованія. Иго это прекратило существованіе большихъ городскихъ школъ, то-есть, истребило зарождавшіеся начатки средняго и высшаго образованія. Именно въ этомъ смыслѣ говорятъ отцы собора 1551 года: „а преже сего въ россійскомъ царствѣ на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ *градомъ* многія училища бывали“ [4]). Ни они, ни Геннадій никогда не утверждали, что грамотность прекратилась; всеобщія жалобы XVI и XVII вѣковъ имѣютъ другой смыслъ, именно тотъ, что элементарнаго образованія недостаточно для правильнаго удовлетворенія потребностямъ церкви и государства.

Что общины не могли совсѣмъ забыть свою старую обязанность въ отношеніи къ народному образованію, это видно изъ того, что по

---

[1]) «Опис. Кіевс. Соф. Соб.» приб. № 41.

[2]) «О православ. церк. брат.» Спб. 1857.

[3]) «Кіевъ съ его древн. уч. Ак.» стр. 57—58.

[4]) Стоглавъ, гл. 25.

требованію церковнаго права „приходскимъ священникамъ вмѣнялось въ обязанность изъ полезныхъ книгъ почерпать знаніе вѣры и учить малыхъ дѣтей въ домѣ, а всѣхъ въ храмѣ“ [1]). И дѣйствительно, житія святыхъ, заключающія въ себѣ драгоцѣнныя черты для бытовой исторіи, не разъ рисуютъ намъ такую картину элементарной школы (въ татарскую эпоху): „вдану бывшу ему (св. Іонѣ, 1458—1470) пѣкоему діакону наказатися св. книгамъ... аще когда отъ учителя исхождаше со множествомъ учениковъ, улица града къ дому ему преходити бываше и тогда всѣмъ яко дѣтемъ играніе радующимся, той (Іона) вдалѣ отъ нихъ стояти обычай имяше“ [2]). Число духовенства не только не сокращалось съ эпохи Татаръ, но постепенно возрастало и дошло ко временамъ Петра до вредной и едва вѣроятной степени. Но они были, по крайней мѣрѣ, люди грамотные, и по свидѣтельству Кормчей XVI вѣка (въ посланіи патріарха Германа къ русскому митрополиту Киръ-Іеонтію, октября 1228 года, о непосвященіи рабовъ въ духовный санъ) всѣ эти лица обыкновенно отдавались „учителемъ.... учити священной грамоты“ [3]), хотя, какъ мы знаемъ, это ученіе было плохо и недостаточно [4]).

До XVII вѣка въ Московской Руси сохранились элементарныя школы (и только онѣ), при чемъ элементарное образованіе, благодаря отсутствію средняго и высшаго, понизилось до сообщенія безжизненной грамотности, и притомъ неполной и неточной. Высокая цѣль всякаго образованія—возбужденіе умственнаго и нравственнаго развитія—забывалась. Въ XVII вѣкѣ, при тѣснѣйшемъ сближеніи восточной Руси съ западною (въ смутное время, въ эпоху войнъ Михаила Ѳедоро-

[1]) Пр. Филаретъ: «Ист. Русск. цер.», періодъ 2, стр. 39.

[2]) Рукп. Спб. дух. ак. См. у Лавровскаго, стр. 55.

[3]) См. Опис. рукп. Рум. Муз., № CCXXXIII, стр. 304.

[4]) Такъ какъ судьба элементарныхъ училищъ до XVII вѣка не составляетъ нашей задачи, то мы отсылаемъ для знакомства съ нею къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ и, между прочимъ, къ извѣстному труду г. Лавровскаго. Замѣтимъ только, что, въ виду несомнѣнныхъ данныхъ, нѣтъ нужды прибѣгать къ такимъ шаткимъ доказательствамъ существованія приходскихъ школъ, каково, напримѣръ, слѣдующее: г. Лавровскій, утверждая, что сиропитательницы, въ смыслѣ греческихъ ксенодохій, то-есть, учебно-воспитательныхъ заведеній для сиротъ, были и у насъ, дѣлаетъ такую неудачную ссылку: «Игуменъ *сироты* держи, и сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте (*Доп. къ Ак. Ист.* I, стр. 1). Здѣсь подъ именемъ сиротъ разумѣются, какъ извѣстно, крестьяне монастырскіе; между тѣмъ, авторитетъ г. Лавровскаго увлекаетъ въ ошибку и другихъ писателей (см. ст. *Смыслова* въ Школьн. жизн. 1873 г., № 34).

вича съ Польшею и, особенно, со времени присоединенія Малороссіи), элементарныя школы оживились внутренно и распространились въ своей численности. Вліяніе западной Руси въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Обращаясь къ общиннымъ школамъ XVII вѣка, мы встрѣчаемъ довольно уже выработаннаго матеріала (обнародованнаго въ послѣднее время) и такія работы, какъ гг. Извѣкова, Мордовцева и др. Авторъ труда: „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка" изъ разсмотрѣнія до-петровскихъ учебниковъ пришелъ, между прочимъ, къ слѣдующему выводу: „Самое первое, что̀ мы видимъ при чтеніи азбуковниковъ, это — существованіе отдѣльныхъ училищъ, особыхъ домовъ, гдѣ собиралось русское юношество для ученія книжному дѣлу". Были ли для этого построены особыя зданія на общественный счетъ, или на частное иждивеніе, или мѣстомъ обученія были дома и квартиры самихъ наставниковъ, положительно этого мы рѣшить не можемъ; но что дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ, и занимались тамъ ученіемъ до вечера, или до вечерень, потомъ расходились по домамъ,—это достовѣрно и доказывается очень многими мѣстами азбуковниковъ.... Не рѣшаемся утверждать также и того, чтобы дѣти во все время своего обученія находились безотлучно въ самыхъ зданіяхъ училища: можетъ быть, это было прежде, но въ XVII вѣкѣ дѣти приходили изъ дому утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ".

Дѣйствительно, слѣдующее наставленіе азбуковниковъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ существованіи открытыхъ училищъ:

«Въ дому своемъ, возставъ отъ сна, умыйся.
Пришлучившимся плата краемъ добрѣ утрися.
Въ поклоненіи св. образомъ продолжися,
Отцу и матери низко поклонися.
Въ школу тщательно иди
И товарища своего веди.
Въ школу съ молитвою входи,
Такоже и вонъ исходи».

Это же указываетъ вмѣстѣ и на то, что училища, о которыхъ идетъ рѣчь, были училищами приходскими. Все дневное распредѣленіе времени школьниковъ подтверждаетъ связь училищъ съ приходомъ и приходскою церковію:

«Звонъ къ церковному пѣнію егда слышите.
Ученіе оставите, усердно тамо поспѣшите;

Знаемъ всѣмъ само кроткимъ столпіемъ бывайте,
Понеже *всѣ знаютъ*, яко въ школѣ пребываете».

Противорѣчія указаній азбуковниковъ, съ одной стороны, на пансіонскій бытъ училищъ (есть указанія на общественные столы и на возможность наблюденія за учениками во время сна), съ другой стороны — на открытый способъ устройства училищъ, служатъ новымъ подтвержденіемъ приходскаго ихъ характера. Училище въ одно и то же время было и открытымъ для всѣхъ желающихъ, и закрытымъ для сиротъ, призрѣваемыхъ общиною. Мы уже упоминали о связи образованія съ призрѣніемъ, проникающей всю исторію образованія въ старыхъ приходскихъ общинахъ. Тѣснѣйшая связь школы съ церковію, богослужебное распредѣленіе времени учениковъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что школы были приходскими: въ дни праздничные ученики, идя въ церковь, заходятъ въ школу, гдѣ, отвѣтивъ заданный урокъ и проговоривши новый лишь трижды, выслушивали „разныя поученія и объясненія праздниковъ, затѣмъ отходили въ церковь". Тоже самое доказывается и средствами содержанія школы, о чемъ ниже.

Г. Борисовъ, обозрѣвъ старинную письменность и начитанность Шуянъ XVII вѣка, замѣчаетъ, что отвергать существованіе тогда школъ нельзя. Одинъ изъ букварей, разсмотрѣнныхъ имъ, относится, какъ видно по помѣщенному въ немъ, нѣсколько неполному, титулу царя Алексѣя Михайловича (въ коемъ не упоминается ни Малыя, ни Бѣлыя Россіи), къ началу воцаренія царя. Изъ приклеенныхъ (къ азбукѣ) списковъ съ челобитныхъ посадскихъ людей и актовъ земской Шуйской избы можно догадываться, что азбука эта принадлежала учителю — мастеру или изъ посадскихъ грамотныхъ людей или изъ подъячихъ" [1]).

Ниже будетъ указано, почему оживленіе элементарныхъ школъ, возникшее въ XVII вѣкѣ, не продолжалось въ XVIII. Теперь ограничимся нѣсколькими данными, указывающими на повсемѣстное существованіе школъ приходскихъ до самаго конца XVIII вѣка. Но спѣшимъ предупредить, что по свойству отношенія къ нимъ въ XVIII вѣкѣ, почти всѣ свидѣтельства о нихъ идутъ изъ враждебнаго лагеря.

Возьмемъ прежде оффиціальное свидѣтельство изъ самаго конца

[1]) «Грамотность Шуянъ въ XVII и XVIII стол.» *Владим. Губерн. Вѣдом.* 1854 г., № 40.

XVIII вѣка. Въ 1790 году 4-го іюня Тульскій губернаторъ Лопухинъ пишетъ въ своемъ отношеніи къ епископу Коломенскому Аѳанасію, что приходскія училища, къ которымъ губернаторъ примѣняетъ положенія устава о домашнихъ училищахъ, не хотятъ подчиниться требованіямъ этого устава. „Изъ жительствующихъ въ городѣ Тулѣ священно-церковно-служителей, имѣющихъ *домашнія* училища, оказалось по достовѣрной выправкѣ, девятнадцать, коимъ со внушеніемъ Высочайшаго объ училищахъ устава и объявлено было чрезъ управу благочинія, дабы они согласились въ домашнихъ своихъ училищахъ обучать питомцевъ согласно съ Высочайшимъ постановленіемъ; но изъ всѣхъ оныхъ сему установленію послѣдовали только двое: церкви Рождества Христова церковникъ Александръ Охотниковъ, живущій въ 4-й, и церкви Преображенія Господня, что близъ Дѣвичьяго монастыря, пономарь Захаръ Моисеевъ — въ 1-й сего города частяхъ; а прочіе, какъ видно, слѣдуя закоренѣлому въ нихъ упрямству, коимъ, равно и числу обучающихся у нихъ дѣтей, прилагая при семъ реэстръ, покорно прошу ваше преосвященство къ таковому высокомонаршему устроенію приложить и со стороны вашей воспособленіе.

„Реэстръ, сколько въ губернскомъ городѣ Тулѣ оказалось священно-церковно-служителей, кои обучаютъ у себя въ домахъ и по скольку у каждаго:

1) У Соборнаго священника Алексѣя Иванова—2 человѣка.
2) У Преображенскаго дьякона Егора Родіонова—15 человѣкъ.
3) У Никитскаго дьякона Ѳеодора Аѳанасьева — 21 человѣкъ.
4) У пономаря Антона Матвѣева—5 человѣкъ.
5) У Николо-Завальскаго пономаря Антона Васильева — 11 человѣкъ.
6) У Покровскаго священника Никифора Ильина—8 человѣкъ.
7) У дьякона Семена Иванова — 11 человѣкъ.
8) У Николо-Рженскаго дьякона Ивана Карпова — 2 человѣка.
9) У Флоровскаго дьякона Сергѣя Иванова — 20 человѣкъ.
10) У Благовѣщенскаго дьякона Никиты Филиппова 4 человѣка
11) У Успенскаго дьякона Тимоѳея Петрова — 5 человѣкъ.
12) У дьякона Ѳедора Ефимова — 11 человѣкъ.
13) У Георгіевскаго-Зарѣцкаго священника Ивана Степанова - 7 человѣкъ
14) У дьякона Алексѣя Ѳедорова — 13 человѣкъ.
15) У Вознесенскаго дьякона Акима Петрова — 11 человѣкъ.
16) У Николо-Зарѣцкаго дьяка Никиты Иванова — 27 человѣкъ.

17) У Чулковскаго рождественскаго дьячка Гаврилы Васильева — 13 человѣкъ.

Всего въ 17 школахъ показано 120 человѣкъ. Въ этотъ реэстръ не вошли двѣ школы, подчинявшіяся требованіямъ устава, то-есть, учителя ихъ держали экзаменъ въ главномъ народномъ училищѣ и получили свидѣтельство отъ приказа общества призрѣнія. Безъ сомнѣнія это были самыя лучшія школы изъ приходскихъ. О. А. Ивановъ, сообщившій этотъ документъ [1]), замѣчаетъ: „цифра (учениковъ) значительная для того времени; въ настоящее время (именно въ 1862 г.) когда населеніе Тулы удвоилось, въ домахъ тульскихъ священно-церковно-служителей насчитывается 23 школы, а въ нихъ учащихся 230 мальчиковъ и 97 дѣвочекъ".

Къ сожалѣнію, другихъ подобныхъ числовыхъ данныхъ мы не имѣемъ; Малороссія была счастливѣе относительно статистическихъ работъ въ XVIII вѣкѣ и историческихъ трудовъ въ наше время. Здѣсь мы могли бы найдти богатыя данныя только въ исторіи управленія разныхъ епархій. „Исторія Московскаго епархіальнаго управленія" (единственно цѣнный трудъ въ этомъ родѣ) дастъ нѣсколько отрывочныхъ указаній, которыхъ значеніе, однако, для насъ совершенно ясно послѣ приведеннаго выше документа. Въ 1749 году въ отвѣтъ на одно уголовное обвиненіе, дьячекъ Московской церкви Адріана и Наталіи Алексѣй Ивановъ показывалъ въ консисторіи, что дочь обвинительницы обучалась у жены его „словесной грамотѣ и писать; понеже у нея той приходской Адріановской церкви разныхъ чиновъ прихожанъ дѣтей для обученія бываетъ каждый годъ по 20 и болѣе" [2]); въ 1755 году діаконъ Василій Описимовъ показывалъ, что онъ посвященъ во діакона къ сельской церкви въ 1722 году, но изъ села, за недачею помѣщикамъ руги, въ 1745 году вышелъ въ Москву и питался ученіемъ господскихъ дѣтей [3]). Дѣло 1750 года, марта 12-го, показываетъ, что у діакона Московской церкви Черниговскихъ чудотворцевъ жили ученики для обученія грамотѣ [4]).

Всѣ эти данныя относятся къ городамъ. Изъ словъ Крестинина [5]),

[1]) «Къ исторіи приходскихъ школъ въ тульской епархіи». *Тульск. Епарх. Вѣд.* 1862 г. №. 16.

[2]) «Ист. Моск. Епарх. Управл.» Ч. 2-я, кн. 1-я. прим. 296. № II, стр. 82

[3]) Ibid, прим. 410 (стр. 179).

[4]) Ibid, прим. 440, (стр. 192).

[5]) «Историч. извѣстіе о нравственномъ воспитаніи у Двинскихъ жителей». *Новыя ежемѣсяч. соч.* 1787 г. ноябрь и декабрь (Ч. XVII и XVIII)

повидимому, можно заключить, что приходскія школы существовали именно только въ городахъ. Крестининъ, наблюдавшій приходскія школы въ самую интересную минуту, когда ихъ многовѣковое существованіе должно было, наконецъ, окончиться при повсемѣстномъ (по проэкту) учрежденіи государственныхъ школъ (1786 года), пишетъ между прочимъ: „Сіе букварное ученіе начинается здѣсь (въ Двинской странѣ) по большей части на седьмомъ году отъ рожденія младенцевъ. Оное производится въ *городскихъ* малыхъ школахъ разночинцами, вольными, ни подъ какимъ надзираніемъ не состоящими, управляющими сіе учебное дѣло по старинному обыкновенію, которое въ сихъ первыхъ начаткахъ ученія владычествуетъ. Россійскія букварныя школы, по свидѣтельству преп. Нестора, начались въ отечествѣ нашемъ въ концѣ X вѣка, въ скоромъ времени по крещеніи россійскаго народа. Кажется, нынѣшній училищный способъ, наблюдаемый учителями грамоты настоящаго времени, есть тотъ же самый способъ, который за 800 лѣтъ предъ симъ временемъ въ первыя кіевскія букварныя школы введенъ отъ Грековъ и потомъ распространился по всей Россіи“.

Однако, мемуары разныхъ лицъ XVIII вѣка не оставляютъ сомнѣнія, что такія же (уже не удовлетворявшія людей того вѣка) школы существовали повсемѣстно и въ селахъ. Даниловъ [1]), разказавъ, что братъ его былъ отданъ для обученія россійской грамотѣ въ Тулѣ къ дьячку, говоритъ о себѣ самомъ слѣдующее: „отъ роду моего лѣтъ 7-ми, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филиппу, прозваніемъ Брудастому, учиться.... Приходилъ я учиться къ Брудастову очень рано въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ: аминь, не смѣлъ“.... И затѣмъ авторъ передастъ возмутительные общеизвѣстные способы наказаній, производимыхъ Брудастымъ и способы его обученія. Здѣсь, кромѣ автора, обучалось съ нимъ вмѣстѣ еще двое дворянъ. Безъ сомнѣнія, подобныя же учителя учили и сестру его Анну, которая „выучена была читать и писать россійской грамотѣ, читала много церковныхъ книгъ и исторію, почему и знала многое, касающееся до закона“. Издѣвавшіеся надъ приходскими школами сатирическіе журналы второй половины XVIII вѣка своими нападками обнаружили не только существованіе, но большую жизненность и устойчивость ихъ. „Я выросъ (пишется въ жур-

[1]) *Записки*, стр. 26, 38 и сл., 23.

налѣ: *И то и се)* въ томъ городѣ, въ которомъ родился. Училъ меня грамотѣ россійской мастеръ“... Разказчикъ „кричалъ съ ребятишками во весь голосъ; ибо въ нашемъ городѣ такое обыкновеніе, что крикъ отъ учениковъ можно услышать и въ другомъ приходѣ.... Имѣлъ я много у себя соучениковъ. Одинъ изъ нихъ богатаго купца сынъ лѣтами 21 года отъ рожденія его. Училъ онъ въ то время азбуку и часословъ вмѣстѣ“ и т. д.

Многимъ изъ живущихъ нынѣ еще памятны эти школы, пережившія грозу XVIII вѣка, и въ цѣлой массѣ своей незаслуженно опозоренныя, хотя крайній упадокъ ихъ въ XVIII и XIX вѣкахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

II.

Равенство элементарнаго образованія.

Одинъ историкъ общественнаго обученія изображаетъ переворотъ, совершенный христіанскими приходскими школами, слѣдующимъ образомъ: „Учрежденіе этихъ школъ имѣло благотворныя для человѣчества послѣдствія. Вопервыхъ, онѣ возникали не въ однихъ только городахъ, но постепенно распространялись и въ деревняхъ, и чрезъ то доставляли благодѣянія нравственнаго образованія тому классу людей, который оставался до тѣхъ поръ совершенно забытымъ; съ другой стороны, въ нихъ сходились всѣ... богатые и бѣдные и, такимъ образомъ, подавали спасительный примѣръ братства людямъ“ [1]).

Цѣли христіанскаго просвѣщенія требовали, чтобы всѣ, принимающіе христіанство, одинаково проникались духомъ его ученія. Стремленіе — выполнить эту задачу во всей ея широтѣ—наиболѣе проявлялось въ тѣ времена, когда ревность къ распространенію образованія возбуждается еще духомъ миссіонерства и пропаганды. Этимъ объясняется тотъ, по видимому, странный фактъ, съ которымъ мы встрѣтимся даже въ XVIII столѣтіи, что и правительство, и общество усердно заботятся объ учрежденіи школъ для инородцевъ въ то время, когда элементарное образованіе господствующей націи остается въ полномъ пренебреженіи.

Приготовленіе священниковъ и причетниковъ изъ туземцевъ вовсе не есть единственная цѣль учрежденія училищъ миссіонерами, хотя несомнѣнно, что она стоитъ на первомъ планѣ. Имѣя это въ виду,

---

[1]) Исторія публичнаго обученія. *Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.*, ч. V. (1835. № 1 и 2).

мы можемъ понять — съ интересующей насъ теперь точки зрѣнія — смыслъ краткихъ лѣтописныхъ извѣстій о первоначальномъ возникновеніи школъ въ Россіи. Древнѣйшій лѣтописецъ, по видимому, совершенно противорѣчитъ указанному сейчасъ значенію этого факта, говоря, что Владиміръ велѣлъ отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ („нарочитая чади") и отдавать ихъ въ книжное ученіе, и что матери плакали объ отбираемыхъ дѣтяхъ, какъ о мертвецахъ [1]). Судя по этому, заботы о просвѣщеніи имѣли въ виду лишь одинъ высшій классъ; но у Татищева находимъ другое извѣстіе: „Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей *знатныхъ, среднихъ и убогихъ*, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ ученіе книжное" [2]). Споръ, возникшій о томъ [3]), какая была цѣль этой мѣры, было ли учреждено одно училище, или множество приходскихъ, удовлетворительно рѣшается тѣмъ предположеніемъ, что въ Лаврентьевской лѣтописи и у Татищева говорится о двухъ разныхъ мѣрахъ: въ первой объ одномъ училищѣ въ г. Кіевѣ, училищѣ не элементарномъ и назначенномъ для высшаго класса, а во второй — о приходскихъ, городскихъ и сельскихъ школахъ. При поступленіи дѣтей въ приходскія училища не было бы нужды отрывать ихъ отъ родителей, а матерямъ — плакать о нихъ.

Совершенно параллельный фактъ находимъ въ княженіе Ярослава, который основалъ центральное училище въ Новѣгородѣ, гдѣ „собра отъ *старостъ* и отъ *поповыхъ дѣтей* дѣтей 300", и онъ же „ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы... веля имъ учити люди". Элементарная школа въ христіанскомъ обществѣ первоначально является и навсегда остается всесословною.

Мы уже говорили, что предполагать всеобщее распространеніе элементарнаго образованія въ древней Руси было бы странно. Но нельзя сомнѣваться, что люди всѣхъ состояній имѣли совершенно одинаковый доступъ къ общественному образованію, не исключая и рабовъ [4]), которыхъ, можетъ-быть, учили даже съ особеннымъ усердіемъ, потому что рабовладѣльцы обыкновенно обращали холоповъ въ домашнихъ учителей для собственныхъ дѣтей, для замѣщенія мѣстъ священническихъ въ церквахъ, отъ нихъ зависимыхъ, для управленія имѣніями и для веденія исковъ въ судахъ по своимъ дѣламъ;

[1]) П. С. Р. Л., I, стр. 51.

[2]) Ист. Росс. II, стр. 76.

[3]) См. Studien zur gründliche Kentniss der Vorzeit Russlands, стр. 89 и т. д. *М. Соловьевъ*, II. Р. I прим. 261. *Лавровскій* о древнихъ русск. уч

[4]) См. выше цитир. мѣсто изъ Опис. Рум. Муз. № CCXXXII.

даже сословіе наемныхъ адвокатовъ (по свидѣтельству дополнительныхъ статей къ Судебнику) обыкновенно состояло изъ холоповъ и домашней прислуги полусвободнаго состоянія. Замѣнять общее элементарное образованіе домашнимъ могли лишь немногія лица, и притомъ уже позднѣе, когда вообще домашнее образованіе въ сѣверной Руси отодвинуло на второй планъ общинно-приходское. Стоглавъ повелѣваетъ учреждать „училища, чтобы священницы и діяконы и *вси православные христіане* въ коемждо градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія и чтенія налоннаго“... Хотя, по Стоглаву, цѣлію школьнаго обученія должно быть замѣщеніе священническихъ и вообще церковныхъ мѣстъ, но эта цѣль не есть единственная, а лишь высшая, по сознанію того времени. *Вси* православные христіане, конечно, не могли предназначать своихъ дѣтей въ священники и причетники.

Замѣщеніе церковно-служебныхъ мѣстъ остается цѣлію элементарнаго обученія только въ томъ смыслѣ, что потребность въ священникахъ и церковномъ причтѣ была для общинъ того времени самою настоятельною. Тогдашнія школы нельзя назвать духовными, потому что въ священники поступали лица всѣхъ классовъ, живущихъ въ приходѣ, а причетники нанимались общиною. Само собою разумѣется, что для дѣтей изъ духовнаго званія представлялось болѣе побужденій учиться грамотѣ, чѣмъ для дѣтей прочихъ сословій, потому что, по стариннымъ представленіямъ, „поповъ сынъ, грамотѣ не ученый, есть изгой“, то-есть, лицо, лишенное правъ въ общинѣ. Этимъ объясняется и постепенное возникновеніе наслѣдственной передачи священническихъ мѣстъ, сначала существовавшей фактически, а потомъ признанной какъ-бы обычнымъ правомъ. Однако, явленія эти относятся къ позднѣйшему времени. По общему правилу о выборахъ, дѣйствовавшему до самыхъ узаконеній Петра о духовныхъ мѣстахъ, всякое лицо, обладавшее свѣдѣніями, которыя составляли тогда область элементарнаго образованія, имѣло одинаковыя права на посвященіе въ духовный санъ.

Приходская община, какъ мы знаемъ, обладала и другими функціями: за нею остались многія отправленія полиціи безопасности; въ лицѣ судныхъ мужей и цѣловальниковъ она участвуетъ и въ судѣ. Выборъ этихъ лицъ былъ для нея не менѣе важенъ, чѣмъ выборъ священниковъ. Поэтому самые почетные люди, переходившіе и не переходившіе въ служилый классъ, получали элементарное образованіе, какое въ состояніи была предложить имъ община. Это сохраня-

лось неизмѣннымъ въ XVII вѣкѣ и продолжалось до половины XVIII, какъ въ западной, такъ и въ восточной Руси. Выше было приведено мѣсто изъ устава Луцкой школы, что „учитель долженъ учить и любить дѣтей одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося подаянія".

Букварныя великорусскія училища XVII вѣка отнюдь не были *духовными* по составу учениковъ, а напротивъ, всесословными. Г. Мордовцевъ говоритъ: „Важное свидѣтельство читаемъ мы въ азбуковникахъ относительно того, въ какихъ слояхъ русскаго общества было распространено если не образованіе, приличное тому времени, то по крайней мѣрѣ грамотность". Въ одномъ азбуковникѣ сама мудрость, поучая юношество и совѣтуя родителямъ всѣхъ состояній и званій, даже земледѣльцамъ, отдавать своихъ дѣтей въ ученіе къ всѣ и прехитрой словесницѣ, говоритъ между прочимъ: „Сего ради присно глаголю и глаголя не престану людямъ благочестивымъ во слышаніе, всякаго чина же и сана, славнымъ и худороднымъ, богатымъ и убогимъ, даже и до послѣднихъ земледѣльцевъ, да своя неискусозлобныя дѣти на.... благоразумное ученіе вдаютъ; не оскорбляйтеся убо, ниже печаль си имѣютъ о невѣжествующихъ и грубо родныхъ отроковъ, но и сихъ удобь отдавайте". — „Конечно", прибавляетъ авторъ, „по этимъ словамъ нельзя еще дѣлать заключеній о распространеніи грамотности между поселянами; но что такое явленіе считалось уже возможнымъ въ то время въ нашей старой Руси, это неоспоримо. Впрочемъ намъ довольно и того, если мы знаемъ, что въ школахъ до-Петровской Руси могло обучаться юношество всякаго состоянія и всѣхъ сословій, начиная отъ знати до послѣднихъ земледѣльцевъ".

Въ документахъ того времени мы рѣдко находимъ извѣстія о числѣ обучавшихся; но азбуковники указываютъ не разъ на тѣсноту школьныхъ помѣщеній:

«Данное тебѣ учителемъ кое мѣсто.
Ту житіе твое да будетъ вмѣстно:
Дружняго мѣста не восхищай
И товарищевъ своихъ не утѣсняй».

Общественный характеръ школъ въ XVIII вѣкѣ, когда высшіе и зажиточные классы (дворяне, купцы) получали образованіе вмѣстѣ съ низшими, послужилъ, какъ извѣстно, богатымъ матеріаломъ для издателей сатирическихъ журналовъ второй половины этого вѣка. Въ журналѣ 1769 года *Всякая всячина* читаемъ слѣдующее: „Провождая дни свои въ деревнѣ, я былъ воспитанъ бабушкой, которая любила

меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я съ крестьянскими робятами цѣлые дни на гумнѣ; часто случалося, что бивалъ ихъ до крови и когда приходили они къ учителю моему (который былъ старый дьячокъ нашего прихода) жаловаться, то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ огорчать меня. Итакъ неудивительно, что учитель не хотя потерять ея милости и навлечь на себя гнѣвъ ея, точно ея приказу послѣдовалъ. Имѣя столь хорошаго покровителя, не глядѣлъ я ни на кого".

Ужъ изъ этихъ сатирическихъ очерковъ видно, что въ то время школьное равенство было лишь мнимое, и что высокая соціальная цѣль элементарныхъ приходскихъ училищъ утрачивалась.

Мысль о всеобщемъ распространеніи грамотности въ древней Руси можетъ оказаться вѣрною въ примѣненіи къ посадскому населенію, въ особенности относительно сѣверныхъ городовъ. Г. Борисовъ замѣчаетъ о грамотности посадскихъ городовъ Шуи въ XVII вѣкѣ: Въ выборной записи Шуянъ на избраніе губнаго цѣловальника Дѣя Филимонова сказано: „Мы на него посацкіе люди и выборъ дали за отцовъ своихъ духовныхъ и за своими руками, а выборъ писалъ, по велѣнью посацкихъ людей, въ Шуѣ земской дьячекъ Алешка Ивановъ". На оборотѣ сего акта подписано *до сорока лицъ посацкихъ людей* кромѣ 5 Шуйскихъ священниковъ (Старинные акты, изд. 1853 года, стр. 112). Въ челобитной Шуянъ, поданной на имя царя Алексѣя Михайловича, въ подлинномъ хранящемся у меня противнѣ изъ посацкихъ людей приложено *двадцать* рукъ ... „Въ доказательство грамотности Русскихъ въ XVII вѣкѣ", продолжаетъ г. Борисовъ, „можно бы привести письменныхъ указаній и гораздо болѣе, но я почитаю и этого достаточнымъ. Считаю нужнымъ присовокупить, что между Шуйскими земскими старостами почти не встрѣчается безграмотныхъ, исключая лишь старосты Алексѣя Игнатьева Дурина, который прикладывалъ къ бумагамъ свою восковую именную печать. Впрочемъ, было обыкновеніе у нѣкоторыхъ служебныхъ лицъ того времени, умѣвшихъ и писать, прикладывать почему-то, вмѣсто подписи „печати.. ".

Мы видѣли, что по содержанію своему элементарное обученіе въ XVII вѣкѣ допускало широкое разнообразіе въ частностяхъ: каждая община видоизмѣняла его по мѣрѣ своихъ средствъ и нуждъ. Но общія черты его оставались всегда одинаковыми. Объемъ курса, учебныя пособія, школьные пріемы (до нѣкоторой степени устройство училищъ) были одни тѣ же, какъ на крайнемъ сѣверѣ, такъ и на край-

немъ югѣ. Это неофиціальное единство было основано на единствѣ потребностей и взглядовъ на цѣли образованія.

III.

Отношеніе общинъ къ элементарному образованію. — Народныя школы.

Очевидно, что при извѣстныхъ условіяхъ и разрозненное управленіе общинъ можетъ приводить элементарное обученіе къ такимъ же результатамъ, къ какимъ, по ученію современной науки, приводитъ его только руководительство центральной власти. По мнѣнію Штейна, обязательность элементарнаго обученія можетъ быть установлена только центральнымъ правительствомъ. Между тѣмъ историческія свидѣтельства указываютъ, что всѣ низшія формаціи общества, входящія потомъ въ государство (роды и сословія, общины и земства), могутъ точно также примѣнить эту мѣру, конечно, лишь въ одномъ ея видѣ (въ томъ, которое соотвѣтствуетъ германской Schulpflicht, а не въ томъ, которое обозначается терминомъ Schullast) [1]).

Несомнѣнно, обязательное обученіе не есть нѣчто совершенно новое, возникшее подъ вліяніемъ лишь современныхъ понятій о сущности и цѣляхъ государства. Напротивъ того, въ древнѣйшія времена соціальная почва для него была особенно благопріятна. Чѣмъ ближе формы государства къ первобытнымъ, зачаточнымъ, именно къ семьѣ, чѣмъ непосредственнѣе относится къ обществу правящая власть, тѣмъ большею опекой она охватываетъ нравственный бытъ частныхъ лицъ. Кто будетъ отрицать право отца заставить своихъ дѣтей учиться тому, что онъ считаетъ для нихъ полезнымъ? И дѣйствительно, почти у всѣхъ народовъ семья и общество подѣлили власть надъ юнымъ поколѣніемъ такимъ образомъ, что дѣтство подлежитъ опекѣ и заботамъ семьи, отрочество — надзору и попеченію общества. Предѣломъ перехода правъ отъ семьи къ обществу обыкновенно является семидѣтній возрастъ [2]).

---

[1]) Вопросъ объ обязательности элементарнаго образованія такъ важенъ, въ особенности теперь для Россіи, что мы сочли необходимымъ подробнѣе изложить исторію его у насъ.

[2]) У народовъ индо-европейской расы, несомнѣнно предоставляющихъ большій просторъ для индивидуальной свободы, семилѣтній срокъ соблюдался почти повсюду (напримѣръ, у древнихъ Персовъ, Аѳинянъ, Германцевъ и Славянъ); напротивъ, у народовъ расы монгольской онъ наступалъ ранѣе, напримѣръ, у

У индо-европейскихъ народовъ символомъ перехода ребенка изъ подъ исключительной власти семьи подъ совокупную власть семьи и общества было стриженіе волосъ, — обрядъ, который у Римлянъ сопровождался облеченіемъ въ тогу, на пятнадцатомъ году.

Этотъ переходъ власти въ первобытныхъ обществахъ вовсе не былъ такъ рѣзокъ, какъ у народовъ, усвоившихъ цивилизацію. За предѣлами семьи ребенокъ встрѣчаетъ ея продолженіе, состоящее изъ нѣсколькихъ семействъ [1]). Большею частію это былъ переходъ изъ-подъ опеки матери подъ руководство отца, которое совершается въ соучастіи съ отцами другихъ семействъ. Не слѣдуетъ думать, что означенный переходъ знаменовалъ для ребенка непремѣнно поступленіе въ школу. Все зависѣло оттого, что̀ разумѣло то или другое общество подъ общественнымъ образованіемъ; если, по понятіямъ его, необходимѣйшими знаніями были верховая ѣзда, умѣніе владѣть оружіемъ, ловкость въ борьбѣ и вообще физическія достоинства, то именно это оно и старалось сообщить своему питомцу. Однако, у большей части народовъ въ этотъ разрядъ знаній входила и грамотность. Во всякомъ случаѣ извѣстныя знанія считались совершенно обязательными, потому что отсутствіе ихъ лишало молодого человѣка тѣхъ правъ въ обществѣ или сословіи, которыя принадлежали-бъ ему по рожденію.

Эту же обязательность, гарантируемую не законодательными мѣрами, а требованіями обычнаго права, мы встрѣчаемъ и у насъ въ древнѣйшую эпоху. И на Руси точно также, по достиженіи мальчикомъ извѣстнаго возраста, общество неизбѣжно вступало въ свои права надъ нимъ и сообщало ему знанія, считавшіяся необходимыми. Приведенное выше свидѣтельство арабскихъ писателей о томъ, что у Славянъ отецъ вручалъ сыну лукъ и стрѣлы по достиженіи имъ совершеннолѣтія, имѣетъ то же самое значеніе, какъ подобное же извѣстіе Тацита о Германцахъ, то-есть, что съ того времени юноша

Китайцевъ тотчасъ послѣ того, какъ ребенокъ могъ говорить и употреблять пищу безъ помощи другихъ. (*Cramer*. I-r B. S. 29). Впрочемъ, нужно принимать во вниманіе болѣе или менѣе раннее наступленіе срока физической зрѣлости, то-есть, зависимость отъ климатическихъ условій; напримѣръ, у Индійцевъ весьма рано (на 2-мъ или на 3-мъ году) совершалось стриженіе волосъ.

[1]) «На седьмомъ году дѣти выходили (у Пермяковъ) изъ подъ руководства матери и получали воспитаніе подъ надзоромъ *отцовъ*. Тогда начиналось и обученіе. Учителями были или сами отцы, или другія лица свѣдущія, и пользовавшіяся уваженіемъ по своимъ лѣтамъ и честному поведенію». *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854 г. Октябрь, стр. 27.

долженъ былъ, подъ надзоромъ общества, обучаться владѣть оружіемъ. Обрядъ этотъ въ историческія времена замѣнялся постригами и посаженіемъ на коня. Въ древности, когда у Славянъ живы были общеплеменныя преданія, онъ совершался и у насъ, какъ у Индійцевъ, весьма рано: „по 3-му или по 4-му году князьямъ были постриги, принадлежавшія къ семейнымъ праздникамъ... и сажался онъ (молодой князь) потомъ на коня“ [1]); но такъ какъ у насъ, въ странѣ сѣверной, упомянутый срокъ долженъ былъ казаться слишкомъ раннимъ, то въ послѣдствіи, какъ справедливо замѣчаетъ г. Лавровскій, руководясь Татищевымъ [2]), и на Руси постриги совершались надъ 7-ми лѣтними дѣтьми.

Христіанская церковь освятила этотъ обычай, и обрядъ постриженія сдѣлался обрядомъ церковнымъ, совершаемымъ епископомъ въ церкви. Послѣ того постриженникъ поступалъ во дворъ къ князю или знатному боярину: весь младшій составъ этихъ дворовъ получилъ отсюда названіе отроковъ и дѣтскихъ. Вслѣдъ за принятіемъ христіанства, одновременно съ этимъ начиналось и ученье: „съ 7-ми лѣтъ обыкновенно отдавали дѣтей обучаться грамотѣ“ [3]). „Обученіе грамотѣ“, говоритъ г. Лавровскій [4]), — „не начиналось ранѣе 7-ми лѣтъ; но могло начинаться и позднѣе“. Какъ дворы князей и бояръ были школами для образованія военнаго (рыцарскаго), такъ дворы епископовъ и монастыри съ ихъ школами—для высшаго сословія, приходская церковь съ ея элементарною школою для простолюдиновъ— были центрами духовнаго (умственнаго и нравственнаго) образованія. „Рождшуюся отрочати (св. Петру митрополиту) и седьмаго лѣта возраста достигшу, вданъ бываетъ родителеми книгамъ учитеся“ [5]).

Эта обязательность образованія, вытекающая изъ историческихъ основъ отношенія общества къ семьѣ, не имѣетъ ничего общаго съ обязательностью, установляемою закономъ. Послѣдняя является обыкновенно въ эпоху реформъ, когда въ жизнь проникаютъ новыя возрѣнія умственныя, соціальныя или религіозныя [6]). У насъ, при вве-

---

[1]) *Погодинъ*, О частной жизни князей въ древности, стр. 71.

[2]) *Татищевъ*, Ист. Росс. II, прим. 553.

[3]) Идеалъ древне русскаго воспитанія. *Журналъ для воспит.* 1858 г., 3.

[4]) Стр. 115.

[5]) Степен. Книга, стр. 411.

[6]) Такъ было, напримѣръ, у Евреевъ въ эпоху столкновенія ихъ съ греческою цивилизаціей: мало по малу количество школъ увеличивалось; всѣдъ, гдѣ только насчитывалось 120 семействъ, вмѣнялось въ обязанность имѣть началь-

деніи христіанства, готова была утвердиться эта обязательность: вербовка дѣтей въ Кіевское училище изъ рукъ плачущихъ матерей при Владимірѣ, и затѣмъ при Ярославѣ въ Новгородѣ, указываетъ на это. Когда новыя начала вошли въ жизнь, правительство отказалось отъ упомянутой мѣры.

Въ эпоху, отдѣляющую X вѣкъ отъ XVI, когда движеніе, вызванное христіанствомъ, приняло нормальныя и твердыя формы, обязательность обученія сдѣлалась столь же излишнею, какъ и до X столѣтія. Но XVI вѣкъ заявилъ себя цѣлымъ рядомъ реформъ, какъ въ политической, такъ и въ умственной жизни. Тогда вновь послыша-

---

ную школу. Городъ, не имѣвшій училища и не заботившійся о томъ, подвергался проклятію, даже недостоинъ, по суду раввиновъ, существованія. На 25 учениковъ полагался особый учитель; при 40 ученикахъ помощникъ учителя». (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, XII, стр. 249). То же было въ Германіи во время реформаціи: Лютеръ говорилъ: «Das Obrigkeit schuldig sei die Unterthanen zu zwingen ihre Kinder zur Schule zu halten». *Heppe*: Geschichte des deutschen Volksschulwesens). Послѣдующія германскія узаконенія XVII и XVIII вѣковъ объ обязательности обученія суть ничто иное, какъ позднее примѣненіе принципа, провозглашеннаго Лютеромъ. На господствующія нынѣ въ нѣмецкой наукѣ воззрѣнія относительно этого вопроса нужно смотрѣть, какъ на попытку оправдать существующій фактъ, и нельзя не сознаться, что никто не сдѣлалъ этого удачнѣе Штейна: такъ какъ экономическія различія общественныхъ классовъ грозятъ перейдти (а въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи уже и переходятъ) въ различіе духовнаго, особенно умственнаго совершенства, то явленіе это и побуждаетъ правительство принимать заранѣе энергическія мѣры. Но правительства не въ состояніи измѣнять быстро экономическія условія; поэтому они стараются, по крайней мѣрѣ, парализовать вредныя послѣдствія экономическаго неравенства, и именно заботятся о томъ, чтобы всѣ граждане получали низшее образованіе. Оно откроетъ имъ доступъ и къ другимъ высшимъ его сферамъ. Если правительства обязаны, то и могутъ это дѣлать, ибо элементарное образованіе не есть образованіе въ собственномъ смыслѣ, а лишь условіе для пріобрѣтенія дѣйствительнаго образованія. Эта мысль, проникнутая самыми лучшими намѣреніями, основана на двухъ невѣрныхъ положеніяхъ. Объ одномъ изъ нихъ, а именно, что элементарное образованіе не есть образованіе, въ надлежащемъ смыслѣ слова, мы уже говорили. Другое состоитъ въ томъ, будто бы пріобрѣтеніе обязательнаго элементарнаго образованія способно предотвратить пагубныя послѣдствія экономическаго неравенства; тотъ, кто не въ состояніи пріобрѣсти элементарныя свѣдѣнія безъ обязательнаго и дорогого обученія, не въ состояніи будетъ и усвоитъ ихъ, достигнуть средняго и высшаго образованія. Русскіе ученые совершенно расходятся въ рѣшеніи этого вопроса (см. кн. *Васильчикова*, «О самоуправленіи. Т. II, стр. 61 и сл.; *Окольскаго*, Объ отнош. госуд. къ нар. образ. раздѣлъ V; *П. Е. Андреевскаго*, Полиц. право. Т. II, Ч. 2-я. Спб. 1873; стр. 276 и слѣд.).

лись голоса о необходимости обязательнаго обученія. Прежде всего мы встрѣчаемъ это требованіе въ посланіи Геннадія: „Толкожъ государь укажетъ псалтырю съ слѣдованіемъ изучити, да и все, что выше писано, да что отъ того укажетъ имати, ино учащимся легко, а сякъ не смѣютъ огурятися“ (отказываться). Архіепископъ проситъ, чтобы государь велѣлъ и поповъ ставленныхъ учить, ибо нельзя назначать пастырями людей, о которыхъ сказалъ Богъ: „Ты разумъ мой отверже, азъ же отрину тебя, да не будеши мнѣ служитель“. Средствомъ для достиженія этой цѣли Геннадій считаетъ учрежденіе училищъ; онъ самъ писалъ объ этомъ великому князю, именно, чтобъ его *разумомъ* и *грозою*, и благословеніемъ митрополита, это дѣло исправилось: „И ты бы самъ, господинъ отецъ нашъ (пишетъ онъ митрополиту), просилъ государей нашихъ великихъ князей, чтобы велѣли училища устроить“. Упомянутыя мѣры, по мнѣнію Геннадія, лежатъ на обязанности государства, вытекаютъ изъ священнѣйшихъ цѣлей его: „А ведь язъ вспоминаю своему государю на его жъ честь, да и на спасеніе, а намъ бы просторъ былъ“ [1]).

Въ посланіи Геннадія есть все необходимое для полнаго проекта обязательнаго обученія; государство должно гарантировать его закономъ и позаботиться объ устройствѣ училищъ; оно же опредѣляетъ средства содержанія школъ и учебный курсъ. Но вопервыхъ, упомянутый проектъ вызванъ не отсутствіемъ элементарнаго образованія, а недостаточностью его для лицъ, поступающихъ въ священники, то-есть, отсутствіемъ надлежащаго образованія духовнаго: Геннадій стремится сдѣлать обязательнымъ это послѣднее; вовторыхъ, проектъ его былъ внушенъ желаніемъ уменьшить права общинъ на выборы священниковъ и предоставить это духовной власти. Что послѣднее вѣрно, это будетъ показано ниже.

Реформаторскій духъ эпохи возросталъ въ продолженіе первой половины XVI рѣка неудержимо. Религіозное движеніе, охватившее тогда всю Европу, отразилось и въ Россіи; между прочимъ, крайніе представители его (стригольники, жидовствующіе и вольнодумцы временъ Грознаго) не видѣли въ дѣятельности невѣжественнаго духовенства оправданія тѣхъ привилегій, которыми пользовалась церковь.

---

[1]) «Они (граждане) *изъпъ* творятъ: земля, господине, такова, не можетъ добыти—кто бъ гораздъ грамотѣ; ино ведь то всю землю *излаялъ* (то-есть, они клевещутъ, говоря, что нѣтъ нигдѣ годнаго человѣка для священническаго званія; этимъ Геннадій значительно ослабляетъ свои нападки на тогдашнее элементарное образованіе) мнѣ бьютъ челомъ: пожалуй-де, вели учити».

Соборъ 1551 года, по предложенію царя, вынужденъ былъ ввести обязательное элементарное обученіе, со всѣми существующими признаками этой мѣры. Общины долженствовали строить и содержать школы. Протоколы собора говорятъ объ этомъ не совсѣмъ опредѣленно; по видимому соборъ обращается съ своимъ требованіемъ лишь къ духовенству; только протопопы со всѣми священниками и дьяконами въ каждомъ городѣ (уѣздѣ), должны выбрать изъ среды своей учителей и въ домахъ этихъ избранныхъ учредить училища. Такимъ образомъ, свѣтское населеніе вовсе не приглашалось, кажется, къ участію въ упомянутомъ дѣлѣ; но наказы [1]), разосланные митрополитомъ послѣ собора, съ прописаніемъ его рѣшеній, толкуютъ и дополняютъ означенныя рѣшенія въ такомъ смыслѣ, что существенно измѣняютъ взглядъ на дѣло. Наказы адресованы ко всему земству каждаго уѣзда (а не къ духовному лишь сословію); земству ставится въ обязанность устраивать училища въ городахъ и посадахъ, по волостямъ и погостамъ. Содержаніе учителей не опредѣлено; по прежнему, разсматривается оно, какъ подарки (дары) родителей [2]). Затѣмъ *всѣ* православные христіане должны отдавать своихъ дѣтей въ эти школы, и правительство въ точности обозначило кругъ элементарныхъ свѣдѣній.

Но и это распоряженіе, подобно проекту Геннадія, отличается существенными недостатками. Вопервыхъ, соборъ придаетъ спеціальную цѣль училищамъ—снабженіе церквей священниками; онъ не рѣшился учредить среднія (епископальныя) школы, что̀ было бы цѣлесообразнѣе и удобнѣе,—не рѣшился потому, что не хотѣлъ или не могъ нарушить права общинъ на выборы членовъ причта. Онъ принялъ весьма ненадежную мѣру—возвысить элементарное образованіе до такой степени, чтобы каждый, оканчивающій курсъ, былъ годенъ въ священники, и сдѣлать такое образованіе общеобязательнымъ. Роковое противорѣчіе личной свободы и свободы общинъ съ высшими потребностями государства (между прочимъ, и въ дѣлѣ народнаго

---

[1]) См. Наказные списки Соборнаго Уложенія 1551 г. или Стоглава, *И. Бѣлаева*. М. 1863. Здѣсь обнародованы два списка: во Владиміръ (1551 г. нояб. 10-го) и въ Каргополь (1558 г. февр. 2-го). Недавно въ *Запискахъ* Новороссійскаго университета профессоръ Павловъ напечаталъ третій найденный имъ списокъ.

[2]) «Такимъ бы есте избрали и городѣ, и на посадѣ, и по волостемъ, и по погостомъ. Въ коемждо градѣ, и по волостямъ, и по селамъ предавали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ.... Такожъ бы учили своихъ учениковъ сколько сами умѣютъ, ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а здѣ отъ ихъ родителей дары и почести пріемлюще, по ихъ достоинству». Тамъ же, стр. 23—24.

образованія) есть такая существенная черта исторіи права, на которой мы еще не разъ остановимся въ послѣдствіи. Вовторыхъ, упомянутая мѣра не могла достигнуть цѣли и потому, что была лишена существенной черты всякаго закона, то-есть, огражденія его карательными послѣдствіями за нарушеніе.

Такъ окончились реформаторскія движенія XVI вѣка. Всѣ требованія предъявлялись къ общинамъ и элементарному обученію, которое, разумѣется, не въ состояніи было удовлетворить имъ; среднія училища, въ которыхъ собственно нуждалось общество, не были вовсе учреждаемы. Обязательность, возложенная на элементарное образованіе, предназначалась собственно профессіональному, какимъ и хотѣли сдѣлать элементарное, совершенно нераціонально, а потому и неудачно. Вообще, какъ при Владимірѣ, такъ въ послѣдствіи при Петрѣ, обязательность обученія примѣнялась у насъ къ профессіональнымъ, а не къ элементарнымъ знаніямъ. Въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ она не была выработана ни въ формѣ Schulpflicht, ни въ формѣ Schullast.

Но если такъ дѣйствовало правительство, то каково же было отношеніе общинъ къ частнымъ лицамъ (правильнѣе—семействамъ) въ дѣлѣ элементарнаго обученія? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, обращаясь къ своей ближайшей задачѣ, то-есть, къ XVII вѣку, находимъ, что и здѣсь между семьею и общиною не стояло никакихъ принудительныхъ предписаній закона, какъ указываютъ намъ тѣ же уставы, которыми мы пользовались до сихъ поръ. Такъ какъ цѣль всякаго образованія, по выраженію этихъ уставовъ, есть „людскость“, то важнѣйшее условіе для ея достиженія—это *отсутствіе принудительности*: „Каждый, кто вступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись къ ректору, съ его дозволенія, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣдный и къ содержанію, не бывъ еще допущенъ вполнѣ ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы поспѣшно начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ бы предпріятія; ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть (года) и не годъ, но пока не окончитъ наукъ; и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ“ [1]).

Аксіома новой педагогіи, требующая, чтобы въ дѣлѣ образованія участвовала воля самаго ученика (охота къ ученію), въ одинаковой мѣрѣ относится и къ домашнему, и къ общественному образованію. Но

[1]) 1-й Уст. Луцк. Шк., стр. 83—84.

образованіе общественное требуетъ еще другаго условія, безъ котораго оно теряетъ значительную часть своей цѣны, а именно — нормальнаго отношенія его къ образованію домашнему, вообще *нормальнаго отношенія школы къ семьѣ.*

Если семья относится недоброжелательно къ школѣ, то напрасны будутъ всѣ принудительныя мѣры правительства посылать дѣтей въ школу, тщетны будутъ самыя благонамѣренныя усилія педагоговъ: семья сознательно или безсознательно будетъ парализовать ихъ. Напротивъ того, при нормальныхъ отношеніяхъ школы къ семьѣ, обязательность обученія примѣняется лишь въ отношеніи къ небрежнымъ родителямъ, то-есть, въ такихъ же исключительныхъ случаяхъ, въ какихъ уголовныя кары примѣняются къ родителямъ безчеловѣчнымъ.

„Всякій, приводя и отдавая въ науку сына и другихъ, долженъ взять съ собою одного или двухъ сосѣдей, „да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ", и сдѣлать съ учителемъ постановленіе о наукѣ и о всемъ порядкѣ, сообразно реестру сему, ниже написанному. И долженъ прежде всего быть прочитанъ ему тотъ реестръ, дабы зналъ, какъ будутъ учить его сына, и чтобы не препятствовалъ ему въ томъ порядкѣ, но всѣми мѣрами содѣйствовалъ дѣтямъ въ наукѣ, привоя ихъ въ послушаніе учителю, какъ истинный отецъ, желающій видѣть утѣшеніе и благой плодъ трудовъ" [1]). Обязательность обученія, очевидно, не имѣетъ мѣста при подобныхъ воззрѣніяхъ. Воля семейства уважается не въ томъ только, что оно въ правѣ воспользоваться или не воспользоваться школой, но и въ томъ, чтобы семья опредѣляла до извѣстной степени самый характеръ школы. Требованіе это удалось въ нѣкоторой мѣрѣ выполнить въ приходскихъ и братскихъ школахъ; родителямъ и ученикамъ представленъ былъ выборъ порядка, въ какомъ должны быть изучаемы различные предметы. „Такъ какъ въ нашей школѣ будутъ учить разнымъ языкамъ *и наукамъ* [2]), и опредѣлены часы, въ какіе чему должно учиться, то каждый ученикъ, поступивши въ школу и не могши въ скорости узнать ни наукъ, которыя здѣсь преподаются, ни того, къ какой онъ способенъ, долженъ просить совѣта у начальника школы, за какую науку ему взяться. И что̀ онъ, сообразивъ его лѣта, наклонность и способ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 93.

[2]) Вставка издателей Памятниковъ Кіевской коммиссіи, сдѣланная весьма основательно по соображенію съ общеизвѣстными фактами. Въ подлинникѣ: «разныхъ діалектовъ внашей школѣ учити будутъ».

ности, посовѣтуетъ ему, за то съ охотой и долженъ будетъ приняться,—исключая тѣхъ учениковъ, которые или отъ родителей, или отъ имѣющихъ на то право, назначены собственно къ какой-либо извѣстной наукѣ; однакожь и тѣмъ должно быть совѣтуемо полезнѣйшее“ [1]).

Другое важнѣйшее требованіе состоитъ въ томъ, чтобы семья, довѣривъ своего ребенка школѣ, а) ревностно содѣйствовала его школьнымъ успѣхамъ, чтобъ она не переставала благотворно вліять на него („вечеромъ, пришедши изъ школы домой, дѣти передъ родственниками, а посторонніе всякаго сословія ученики, живущіе на квартирахъ, передъ своимъ хозяиномъ, должны прочитать тотъ урокъ, который учили въ школѣ, съ объясненіемъ его, какъ то бываетъ въ школѣ“) [2]); б) требуется, чтобы семья не препятствовала школѣ въ ея образовательныхъ и воспитательныхъ задачахъ. Родители, родные и хозяева квартиръ несутъ равную отвѣтственность съ учителемъ за нравственную порчу дѣтей. „Учитель и братія, строители школьные, должны напоминать родителямъ объ ихъ сыновьяхъ, а хозяевамъ о порученныхъ имъ сторонникъ дѣтяхъ, чтобы дѣти дома поступали сообразно съ порядкомъ ученія школьнаго, показывая тѣмъ образованность и приличную лѣтамъ своимъ людскость передъ всякимъ сословіемъ. А если бы что противное оказалось въ дѣтяхъ,—имѣетъ быть изслѣдовано; а еслибъ учитель своимъ нерадѣніемъ, или родственники и хозяева [3]) безпорядкомъ своимъ препятствовали наукѣ и благимъ нравамъ, то виновный имѣетъ подлежать отвѣтственности“ [4]).

Наконецъ, прекращеніе отношеній между семействомъ и школою за выбытіемъ ученика должно совершаться гласно, при свидѣтеляхъ; этимъ предупреждаются, иногда совершенно напрасныя, нареканія на школу. При родителяхъ и посторонникъ лицахъ долженъ быть произведенъ экзаменъ ученику, и общество, такимъ образомъ, въ состояніи судить — правильно ли поступаетъ отецъ, находя безполезнымъ дальнѣйшее ученье своего сына. „Если бы кто захотѣлъ взять своего сына отъ учителя для какой иной надобности, то долженъ взять его не заочно и не черезъ другихъ, а самъ лично, и при тѣхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 85—86.

[2]) Переводъ этого мѣста Устава, сдѣланный Кіевскою коммиссіей: «или родственники хозяина» неправиленъ.

[3]) 2-й Уст., тамъ же, стр. 105—106.

[4]) 2-й Уставъ, стр. 111.

же одномъ или двухъ лицахъ, при которыхъ отдалъ его въ ученіе, дабы своимъ безпорядочнымъ поступкомъ не сдѣлать оскорбленія ни ученику и себѣ самому, ни учителю, что отобралъ у него ученика безъ объясненія причины, когда такой порядокъ соблюдаютъ и всѣ другіе ремесленники. Ибо не только сына, но и слугу поручаютъ ремесленнику при людяхъ и порядкомъ, и потомъ, когда чему научится, тѣмъ болѣе не хотятъ пренебрегать таковымъ порядкомъ, но собравши многихъ, одобряютъ постоянство и терпѣливость родныхъ и его самого. Тогда и мастеру бываетъ великое удовольствіе, что видитъ ученика своего не послѣднимъ. И сіе гораздо болѣе должно наблюдать въ училищахъ и у людей христіанскихъ“ [1]).

Семья можетъ сама разорвать связь съ школой, а также школа можетъ выслать ученика отъ себя (что считалось большимъ счастіемъ для учениковъ въ казенныхъ русскихъ школахъ XVIII вѣка) лишь въ томъ случаѣ, когда „мальчикъ одинъ день ходитъ въ школу, а другой пропускаетъ..., таковаго больше не принимать, потому что и знахарь (лѣкарь), если бы больнаго лечилъ одинъ день, а въ другой пропускалъ, то вмѣсто излеченія повергъ бы его въ бо́льшую болѣзнь“ [2]).

Изъ всего этого ясно, что до Петра не существовало на Руси принудительнаго обязательства посѣщать школу.

Въ чемъ же выражалась дѣятельность общины относительно народнаго образованія? Въ сообщеніи прихожанамъ условій, облегчающихъ доступъ къ элементарному образованію, а именно, прежде всего, въ пріобрѣтеніи учителей.

Должность учителя соединялась въ одномъ лицѣ съ другими должностями по приходу, — общиннаго секретаря (дьяка) и церковнаго дьячка. Такъ какъ обѣ онѣ необходимо существовали въ каждой общинѣ, то присутствіе учителя въ приходѣ было явленіемъ нормальнымъ и постояннымъ [3]).

Авторъ упомянутой нами статьи въ *Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ* пишетъ: „Г. Лазаревскій на вопросъ: кто училъ въ шко-

---

[1]) 2-й Уставъ, стр. 112—113.

[2]) Тамъ же, стр. 110.

[3]) «Испоконъ вѣка учительствомъ промышляли дьячки, и званіе дьячка до того слилось въ понятіи народа съ учительствомъ, что самыя крутыя мѣры не въ состояніи были подорвать довѣрія къ дьячковскимъ школамъ. Дома, гдѣ живутъ дьячки, народъ въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи до сихъ поръ называетъ школами». *Сухомлиновъ* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1864, I.

лахъ, отвѣчаетъ: „Обученіемъ занимались, какъ можно догадываться, дьячки“. Выписки изъ описи (земель 1767 и 1768 гг.) избавляютъ насъ отъ труда догадываться о наставникахъ. Ясно и прямо говорится, что учили дьячки въ школахъ, гдѣ они и жили. Дьячки, по званію школьныхъ учителей, назывались „бакаларами“ и „дирехтурами“ — какъ распорядители школы“.

Эти учители-дьяки избирались приходами, которые заключали съ каждымъ изъ нихъ словесный или формальный договоръ.

„Когда священникъ хотѣлъ поставить въ своей парохіи дьячкомъ кого-либо изъ меньшихъ сыновей своихъ, лишенныхъ надежды на наслѣдство отцовской парохіи, онъ приглашалъ къ себѣ старосту и нѣсколькихъ хозяевъ, выражалъ имъ свое желаніе, ставилъ предъ ними нареченнаго, давалъ ему нѣсколько наставленій въ родѣ: „шануй громаду, поважай хозяевъ“ и под., а затѣмъ все собраніе порѣшивъ — „на чемъ ему жить“, обыкновенно — на чемъ жилъ прежній дьячекъ, вмѣстѣ съ семьею священника, провожало его въ *школу*, гдѣ „запивали его“, надѣляя его всякими наставленіями и благожеланіями, въ особенности желаніемъ когда-либо „выдряпаться на попа“, то-есть, быть священникомъ. Это право, какъ древнее, сросшееся съ натурою народною, въ обоихъ своихъ видахъ сильно стояло за себя противъ всякихъ стѣсненій и ограниченій“ [1]).

Лицо, соединявшее въ себѣ земскую или общинную должность съ должностью учителя, конечно, пользовалось гораздо бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ тѣ жалкіе „дьяки“, которыхъ мы знаемъ по фактамъ XVIII вѣка; дьякъ—школьный учитель занимаетъ обыкновенно второе мѣсто послѣ лица, облеченнаго общинною властію. „По переписи 1724 года въ Соколовѣ (сотенномъ городкѣ Зміевскаго полка) въ приходѣ Архангельскомъ прихожане перечисляются такъ: сотникъ Ив. Жуковъ, Опрѣмъ дякъ (школьный учитель), Романъ Жаботинскій и т. д.“ [2]). Впрочемъ, иногда упомянутыя нами должности были раздѣльны; учительство повѣрялось другимъ духовнымъ лицамъ (священникамъ и дьякопамъ), исправлявшимъ штатныя обязанности; такъ распоряжался Стоглавый соборъ (въ приведенной нами главѣ его постановленій), такъ существовало это и на дѣлѣ во многихъ случаяхъ [3]).

---

[1]) Руководство для сельскихъ пастырей *Крыжановскаго*.

[2]) *Филаретъ*, Ист.-стат. опис. Харьк. Епарх. отд. IV, стр. 210.

[3]) См. тамъ же дѣло 1749 о дьячкѣ Алексѣѣ Ивановѣ.

Жены заштатныхъ священниковъ и дьяконовъ обучали дѣвочекъ въ тѣхъ же школахъ [1]).

Лицо, соединявшее земскую или церковную должность съ должностью учителя, не обязано было обучать всѣхъ дѣтей общины безплатно. Элементарное образованіе ни для кого не было мнимо даровымъ, то-есть, общинная власть не собирала школьнаго налога и не платила учителямъ жалованья. Отношенія школы къ родителямъ, какъ уже видно изъ приведеннаго выше устава Луцкаго училища, основаны были на частныхъ договорахъ. Каждый родитель заключалъ съ учителемъ сдѣлку совершенно въ такихъ же формахъ, въ какихъ совершались прочія гражданскія сдѣлки въ эпоху господства обычнаго права, то-есть, приглашалъ одного или двухъ свидѣтелей, въ присутствіи коихъ и заключалъ условіе; затѣмъ, на окончательномъ экзаменѣ присутствуютъ тѣ же самые свидѣтели и рѣшаютъ—честно ли выполненъ договоръ со стороны наставника. Сами уставы приравниваютъ этотъ порядокъ одному изъ видовъ договора личнаго найма: „Такой порядокъ соблюдаютъ и *вси другіе ремесленники*, ибо не только сына, но и слугу поручаютъ мастеру при людяхъ и порядкомъ...“. Содержаніемъ договора служили условія о томъ, чему учить, и въ какой срокъ; упоминалось о могарычѣ (договорная плата), поминкѣ (добавочная плата за исполненіе части условій): „да тѣ поминки опроче могарца“, говоритъ Геннадій. Такъ возникаетъ понятіе о учителяхъ *мастерахъ*; самое слово это (къ удивленію — нѣмецкое) появляется въ памятникахъ довольно рано: уже Псковская судная грамота регулируетъ отношенія мастеровъ къ ученикамъ вообще, не отличая мастеровъ ремесленниковъ отъ мастеровъ учебнаго дѣла. Объ этихъ послѣднихъ упоминаетъ и Геннадій, какъ объ единственныхъ народныхъ учителяхъ. „Мы-де учимся у своихъ мастеровъ, а индѣ учиться негдѣ“... Такія слова Стоглавъ приписываетъ не приготовленнымъ кандидатамъ на священство. Подъ этимъ же именемъ знаютъ ихъ сатирическіе журналы XVIII вѣка и Крестининъ; оно сохранилось и до нашихъ дней [2]).

---

[1]) См. вышеприведенные факты изъ Исторіи Моск. Епарх. управл..

[2]) «Во многихъ волостяхъ Череповскаго уѣзда родители обучаютъ своихъ дѣтей грамотѣ наймомъ учителей въ складчину—или за мѣсячную плату, или за зиму, или за выучку... Предпочтеніе, часто оказываемое этому способу обученія предъ школой, заключается существенно въ той увѣренности, которую питаютъ родители къ нанятымъ ими лицамъ, что худо ли, хорошо ли, но *въ опредѣленный срокъ по условію* они выучатъ и читать, и писать». Отчетъ по Череповскому уѣзду (*Школьная жизнь*. 1872, № 8).

Упомянутое нами явленіе, принижающее положеніе учителя до положенія стороны, обязывающейся по договору личнаго найма, совершенно, по видимому, извлекаетъ дѣло элементарнаго обученія въ древности изъ сферы государственнаго права. Можно ли говорить о значеніи общины въ этомъ дѣлѣ, если оно подлежитъ такой же частной инициативѣ, какъ и всякая гражданская сдѣлка? Но явленіе, о которомъ мы говоримъ, не представляетъ ничего исключительнаго. Если отношенія даже верховной власти къ подданнымъ строились на „рядѣ“, если судящійся договаривался съ судьею о вознагражденіи и т. д., то мы естественно заключаемъ, что не только право частное, но и государственное развивалось изъ частныхъ сдѣлокъ.

Общинная власть вовсе не оставалась чуждою этимъ сдѣлкамъ. Свидѣтелями при заключеніи упомянутыхъ нами договоровъ были „сосѣди“, вся мѣстная община. Когда приглашались они на окончательный экзаменъ, то и *общество* (по выраженію Устава Луцкой школы) въ состояніи было судить—правильно ли поступаетъ наставникъ, находя безполезнымъ дальнѣйшее пребываніе ученика въ школѣ. Частная сдѣлка становится дѣломъ общественнымъ; явленіе частнаго права переходитъ въ сферу публичнаго. Учитель (должностное лицо общины, или стороннее—все равно) контролируется общиной именно въ качествѣ учителя.

Если даже учителя школъ, основанныхъ корпораціями, за свои проступки и дурное поведеніе (какъ увидимъ ниже) не только лишались должности, но и изгонялись изъ общества, то община, облеченная административною властію, конечно, обладала бо̀льшимъ правомъ въ этомъ отношеніи.

Впрочемъ, въ значительной части случаевъ этотъ надзоръ общины за дѣятельностію школы проявлялся не въ юридическихъ формахъ, а въ формахъ контроля общественнаго мнѣнія (что̀ трудно было различать въ древнія времена). Не даромъ старинные учебники содержатъ множество образцевъ привѣтствій лицамъ, посѣщавшимъ школу. Это были „благодѣтели“, вліятельные люди общины. Азбуковникъ наставляетъ: „Когда входитъ постороннее лицо, всѣ должны встать при его появленіи, и одинъ изъ прилежнѣйшихъ учениковъ, поклонившись посѣтителю, говоритъ рѣчь, приличную мѣсту и времени:

«Азъ, мній рабъ учителя своего,
Зрю тя, благодѣтеля своего,
Пришедша посѣщенія ради въ школу къ намъ:
Сего ради простираю слово къ вамъ».

Не даромъ наставникъ, поощряя учениковъ къ чистоплотности и благонравію, постоянно ставитъ имъ на видъ: „Что скажутъ о школьной чистотѣ посѣтившіе школу, что подумаютъ прихожане о школѣ, когда ученики въ церкви будутъ шалить, и пр.“.

Говоря здѣсь объ отношеніи общины и ея властей къ школѣ, мы должны упомянуть о существенномъ различіи между западною и восточною Русью въ этомъ отношеніи, на которое, впрочемъ, было уже указано выше. Преобладаніе крупныхъ поселеній въ Малороссіи, и наоборотъ, разбросанность мелкихъ поселеній въ восточной Руси были причиною существенныхъ различій какъ въ дѣлѣ народнаго образованія вообще, такъ и въ отношеніи къ занимающему насъ теперь опросу въ частности. Деревня, состоящая изъ двухъ-трехъ домовъ, не имѣющая церкви и духовенства, не могла образовать того, что мы называемъ территоріальною общиною; не могла имѣть наставниковъ— должностныхъ лицъ, ибо въ ней не было ни церковнаго причта, ни общиннаго управленія. Наемъ учителя, совершаемый хотя бы въ складчину, не превращаетъ мастера въ общественнаго дѣятеля.

Въ послѣдствіи, когда правительство стало преслѣдовать, прямыми и косвенными мѣрами, приходскія школы, всѣ учителя-мастера превратились просто въ мастеровъ, вольнонаемныхъ слугъ. Но это явленіе позднѣйшее, оно принадлежитъ XVIII и XIX вѣкамъ.

Община составляетъ замкнутый міръ, самъ себѣ довлѣющій; для всѣхъ отправленій общественной жизни она сама приготовляетъ, или пріобрѣтаетъ дѣятелей. Управленіе по всѣмъ частямъ полиціи благосостоянія не имѣетъ никакихъ общегосударственныхъ учрежденій; оно дробится по автономическимъ независимымъ общинамъ. Никакого общаго руководительства элементарными школами ни въ Московской, ни въ Литовской Руси не было. Столавъ ограничился лишь законодательными мѣрами и не позаботился объ учрежденіяхъ. Этимъ объясняются всѣ темныя стороны школьнаго дѣла, находившагося въ завѣдываніи мелкихъ общинъ.

Никакая, напримѣръ, приходская община не можетъ основать особаго учительскаго института для приготовленія себѣ учителей; для этого у нея нѣтъ ни средствъ, ни потребности; ей нуженъ только одинъ, много два наставника. Лишь нѣсколько общинъ, по соглашенію, могли приступить бы къ такой задачѣ, и ниже мы встрѣтимъ нѣчто подобное; но успѣхъ упомянутыхъ соглашеній, само собою разумѣется, былъ медленный.

Откуда же брались учителя-мастера, гдѣ подготовлялись они къ своей дѣятельности?

Здѣсь касаемся мы самой слабой стороны общинныхъ школъ. Учителей приготовляла та же самая элементарная школа, въ которой въ послѣдствіи они сами преподавали. Отсюда традиціонная передача свѣдѣній въ томъ же объемѣ, въ какомъ издавна укоренились они на Руси вліяніемъ греческихъ миссіонеровъ. „Старшимъ и болѣе практичнымъ, болѣе честнымъ изъ школяровъ священники и громада давали названіе *поддячихъ*, то-есть, помощниковъ дьячка, другимъ псаломщиковъ, клиросниковъ и т. п. Инымъ долго не счастливилось; они доживали до 30-лѣтняго и долѣе возраста въ званіи школяровъ“ [1]) все въ качествѣ кандидата на должность дьячка-учителя. „Книжному чтенію и пѣнію обученъ онъ (монахъ Сумскаго монастыря Дорофей) Ахтырскаго полка с. Тростинца дьячкомъ Петромъ; а по изученію русской грамоты бывалъ при церковныхъ школахъ дьячкомъ“ [2]). „Учитель-дьякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: какъ станешь учителемъ, учи такъ, чтобы не отбилъ школы“ [3]). „Учимся у мастеровъ, говорятъ будущіе пастыри и учители; намъ больше учиться негдѣ“, какъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ. Вслѣдствіе этого: а) элементарное обученіе не растетъ вмѣстѣ съ историческимъ ростомъ общества; кромѣ элементарныхъ, не было другихъ учебныхъ заведеній, которыя постоянно распространяли бы новыя и высшія свѣдѣнія; б) существовала опасность постояннаго, хотя и медленнаго регрессивнаго движенія. „Учи такъ, чтобъ не отбилъ школы“, то-есть, не открывай своему ученику *всего*, чтобы ученикъ не сѣлъ на твое мѣсто. Вотъ этого-то всего и добивались ученики разными хитростями у своихъ учителей [4]). Что такія именно стремленія замѣчались у наставниковъ-мастеровъ того времени, на это намекаетъ Стоглавъ, настаивая съ особеннымъ ударепіемъ на томъ, чтобъ „учили учениковъ грамотѣ довольно, коль сами умѣете, и силы бы имъ Писанія сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученицы ваши *всѣ* книги учили“. „Такожъ бы учили своихъ учениковъ... сколько сами умѣютъ, ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе“.

---

[1]) См. вышеприведенное мѣсто изъ Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи.

[2]) См. статью г. *Крыжановскаго*.

[3]) *Украинская Старина*, соч. *Г. Данилевскаго*, стр. 296.

[4]) Тамъ же.

Этимъ наиболѣе объясняется упадокъ элементарныхъ знаній въ Московской Руси, несомнѣнно замѣчаемый съ XVI вѣка.

Далѣе, при автономической разрозненности общинъ въ дѣлѣ народнаго образованія, единство его, о которомъ мы говорили выше, является лишь единствомъ задачъ, взглядовъ на него всего народа, а не единствомъ исполненія: школа, случайно попавшая въ хорошія руки, стояла много выше сосѣднихъ, но не обнаруживала на нихъ никакого вліянія.

Противъ этого зла существовало съ древнѣйшихъ временъ одно средство — это переходъ учителей съ мѣста на мѣсто (подобно странствующимъ ремесленникамъ: явленіе въ высшей степени интересное. Были странствующіе мастера-спеціалисты, создававшіе особую школу искусства или знанія, подобно древнимъ рапсодамъ. Изъ статьи: „Откуда и отъ коего времени начася быти въ нашей Русьтей земли осмогласное пѣніе“.... (статья эта относится къ XVI или началу XVII вѣка) видно, что „въ XVI вѣкѣ обученіемъ пѣнію занимались особые мастера, „пѣти зѣло горазднье“, *поставщики* (то-есть, перелагатели на поты готовыхъ церковныхъ пѣсней) и *творцы* (композиторы), которые смотрѣли на свое занятіе, какъ на ремесло, ходили по городамъ, собирали къ себѣ учениковъ и обучали ихъ пѣнію „Иванъ Носъ да Христіанинъ (знаменитые учители пѣнія въ XVI вѣкѣ) были въ царствованіе благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси. И были у него съ нимъ въ любимомъ его селѣ — въ слободѣ Александровѣ; а Стефанъ Голышъ (еще музыкальная знаменитость) тутъ не былъ, ходилъ по городамъ и училъ Усольскую страну и у Строгановыхъ училъ“ [1]).

Въ Украйнѣ возникло даже весьма характерное названіе *мандрованный* дьякъ, то-есть, странствующій учитель. Не ограничиваясь предѣлами Слободской Украйны, Гетманщины и Польши, люди эти странствовали съ книжною сумою, разнося и собирая повсюду медъ книжной мудрости. Иногда на цѣлые годы оставался такой странникъ въ какомъ-нибудь селѣ, въ качествѣ учителя, а потомъ опять идетъ дальше. „Онъ, Іоанникій“, читаемъ мы въ книгѣ преосвященнаго Филарета, „по изученіи славянской грамоты, ходилъ по разнымъ мѣстамъ *лѣтъ съ 27* въ дьяковскомъ званіи; русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ *мандрованнымъ* дьякомъ Павломъ“. „Родился (Василій Жуковскій) Успенской церкви города Балаклеи, обучалъ школяровъ

[1]) *Лавровскій.* О древне-русскихъ училищахъ, стр. 177.

и крылосное пѣніе, и (сынъ его) жилъ при отцѣ своемъ въ школахъ въ томъ городѣ Балаклеѣ до возрасту своего и училъ, а по смерти отца своего живалъ въ томъ же Изюмскомъ полку, по разнымъ мѣстамъ въ школахъ". „Въ селѣ Капустянцѣ былъ при Воздвиженской церкви, по черкасскому обыкновенію, дьякомъ, а онъ Алексѣй жительство имѣетъ въ селѣ Грункѣ (Полтавской губерніи) при церкви св. Михаила въ школѣ".

Эти истинные анахореты просвѣщенія, не имѣвшіе осѣдлости, лишь подъ конецъ жизни возвращались на родину, чтобы сложить на ней свои кости. Въ тѣ времена, когда книги считались рѣдкостью, было весьма важно, что ихъ знанія дѣлались общимъ достояніемъ всей Малороссіи.

Объясненіе термина „мандрованный дьякъ", приведенное г. Данилевскимъ со словъ г. Селивановскаго, весьма односторонне и не вѣрно [1]), но тѣмъ не менѣе оно намекаетъ на значеніе странствующихъ учителей, то-есть, указываетъ на странствованіе, какъ на средство пополненія знаній, которыя, передаваясь постоянно въ одной и той же общинѣ, могли наконецъ утратить всякую жизненность.

Странствующіе учителя имѣли и другое значеніе въ народномъ образованіи. Хотя несомнѣнно, что при большей части церквей существовали свои школы, и что малороссійскія села весьма многочисленны, что деревень тамъ почти нѣтъ, и что въ каждомъ селѣ находится церковь,—но были однако церкви и безъ школъ, а также хуторныя поселенія безъ церквей. Для такихъ-то поселеній мандрованный дьякъ былъ тѣмъ, что̀ мы теперь называемъ подвижною или переносною школою.

Конечно, между этими странствователями было много бродягъ и шарлатановъ. Еще въ 1731 году Кіевскій митрополитъ Гавріилъ Бужинскій писалъ своей консисторіи: „Въ епархіи Кіевской школьники разнаго званія люди съ мѣста на мѣсто бродятъ, и по имѣющимся при церквахъ избамъ, такъ-называемымъ школамъ, приставая, тунеядствомъ кормятся, и не только никакой пользы обществу не приносятъ, но паче разными своими безчиніями вредъ и соблазнъ причиняютъ, а чрезъ таковыхъ своевольныхъ бродягъ на церковнослу-

[1]) Данилевскій объясняетъ его такъ: «учитель давалъ завѣтъ своему ученику не открывать всѣхъ своихъ знаній своимъ (будущимъ) ученикамъ. Чтобы пріобрѣсти это *все* знаніе, кандидаты на учительство «переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ—«мандровали» по украински». *Украин. Стар.*, стр. 296.

жителей настоящихъ и постоянныхъ напрасное напосится нареканіе". Въ этомъ отзывѣ, внушенномъ архипастырю крайнимъ раздраженіемъ противъ непослушныхъ общинъ, въ разгарѣ борьбы его съ ихъ правами, есть, быть можетъ, доля истины. Но и въ западной Европѣ scholares vagantes, державшіе иногда разбойничьи станицы, объясняются не простымъ стремленіемъ къ бродяжничеству, а существенными потребностями образованія, не удовлетворяемаго болѣе правильнымъ способомъ.

Подобные странствующіе учителя были и въ Москвѣ въ XVII и въ XVIII вѣкѣ. „Въ 1745 вышелъ въ Москву и имѣлся праздно, питаясь ученіемъ господскихъ и прочихъ дѣтей", показывалъ о себѣ въ 1755 году дьяконъ Василій Онисимовъ въ Московской консисторіи. Дьячекъ Петровъ на допросѣ показалъ, что ему отъ рода 38 лѣтъ, при той Воскресенской церкви находился по 1758 годъ и отъ церкви отошелъ для (лучшаго) пропитанія себя и дѣтей своихъ „въ разныхъ господскихъ домахъ обучая людей ихъ грамотѣ, писать и пѣть изъ подлежащей платы". Ему былъ выданъ видъ для прожитія [1]).

Когда въ послѣдствіи училища, основанныя корпораціями и частными лицами, возвысились до степени среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, наступила другая эпоха для элементарныхъ школъ. Тогда эти послѣднія могли заимствовать, и дѣйствительно заимствовали, учителей изъ первыхъ. Іовъ Борецкій — воспитанникъ и ректоръ Львовскаго училища, поступивъ во священники въ Кіевскую Воскресенскую церковь, преобразовалъ приходскую школу этой церкви такъ, что она вскорѣ заслужила уваженіе образованныхъ людей" [2]).

Только этимъ же путемъ могли попасть въ села Московскаго государства попы, знающіе граматику и реторику. Въ ноябрѣ 1616 года была выдана слѣдующая царская грамота: „По нашему указу взяты были къ намъ въ Москву изъ Троицкаго Сергіевскаго монастыря капонархистъ—старецъ Арсеній, да села Клементьева попъ Иванъ для исправленія книгъ печатныхъ и Потребника. И мы указали исправленіе Потребника поручить тебѣ, архимандриту Діонисію, и съ тобою Арсенію и Ивану и другимъ духовнымъ разумнымъ старцамъ, которымъ подлинно извѣстно книжное ученіе, граматику и реторику знаютъ". Уже въ началѣ XVII вѣка были въ Москвѣ епископы изъ Малороссіи (напримѣръ, иноземецъ архіепископъ Суздальскій Іосифъ),

---

[1]) Ист. Москов. Епарх. управ., кн. II, прим. 456 (стр. 184).

[2]) Кіевъ съ его древн. учен. ак., стр. 58.

которые старались назначать священниковъ своею властью, а не по выбору прихожанъ, и можетъ-быть, изъ своихъ-инозем цевъ — Кіевлянъ [1]).

Въ XVIII вѣкѣ, когда въ Харьковѣ существовалъ уже коллегіумъ, между нимъ и этими народными школами не могла не возникнуть нѣкоторая связь. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что коллегіумъ былъ единственнымъ духовнымъ училищемъ, сохранившимъ вполнѣ народный характеръ и народныя симпатіи. Сумма просвѣщенія, издавна обращавшаяся въ народныхъ школахъ, начала пополняться. Учителями въ нихъ иногда появляются воспитанники коллегіума. „Въ 1742 года дьячекъ Иванъ Григорьевъ въ селѣ Кровномъ, поставлявшійся въ священники, показывалъ: русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ Иванъ той же церкви дьячкомъ Василіемъ, а по изученіи русской грамоты отданъ былъ въ Харьковскія славяно-латинскія школы и практиковалъ до поэтика, подъ учителя Варлаама Тищинскаго, и изъ показанныхъ латинскихъ школъ опредѣленъ той же церкви *„дѣйствительнымъ дьячкомъ“* (то-есть, вѣроятно уже не выбраннымъ и не наемнымъ отъ прихода, а назначеннымъ на службу духовнымъ начальствомъ). Вотъ другой фактъ: „Діаконъ Яковъ Ивановъ показывалъ о себѣ въ декабрѣ 1737 года: родомъ онъ, Яковъ, Малороссіянинъ; чтенію и пѣнію изученъ въ с. Семеренкахъ въ школѣ дьячкомъ; взятъ былъ по указу въ славено-латинскія школы и ученъ въ аналогіи и инфимѣ профессоромъ Петромъ Венсовичемъ, въ грамматикѣ Пенчинскимъ, въ синтаксисѣ и въ поэтикѣ Карабановичемъ (это, вѣроятно, еще въ Бѣлгородѣ), въ Харьковѣ—въ реторикѣ Тапольскимъ два года, и по окончаніи реторики данъ ему отпускной патентъ; въ ученіи былъ 7 лѣтъ“.

Къ сожалѣнію, такая солидарность между низшими и высшими училищами существовала не вездѣ и недолго, а до тѣхъ лишь поръ, пока въ среднія и высшія училища не проникло и потомъ совершенно не овладѣло ими направленіе, чуждое всякой народности; солидарность господствовала лишь въ училищахъ, основанныхъ корпораціями и частными лицами: что же касается до основанныхъ правительствомъ, то они подчиняли своихъ воспитанниковъ такимъ условіямъ, которыя не позволяли имъ быть по прежнему единственными и сносными народными учителями. Учительство въ народной школѣ не было уже приготовленіемъ къ священству: лучшіе воспитанники семинарій прямо

[1]) См. *С. М. Соловьева.* Исторія Россіи, IX, стр. 432—433 и 444.

посвящались во священники; негодные (лѣнивые или совершенно бездарные) вербовались въ военную службу или поступали въ дьячки, при чемъ, промышляя по прежнему учительствомъ, довели приходское образованіе до совершеннаго упадка, а званіе учителя-мастера до заслуженнаго презрѣнія. Хотя по свѣдѣніямъ своимъ они все-таки были выше прежнихъ наставниковъ, учившихся лишь въ народныхъ школахъ, но свѣдѣнія эти оказывались совершенно непригодными. Лишь въ наше время правительственными мѣрами учительскій институтъ народныхъ школъ стремится возвратиться къ прежнему порядку, а санъ священства можетъ быть получаемъ лицами, прослужившими извѣстный срокъ въ должности псаломщика или народнаго учителя.

При нормальномъ историческомъ ходѣ народнаго образованія, система народныхъ школъ, господствующая въ Европѣ, не отличалась бы въ такой степени, какъ нынѣ, своею угрожающею наклонностью къ замкнутости [1]), изолированности отъ системы общаго образованія. Лучшею учительскою семинаріей представляется, конечно, всякое среднее учебное заведеніе, разумѣется, подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ оно было хорошо устроено и доступно для низшихъ классовъ.

Очевидно, что судьба среднихъ учебныхъ заведеній, особенно духовныхъ, всегда находилась въ тѣсной связи съ судьбами элементарныхъ школъ. Связь эта основывалась не на томъ только, что изъ первыхъ послѣднія заимствовали учителей, но особенно на томъ, что народное учительство не могло существовать иначе, какъ въ соединеніи съ церковно-приходскими должностями. Лишь благодаря этому обстоятельству, возможно было то всеобщее распространеніе элементарныхъ школъ, о которомъ мы говорили выше. Сельскія и даже городскія приходскія общины не имѣли (въ большинствѣ случаевъ и теперь не имѣютъ) экономическихъ средствъ, чтобы создавать для каждой общественной дѣятельности особый (отдѣльный) органъ, и вынуждены были на тотъ или другой изъ органовъ уже существующихъ возлагать различныя функціи. Если и въ наше время однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій къ распространенію народныхъ школъ служитъ недостатокъ денежныхъ средствъ, то тѣмъ болѣе обнару-

---

[1]) *Штейнъ*: «Правительство должно своими постановленіями воспрепятствовать, чтобъ элементарное обученіе не образовало замкнутаго цѣлаго, но чтобы конечный пунктъ его служилъ переходомъ къ высшимъ ступенямъ образованія. Формальнымъ средствомъ для этого служитъ то, чтобы были различные *классы* (степени) элементарнаго образованія».

живалось это въ старину, особенно при тогдашнемъ порядкѣ управленія народными школами.

Какими же средствами поддерживались школы и наставники въ описываемое нами время?

Въ каждой общинѣ существовалъ построенный ею домъ, обыкновенно (въ Малороссіи. по крайней мѣрѣ, всегда) называемый школою Въ нѣкоторыхъ общинахъ находилось по два такихъ дома: одинъ, служившій помѣщеніемъ для дьяка-учителя и его семейства, а также для школы („жительство имѣетъ въ селѣ Грункѣ при церкви св. Михаила въ школѣ", показывалъ съ 1743 году дьячекъ Слободской епархіи [1])), другой—для псаломщиковъ, то-есть, кандидатовъ на церковно-общинныя должности, или для пономаря. Иногда этотъ послѣдній домъ предназначался спеціально для школяровъ [2]); то-есть, для призрѣваемыхъ и вмѣстѣ обучаемыхъ общиною сиротъ, а по всей вѣроятности, и для помѣщенія классовъ.

Содержаніе этихъ домовъ и помѣщаемыхъ въ нихъ школьниковъ извлекалось или изъ общихъ средствъ приходскаго братства, или изъ недвижимыхъ имуществъ, спеціально приписанныхъ къ школѣ [3]). Собственно домашнее хозяйство обходилось недорого, потому что всѣ работы возлагались на школьниковъ [4]), ибо хотѣли пріучить ихъ смотрѣть на школьный домъ, какъ на свой семейный.

Учебныя пособія, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ азбуковниковъ, составляли имущество школы и находились на готовѣ у наставника для каждаго изъ учениковъ. Разумѣется, они пріобрѣтались также на средства приходскихъ братствъ. Книгами пользовались ученики только въ школѣ, а затѣмъ сдавали ихъ „школьному старостѣ" [5]).

Что касается до содержанія собственно учителей, то оно было двоякое: Вопервыхъ, оно было общественное, какъ должностнаго лица общины. При церкви Игнатовской (Стародубскаго полка) школа съ дьячкомъ, при чемъ сказано, что Игнатовскій дьячекъ „питается

---

[1]) См. *Филарета*, Ист. ст. Оп. Харьк. Епарх. Отд. III, стр. 133.

[2]) «При Покровской церкви (Стародубскаго полка) школа, гдѣ дьячекъ и 4 псаломщика казачьяго званія.... Въ Погребковской школѣ живутъ школьники.... Во 2-й Стародубской сотнѣ, въ Андрейковичахъ, въ школѣ дьячекъ и псаломщикъ, а въ другой школьной избѣ живутъ школьники» (см. *Черн. Еп. Изв.* Пр. 1862).

[3]) «Знобской школѣ принадлежитъ огородъ»... Тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 64.

[5]) Тамъ же.

съ доходовъ церковныхъ и роковщиною“ [1]). Замѣтимъ при этомъ, что нынѣшній способъ содержанія причта (посредствомъ неопредѣленныхъ поборовъ съ прихожанъ) вовсе не былъ единственнымъ въ древней Руси. Избраннымъ или напятымъ лицамъ община обязывалась платить по договору опредѣленное денежное жалованье: казакъ Скоробогатый былъ въ с. Домышлинѣ дьячкомъ при церкви, и за то прихожане обѣщали ему въ годъ по алтыну съ дыму. Другая часть содержанія учителя, вознагражденіе собственно за учительскую дѣятельность, состояла изъ платы за обученіе каждаго мальчика по частному условію съ родителями. Народъ, какъ извѣстно, предпочитаетъ до сихъ поръ платить за ученіе и мало цѣнитъ ученье безплатное. Вознагражденіе это, въ своихъ формахъ, уцѣлѣло съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ. Уже по словамъ Геннадія, „первое (учитель) изучитъ ему (ученику) вечерню; ино то мастеру принести каша, да гривна денегъ; а завтрени тоже, а и свыше того; а часы особно; да тѣ поминки опроче могарца, что рядилъ отъ него“.

Стоглавъ, учредивъ, по видимому, вполнѣ общественныя училища, не обратилъ однако вознагражденія наставникамъ въ исключительно общественное жалованье, какъ это видно изъ наказовъ митрополита; онъ рекомендуетъ учителямъ быть ревностными „отъ Бога мзды ожидающе, а здѣ отъ ихъ родителей дары и почести пріемлюще по ихъ (родителей) достоинству и состоянію“.

Въ такомъ же видѣ изображается эта плата и во второй половинѣ XVIII вѣка Крестининымъ. „Слѣдующій учителямъ грамоты за школьные труды платежъ производится отъ родителей ихъ учениковъ, по старинному обыкновенію, по книжно, а не по мѣсячно. Въ прежніе годы платили имъ за азбуку по 10 коп., за часословъ по 60 и по 70 коп., за псалтирь по 100 коп., за письмо также по 100 коп. Въ нынѣшнее время таковые платежи возвысились вдвое и больше за каждую книгу. Но симъ платежемъ въ здѣшнихъ мѣстахъ самый исправный и прилежный учитель грамоты содержать себя не можетъ, за дороговизною съѣстныхъ припасовъ и другихъ вещей, къ содержанію человѣческой жизни необходимыхъ“. Вслѣдствіе сего учительство и перешло въ руки полуграмотныхъ женщинъ.

„Плата за обученіе въ XVIII вѣкѣ“, по словамъ г. Воронова [2]), „была самая ничтожная: въ столицѣ брали по 1 рублю въ мѣсяцъ и менѣе,

[1]) Тамъ же, стр. 74.

[2]) Историко-статистич. обозр. учебн. завед. С.-Петербург. окр. Спб. 1849, стр. 5.

или за выучку, за чтеніе отъ 4 до 6 рублей, а за правила ариѳметики 3 рубля". „Мастеръ былъ (читаемъ въ журналѣ *Итого и сс*) человѣкъ постоянный и экономію дома своего наблюдалъ строго, такъ что каждый ученикъ долженъ былъ ему принести каждый двенадесятый праздникъ по нѣскольку денегъ, а сіе приносится сверхъ ряды, которая надлежитъ за науку; впрочемъ, хотя онъ и не научитъ больше, какъ читать и писать безъ толку и смыслу, но почитается мастеромъ и беретъ за науку весьма дорого" [1]). Отзывъ, по сличенію съ отзывомъ Крестинина, совершенно невѣрный.

То же самое существовало и въ Малороссіи, какъ въ старое время, такъ и въ концѣ XVIII вѣка. „Переходъ отъ грамматки къ часослову и отъ часослова къ псалтирю былъ настоящимъ праздникомъ и для наставниковъ, и для ихъ питомцевъ: учитель получалъ горшокъ съ кашей, осыпанный сверху деньгами; ученикамъ дарили родители по пятаку или по гривнѣ мѣди". Обычай этотъ, извѣстный подъ именемъ *каша*, уцѣлѣлъ кое-гдѣ и теперь, какъ уцѣлѣли и старинные учебники, и народные наставники и наставницы" [2]).

Жалованье учителю выдавалось также въ видѣ подарковъ, припасовъ натурою—явленіе, сопровождавшееся всѣми тѣми послѣдствіями, которыя обыкновенно встрѣчаются при неразвитости денежнаго хозяйства [3]). Съ дальнѣйшими успѣхами экономическаго быта, при переходѣ этихъ подарковъ въ постоянное (денежное) жалованье благотворная зависимость школы отъ общины не переходила бы въ личную зависимость учителей отъ богатыхъ общинниковъ.

Какъ въ югозападной, такъ и въ восточной Руси упомянутое явленіе отличалось одинаковымъ характеромъ:

«Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите
И отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приносите,
Честь достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и питія ему приношайте».

Лишь въ томъ случаѣ, когда учитель домогался чрезвычайной

---

[1]) *Итона*, еженедѣл. изд. 1769 г. нед. 42.

[2]) *Сухомлиновъ* въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1864 года, январь.

[3]) «Содержаніе учителей», говоритъ Штейнъ, «доставляли (вездѣ въ Европѣ) крестьяне, но въ формѣ феодальной (натуральныхъ повинностей и десятинъ). Только съ побѣдою гражданскаго общества, и въ селахъ, вмѣсто этихъ натуральныхъ повинностей, введенъ *налогъ* въ пользу школъ, включенный въ общую систему государственныхъ налоговъ; доходы учителя обратились въ постоянное жалованье». (Bildungswesen, 123).

прибавки, обнаруживались всѣ черты зависимости его отъ нанимателей при натуральномъ хозяйствѣ. „Государю такому-то бьетъ челомъ и плачется работничишко твой такой-то.... Пожалуй мнѣ, работничишку твоему, на школьное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе, благоутробне смилуйся!“ И это въ образцовомъ письмовникѣ, который (обыкновенно) помѣщался въ азбуковникахъ.

«Прикажи, государь, намъ отъ класорасненыхъ плодовъ
запасцу дати,
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы говядъ и тинолюбящія свинии
преподати,
Со всѣми же сими желаемъ и птахъ водоплавныхъ,
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ млекъ згущеннаго и отъ семенъ изгнетеннаго масла,
Да въ приходящій праздникъ усладятъ наши брашна»....

Содержаніе народныхъ учителей сдѣлалось крайне недостаточнымъ, и самое обученье совершенно неудовлетворительнымъ и даже уродливымъ (по свидѣтельству Крестинина), когда народное учительство отдѣлилось отъ другихъ общественныхъ должностей, когда оно попало въ руки малограмотныхъ стариковъ и старицъ—частныхъ лицъ. Но этотъ переворотъ (хотя не повсемѣстный и не полный) совершился рядомъ правительственныхъ мѣръ въ XVIII вѣкѣ, направленныхъ противъ профессіонныхъ школъ и позднѣйшихъ, мнимо-народныхъ.

Безъ сомнѣнія, идеальнымъ устройствомъ народной школы останется всегда такое, при которомъ учитель является постояннымъ, осѣдлымъ членомъ общины, связаннымъ съ нею не кратковременнымъ срокомъ и получающимъ отъ нея постоянное обезпеченіе. Мы касаемся вопроса, какими средствами можно достигнуть этой цѣли [1]).

[1]) Всѣ указанныя нами черты элементарнаго образованія и приходскихъ школъ имѣютъ много общаго съ тѣмъ, что происходило въ Германіи со времени реформаціи. И тамъ народное образованіе вѣдаетъ приходъ; оно состоитъ изъ чтенія, письма и пѣнія церковныхъ пѣсенъ; учителями были кистеры. Послѣ 30-лѣтней войны почти въ каждомъ селѣ существовала школа (въ XVI же и первой половинѣ XVII вѣка школы были истреблены въ конецъ цѣлымъ рядомъ смутъ). Мрачныя стороны этой системы были тѣ же самыя, что и у насъ: «Главный доходъ учителя составлялся изъ платы учениковъ по 3 пфеннига (пфенниг=¼ коп.) въ недѣлю на каждаго и изъ подарковъ отъ родителей хлѣбомъ, овощами, колбасами, яйцами, дровами, соломой и т. п.... При этихъ заботахъ о кускѣ насущнаго хлѣба учителю некогда было заботиться о собственномъ образованіи, а потому онъ скоро превращался въ самого тупаго рутинера и училъ дѣтей однимъ механическимъ способомъ» (*Модзалевскій*, стр. 390). Даже въ

Послѣ всего, сказаннаго нами, мы должны были бы перейдти теперь къ вопросу—какимъ образомъ возникла связь между народными школами, существовавшими въ самостоятельныхъ общинахъ, какъ изъ среды ихъ образовались и развивались постепенно среднія и высшія училища, какъ сложилась стройная система народнаго образованія и т. д. Но еще прежде намъ слѣдуетъ упомянуть о школахъ частныхъ, ибо онѣ находятся въ тѣсной связи съ общинными.

IV.

Элементарное образованіе въ частныхъ училищахъ и домашнее обученіе.

Говоривъ до сихъ поръ объ общинахъ, мы предполагали вездѣ общины независимыя. Но въ дѣйствительности, до XVII вѣка уцѣлѣли онѣ только на крайнемъ югѣ (въ малороссійскихъ общинахъ казацкихъ) и на крайнемъ сѣверѣ (въ Двинской и Онежской странахъ). Въ остальныхъ, то-есть, центральныхъ областяхъ Московскаго государства онѣ перешли сначала въ полузависимое, а потомъ въ совершенно несвободное отношеніе къ землевладѣльцамъ.

Необходимо при этомъ замѣтить, что въ то время не было еще помѣщичьихъ *имѣній*, въ которыхъ правоспособное лицо только самъ помѣщикъ или вотчинникъ, а все остальное—его имущество, при чемъ никакой рѣчи объ общинныхъ функціяхъ, объ общинныхъ средствахъ быть не можетъ. Въ XVII вѣкѣ и даже въ первой половинѣ XVIII, мѣстные обыватели еще пользовались нѣкоторымъ самоуправленіемъ; но съ того времени, когда въ общинахъ водворяются частные землевладѣльцы, начинаютъ существенно измѣняться не только частныя, но и общественныя права общинъ. Здѣсь прежде всего могучимъ факторомъ являются имущественныя средства: одно какое-либо лицо,

эпоху отдѣленія учительской должности отъ должности кистера, то-есть, въ XVIII вѣкѣ, учителями были обѣднѣвшіе ремесленники или отставные солдаты: «Еще королевскимъ приказомъ 31-го іюля 1749 года въ Пруссіи поручено было давать мѣста учителей отставнымъ инвалидамъ, знающимъ только читать и писать...» (*Окольскій*, стр. 192, прим. 2). Однако, нынѣшняя система народнаго образованія въ Германіи цѣликомъ опирается на систему, указанную Лютеромъ, то-есть, состоитъ въ тѣсной связи съ системою приходскихъ общинъ и ихъ школъ. Приходскія школы дали реальное содержаніе тѣмъ правительственнымъ мѣрамъ XVIII вѣка, которыя безъ этого готоваго матеріала остались бы столь же безплодными, какъ и наши того же времени.

благодаря своему богатству, становится иногда болѣе сильнымъ, чѣмъ цѣлая община. Уже въ древнѣйшее время замѣчаемъ мы подобное явленіе: нѣкоторые сильные члены общинъ стремились замѣшать должности священниковъ своими рабами, не освобождая ихъ.

Съ переходомъ правъ общины къ землевладѣльцу, переходятъ на него и всѣ тѣ обязанности по народному призрѣнію и образованію, которыя прежде лежали на общинѣ, и отъ которыхъ теперь онъ не въ состояніи отречься ради собственныхъ нуждъ и интересовъ. Въ перечнѣ школъ Малороссіи не разъ упоминается о школахъ приходскихъ во владѣльческихъ имѣніяхъ. Владѣлецъ могъ поддерживать и дѣйствительно поддерживалъ общинныя учрежденія въ ихъ прежнемъ видѣ: онъ оставлялъ школы въ домахъ причетниковъ и даже лично пользовался этими школами, посылая въ нихъ своихъ дѣтей; но съ развитіемъ своихъ частныхъ правъ, съ развитіемъ взгляда на имѣніе, какъ на частное имущество, измѣнялся и характеръ общинныхъ учрежденій. Общинныя школы переходили въ частно-владѣльческія, дворовыя. Учителя нанимаются для нихъ самимъ владѣльцемъ, школы помѣщаются въ его дворѣ, обученіе становится домашнимъ.

На все это ясно указываютъ административные акты XVIII вѣка [1]): „Отъ церкви отошелъ (говоритъ дьячекъ Петровъ) и пребывалъ въ разныхъ господскихъ домахъ, обучая людей ихъ грамотѣ, писать и пѣть изъ подлежащей платы“.... „За недачею помѣщикомъ руги (показывалъ дьяконъ Онисимовъ) вышелъ, питаясь ученіемъ господскихъ и прочихъ дѣтей.... Пошелъ въ книжный рядъ купить для ученія сибирскаго приказа судьи Ѳедора Роддонова дворовыхъ людей“....

Цѣль образованія, при этомъ, должна была существенно измѣниться: грамотные люди прежде всего нужны помѣщику для его собственныхъ потребностей. Онъ желаетъ имѣть грамотныхъ управляющихъ и конторщиковъ, искусныхъ ремесленниковъ и т. д. Къ этому присоединяется и необходимость дать образованіе своимъ дѣтямъ. Узко-утилитарныя цѣли стоятъ тутъ на первомъ планѣ. Очевидно.

---

[1]) См. дѣло 1766 года мая 22-го по прошенію флота капитана Алексѣя Степанова Бестужева о дозволеніи обучать дѣтей словесной грамотѣ заштатному священнику с. Успенскаго Филиппу Иванову; дѣло 1772 года «по прошенію лейб-гвардіи подполковника Алексѣя Степанова Шепелева. Воскресенскій, въ старомъ Преображенскомъ дворцѣ бывшій дьячекъ, Гавріилъ Петровъ отпущенъ для обученія дворовыхъ, его Шепелева, молодыхъ робятъ россійской грамотѣ и нотному пѣнію впредь на три года». (*Ист. Москов. епарх. упр.* Ч. 2. Кн. II, прим. 456, стр. 184).

что школы этого рода, не будучи домашними въ точномъ смыслѣ слова, не могутъ считаться и общественными. Онѣ существуютъ преимущественно для дворовой прислуги. Однако, болѣе благоразумные и состоятельные помѣщики допускаютъ въ нихъ и дѣтей своихъ крестьянъ.

Для такихъ школъ владѣльцу выгоднѣе имѣть не вольно-наемнаго, а крѣпостного слугу въ качествѣ учителя, какъ и случалось большею частію. „Выучилъ я (пишетъ Даниловъ) у Брудастаго азбуку, отецъ мой отвезъ меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ Матренѣ Петровнѣ.... она имѣла при себѣ племянника родного и своему имѣнію наслѣдника; по той причинѣ просила отца моего, дабы меня привезъ къ ней какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію. Въ одно утро гуляли мы съ племянникомъ ея, и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился; племянникъ ея началъ обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ его.... Она приказала всѣхъ насъ троихъ привести и предъ себя на нелицемѣрный судъ, и въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козелъ, и сѣкли его очень долго и немилостиво, причитая: „Не обивай яблокъ съ яблони“. Потомъ и до меня дошла очередь. Племянникъ обробѣлъ.. Однако страхъ его былъ тщетный,— только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ таковой силѣ, что „дурно де, не пригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего“, а послѣ поцѣловавъ его, сказала: „Чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей; не бойся, голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану“.

Однако, нерѣдко владѣльцы принуждены были обращаться и къ вольному найму учителей, какъ это видно изъ приведенныхъ нами актовъ Московскаго епархіальнаго управленія.

Дворовая служба по найму, хотя бы въ качествѣ учителя, склонялась, какъ извѣстно, въ древности, и по требованію закона, и по обычнымъ условіямъ ея, къ несвободному состоянію. Не удивительно поэтому, что мы встрѣчаемся съ возмутительными фактами, въ родѣ слѣдующаго: „Помѣщикъ Сумскаго уѣзда Хрущовъ, въ концѣ прошлаго вѣка, обратился къ архіерею Аггею съ просьбой объ учителѣ, прибавляя, чтобы выслать ему такого, „который бы выучилъ говорить по русски, а не по малороссійски“. Поѣхалъ къ Хрущову на кондицію изъ духовнаго народнаго училища семинаристъ Павловскій.

Пріѣхалъ къ помѣщику — учить его дѣтей. Дѣти выросли, оставили науку; Павловскій такъ сжился съ хозяевами, что сталъ учить его (ихъ?) крестьянскихъ дѣтей. Пока былъ онъ учителемъ въ домѣ Хрущова, опъ съ хозяиномъ и обѣдалъ, а тутъ уже перевели его въ людскую. Прошло еще нѣсколько лѣтъ; сталъ онъ отъ скуки и конторой заниматься, а тутъ его уже прикащикомъ дѣлаютъ. Потяготился онъ, сталъ проситься изъ деревни, „Ты что?“ спрашиваетъ его Хрущовъ, не слушаться? ты вѣдь мой!“ Одѣли Павловскаго по мужицки, заставляютъ уже жениться на крестьянкѣ. „Да почему же я вашъ?“ „А потому, что я тебя“, говоритъ Хрущовъ, „записалъ въ шутку за собою по ревизіи крестьяниномъ своимъ крѣпостнымъ“.... Заплакалъ учитель, сталъ тосковать; гонятъ его уже и на панщину, на работу. Искать, жаловаться? но кому? Попалъ въ ревизію—и кончено. Къ счастію его, явился по сосѣдству за сборомъ іеромонахъ изъ того же училища, гдѣ былъ когда-то и Павловскій. Разговорились. Павловскій умолилъ его навести справки, отыскали въ архивѣ семинаріи ордеръ архіерея объ отсылкѣ Павловскаго въ учителя и вызволили его, съ выговоромъ Хрущову, что де онъ могъ записывать за собою крестьянъ переходящихъ, но не свободныхъ учителей. Этотъ Павловскій, бывшій на своемъ вѣку черезъ учительство въ крестьянахъ, жилъ 80 лѣтъ и умеръ въ 1848 году. По словамъ его, не онъ одинъ попадалъ въ крестьяне въ то время“ [1]).

Изъ отношеній землевладѣльца къ приходской школѣ возникаетъ принципъ, долго державшійся въ обычаяхъ и законодательствѣ новыхъ европейскихъ народовъ, по которому въ бывшихъ частныхъ имѣніяхъ обязанность содержать школу дѣлится между землевладѣльцами и общинами. Принципъ этотъ весьма справедливъ [2]); на основаніи его фабрикантамъ ставится въ обязанность обучать дѣтей рабочихъ, хотя изъ гражданскихъ отношеній нанимателя къ нанимающемуся такая обязанность отнюдь не вытекаетъ.

---

[1]) *Украин. Старина*, соч. *Даниловскаго*, стр. 298—299.

[2]) Съ перваго взгляда онъ можетъ показаться весьма несправедливымъ, потому что богатые землевладѣльцы обыкновенно не пользуются общественными народными школами для своихъ дѣтей. Въ Германіи даже свободомыслящіе писатели относятся къ этой обязанности землевладѣльцевъ неодобрительно (наравнѣ со всѣми остатками феодальнаго строя): «die Reste der ständischen Grundherrlichkeit erhalten lange—*zu lange*—den Grundsatz, das der Grundherr vorzugsweise das Schulhaus zu bauen habe, der gehalt den Lehrer.... von den Ansässigen zusammen zu bringen sei». *Stein*, Bildungsweise, 122—123.

Когда во второй половинѣ XVI вѣка, князь Курбскій съ горестью убѣдился, что ни въ Московской, ни въ Литовской Руси не достаетъ средняго и высшаго образованія для огражденія самыхъ существенныхъ основъ русской національности, то онъ совершенно справедливо приписалъ это „лѣности и нерадѣнію властелей русскихъ“ [1]), то-есть, какъ правительства, такъ и тѣхъ частныхъ лицъ, которыя по силѣ своихъ, почти государственныхъ, правъ и по обширности своихъ владѣній, стояли много выше разрозненныхъ общинъ. Западная Русь, съ ея благопріятными условіями для развитія крупнаго землевладѣнія и феодальныхъ правъ, не могла разчитывать на то, что иноземное и иновѣрное правительство поставитъ себѣ задачею поднять русское элементарное образованіе на болѣе высокую ступень; богатые землевладѣльцы, еще не отрекшіеся отъ интересовъ своей народности, были здѣсь единственнымъ орудіемъ для достиженія этой цѣли. И вотъ дѣйствительно богатые князья—Острожскій и Слуцкій откликнулись на призывъ Курбскаго [2]). Первоначально и князь Острожскій ограничивался поддержкой и распространеніемъ элементарныхъ школъ въ своихъ владѣніяхъ [3]). Но около 1580 года была основана имъ Острожская „академія“ (какъ именуется она въ нѣкоторыхъ Острожскихъ изданіяхъ, и въ чемъ справедливо видятъ намѣреніе князя создать высшее учебное заведеніе). Что во всякомъ случаѣ академія не имѣла уже характера элементарной школы, это видно и изъ другого ея названія: „Школа грецкая (греческая) у Острогу“. О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и установленный для нея курсъ наукъ. „Острожское училище было первою на Руси греко-славянскою школою для преподаванія *вызволеныхъ* или вольныхъ наукъ“, говоритъ М. А. Максимовичъ. Далѣе мы увидимъ, что внѣшнимъ признакомъ возвышающагося образованія всегда служитъ преподаваніе иностранныхъ языковъ; въ Острожскомъ же училищѣ съ самаго основанія его преподавался языкъ греческій. Учителемъ и ректоромъ его былъ весьма образованный человѣкъ, посѣщавшій европейскіе университеты, экзархъ

[1]) Опис. Рук. Рум. Музея, стр. 212.

[2]) «Князья Острожскій и Слуцкій имѣютъ свои типографіи и училища, въ коихъ сей расколъ (православная вѣра) питается», писалъ Антонъ Поссевинъ. См. Письма о князьяхъ Острожскихъ, *М. Максимовича*. Кіевъ. 1866, стр. 28.

[3]) «Еще въ 1572 году онъ отдалъ принадлежавшую ему въ Туровѣ землю Димитрію Мишурничу съ условіемъ «школы тамъ держати» (Опис. Рук. Рум. Музея, стр. 127), см. статью Князь Константинъ Василій Острожскій», въ *Прав. Собес.* 1859, I.

Александрійскій Кириллъ Лукарь. Наконецъ, по нѣкоторымъ основательнымъ догадкамъ, въ этомъ училищѣ преподавались и языки польскій и латинскій [1]). „Въ школу Острожскую стекалось во множествѣ юношество не только изъ низшихъ классовъ народа, но и изъ высшихъ“ [2]).

V.

Корпорація (братства); переходъ элементарнаго образованія въ среднее; братскія училища.

Приходскія общины могли сообщать только элементарное образованіе, что онѣ и дѣлали по мѣрѣ своихъ силъ. Дальнѣйшее его движеніе становилось при этомъ сомнительнымъ. Прошло много вѣковъ, а образованіе ни въ Московскомъ государствѣ, ни въ Литовско-Русскомъ не шло далѣе элементарнаго. Учебныя заведенія, открываемыя богатыми землевладѣльцами въ южной Руси, сообщали весьма мало высшихъ знаній.

Государства западной Европы обязаны своими успѣхами на этомъ пути сословной своей организаціи; тамъ высшее сословіе основываетъ университеты, среднее—Bürgerschule. Съ одной стороны, сословія несравненно богаче приходскихъ общинъ; съ другой—среднее и высшее образованіе необходимо для самаго существованія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Слѣдовало бы ожидать, что и у насъ обнаружится то же самое явленіе.

Но сословная организація была совершенно чужда Русскому народу. Въ Московскомъ государствѣ сословія организуются вполнѣ только въ XVIII вѣкѣ, именно подъ вліяніемъ законовъ о народномъ образованіи. Въ государствѣ Литовско-Русскомъ сословный складъ общества сдѣлалъ значительные успѣхи, особенно со времени окончательнаго соединенія этой страны съ Польшей; однако, и здѣсь онъ былъ такъ противенъ духу народа, что тотчасъ послѣ Люблинской уніи является сильнѣйшій протестъ противъ него въ казацкихъ возстаніяхъ, которыя опять возвращаютъ общество почти къ первобытному равенству. Итакъ, съ этой стороны, пока нечего было ожидать для успѣховъ образованія. Хотя, какъ уже было нами замѣчено, въ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

государствахъ, чуждыхъ сословной организаціи, сословія замѣняются земствами, но ни эти послѣднія, ни правительство не брались, по разнымъ причинамъ, за указанную задачу въ продолженіе шести вѣковъ со времени принятія христіанства.

Неужели же Русскому народу предстояло навсегда остаться при низшемъ образованіи? Нѣтъ, эта опасность, дѣйствительно существовавшая, была устранена, и, какъ мы полагаемъ, устранена не поворотомъ къ сословно-профессіональному образованію при Петрѣ I, а ранѣе Петра — дѣятельностью корпорацій, заботившихся о распространеніи средняго общаго образованія.

Корпораціи эти были основаны на свободномъ взаимномъ соглашеніи. Для новой задачи требовался и новый органъ; не вливаютъ вино новое въ мѣхи ветхіе. Только они и въ состояніи были взяться за столь трудное дѣло. Для этого, кромѣ мѣстныхъ, указанныхъ нами, причинъ были еще и другія; и въ сословныхъ странахъ всѣ вновь возникающія государственныя задачи сначала рѣшаются обыкновенно корпораціями, ибо новыя потребности, новыя идеи признаются и усвоиваются сначала лишь меньшинствомъ, которое не можетъ осуществить ихъ иначе, какъ создавъ изъ себя особое общество. Когда подобныя общества достигаютъ своихъ цѣлей, то или прекращается отдѣльное существованіе ихъ, или они входятъ въ число нормальныхъ и постоянныхъ органовъ государства. И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ остаются въ государственномъ организмѣ весьма замѣтные слѣды обновленія: силой обновляющею является именно свободная воля людей, выражаемая въ корпораціяхъ.

Такія корпораціи у насъ назывались братствами (согласно съ духомъ русскаго государственнаго права). По объему своей дѣятельности онѣ весьма разнообразны. Первоначальная форма ихъ — это приходскія братства, братства общегородскія, наконецъ земскія. Вмѣстѣ съ расширеніемъ ихъ дѣятельности, расширяются и ихъ задачи; такъ, между прочимъ, и образованіе переходитъ изъ низшихъ формъ въ среднія и высшія.

Изъ нѣкоторыхъ уже приведенныхъ нами фактовъ оказывается, что *въ каждомъ приходѣ*, для завѣдыванія собственно призрѣніемъ, существовало братство; но задачи его еще не отличались отъ обычныхъ задачъ приходской общины. Братство дѣлается органомъ общины, представителемъ одной ея функціи [1]).

[1]) Вотъ факты, не оставляющіе въ томъ сомнѣнія: «року 1675 предо мною,

Братства въ этомъ смыслѣ едва ли составляютъ особенность юго-западной Руси. Существуетъ поразительное сходство между ними и другими братчинами, сколько можемъ судить по различнымъ сѣверно-русскимъ жалованнымъ и уставнымъ грамотамъ [1]). Совершенно не

сотникомъ Погарскимъ, ставши очевисто Констатинъ Ивановичъ мещанинъ и обыватель Погарскій» продалъ домъ съ мѣстомъ въ Погарѣ «объ межу шпиталя старецкаго Николскаго паномъ ктиторомъ Николскимъ и иншимъ братщикомъ, въ реэстрѣ братерскомъ церковномъ записоннымъ за суму копъ 100, на домъ брацкій Николскій, и розныя потребы церковныя». По дѣлу 1758 г. о лавкахъ погарскаго собора приносили «словесное прошеніе урядовіе церквей Пр. Троицы и св. Николая и Аѳонасія старшіе брати... То три церкви имѣютъ свои собственные дворы» Року 1677 мар. 16, я Ярошъ Корнѣевичъ, Якимъ Лавка, Василь Березный, 3 попомъ *уся братія* села Обложковъ отмѣнили (вымянили) сію книгу...» (написано на мѣстномъ Евангеліи). «Такимъ образомъ (заключаетъ авторъ, сообщившій эти свѣдѣнія), а) изъ лучшихъ лицъ въ приходѣ обыкновенно составлялся кружокъ, называвшійся братствомъ, или братерствомъ; б) члены братства вписывались въ книгу или реэстръ; в) между ними были старшіе и младшіе; г) къ праздникамъ храмовому и нѣкоторымъ другимъ варили медъ, и угощаемые этимъ медомъ вносили въ кружку кто что̀ можетъ; д) братства имѣли то дома, то лавки то земли, и доходъ съ арендныхъ земель поступалъ въ кружку; е) братская скрыня хранилась всегда въ церкви, а ключъ отъ нея у одного избраннаго братчика; ж) братства заботились о строеніи и украшеніи храмовъ и за то пользовались нѣкоторыми отличіями въ храмѣ; ихъ же дѣломъ было устраивать и содержать школы и богадѣльни; з) кромѣ, того они были лучшими помощниками священнику при исправленіи различныхъ безпорядковъ въ приходѣ: на безобразниковъ они налагали штрафы; и) кромѣ мужскихъ общинъ, были женскія, члены коихъ назывались *сестричками*, *мироносицами*, *бабками*, *пчилочками*; онѣ отправлялись по селу и хуторамъ и собирали, какъ пчелки, кто что̀ пожертвуетъ» (*Черн. Епарх. Изв.* 1862, 1-го сентября). Эти свѣдѣнія относятся къ Черниговскому краю. О слободской Украинѣ, см. пр. *Филарета*: «Ист. Ст. Опис. Харьк. Епарх.» Отд. II, стр. 44—46. Между прочимъ, «при Архангельской церкви (г. Харькова) прихожане имѣютъ братскій церковный дворъ; дворъ этотъ занимается частью членами причта, частью жь отдается въ наемъ; здѣсь продавался обыкновенно въ храмовой праздникъ медъ и деньги должны поступать въ пользу храма... Между прихожанами Троицкой церкви было духовное братство и отличіемъ его (?) служило то, что на его содержаніи существовала богатая и обширная школа».

[1]) Общія черты тѣхъ и другихъ могутъ быть опредѣлены по грамотѣ короля Сигизмунда III 1608 г., данной Виленскому братству и постановляющей порядокъ братскихъ праздничныхъ собраній (пиршествъ). Между прочимъ: «Еслибъ кто въ дому братскомъ учинилъ ссору или зваду», обиженный... долженъ тотчасъ же обратиться съ жалобой къ старостамъ, которые, сошедшись на другой день въ дому братскомъ, «вся братія того братства судебнымъ порядкомъ рѣшаютъ то дѣло между собою и виновного маютъ виною братскою карати». По-

изслѣдованный вопросъ о великорусскихъ братчинахъ важенъ съ точки зрѣнія исторіи корпорацій въ древней Руси. Простое, случайно сошедшееся для пира общество едва ли могло бы такъ много занимать тогдашнее законодательство; правительство едва ли рѣшилось бы поручить ему судебную власть наравнѣ съ органами государственнаго суда. Не слѣдуетъ ли предположить, что братчина, занимавшаяся пиршествами въ храмовые праздники своего погоста, есть тотъ же погостъ, лишь измѣнившій свою форму?

Возникновеніе братствъ отнюдь не связано съ усиленіемъ католической пропаганды въ югозападной Руси конца XVI и начала XVII вѣка. „Начала Ставропигіинаго, сперва Успенскимъ названнаго, братства относятъ, по преданіямъ, къ началу основанія гор. Львова и Львовской Успенской церкви (около 1250 г.), при которой и братство тое, ведля старинаго Руси звычая, для цѣлей богоугодныхъ составилася. Найдавнійшимъ однакожъ писменнымъ свидѣтельствомъ о существованіи братства сего есть грамота короля Польскаго Казиміра IV зъ г. 1139. Больше же значенія и вліянія стало братство тое набирати ажъ зъ другой половины XVI столѣтія, то-есть, зъ той поры, якъ въ составъ его начали вступати самыи знаменитыи миряне греческаго вѣроисповѣданія“ [1]).

Дальнѣйшее движеніе корпорацій, и вмѣстѣ, связь братства съ общинами вполнѣ несомнѣнно проявляется въ братствахъ цеховыхъ.

сторонніе, участвующіе въ пирѣ, подчиняются суду братства (*Собр. Вил. Грам.* ч. II). Съ удовольствіемъ встрѣчаемъ мы подтвержденіе того же самого въ слѣдующихъ словахъ И. Д. Бѣляева: «первоначальная исторія церковныхъ братствъ скрывается въ глубокой древности (въ братчинахъ). . Церковныя братчины имѣли въ виду только заботы о благолѣпіи своей приходской церкви и объ устройствѣ общественныхъ пировъ на храмовой праздникъ....; но и въ этомъ зародышѣ церковныхъ братствъ уже заключалось весьма сильное жизненное начало — единенія церкви и прихода... Самая организація древнихъ братчинъ, общая и въ Полотскѣ и въ Новгородѣ Великомъ, и во Псковѣ и на всемъ сѣверовостокѣ Руси, съ ихъ выборными властями и братчиннымъ самостоятельнымъ судомъ, и признаніе и общественнаго значенія и правъ со стороны князя, послужили для позднѣйшихъ братствъ важнымъ и существеннымъ пособіемъ для собственной организаціи. При древнихъ братчинахъ позднѣйшія церковныя братства являлись не новымъ учрежденіемъ, а только продолженіемъ прежняго вѣковаго учрежденія, хотя и съ измѣненнымъ характеромъ». Разв. изъ Русск. Ист. Кн. 4-я. М. 1872 г., стр. 234—235.

[1]) «Начало и дѣйствованіе Львов. Ставроп. братства». *Головацкаго.* Львовъ, 1860.

Городской цехъ какъ въ Германіи, такъ и въ Польшѣ, есть прежде всего корпорація, существующая съ дозволенія правительства и преслѣдующая промышленныя цѣли. Но корпорація эта стремится получить территоріальное значеніе, осѣсться вокругъ братскаго храма, ею созданнаго, словомъ составить территоріальную общину; затѣмъ она начинаетъ преслѣдовать цѣли не промышленныя только, но и религіозныя, принимаетъ на себя заботу о бѣдныхъ и т. д., — она получаетъ характеръ публичный, выходитъ за предѣлы частнаго права въ область государственнаго, становится органомъ государственнаго управленія, вѣтвію государственнаго устройства. Этотъ публичный характеръ частныхъ корпорацій, который, конечно, можетъ быть наблюдаемъ и теперь, особенно рельефно проявляется въ средневѣковой исторіи.

Изъ приходскихъ и цеховыхъ корпорацій въ западно-русскихъ городахъ скоро выдѣляется особый ихъ родъ—корпораціи, не связанныя ни съ какою приходскою общиною; кругъ ихъ дѣйствія простирается на цѣлый городъ, онѣ превращаются въ *общегородскія братства*. Такія братства не сливаются уже со старыми государственными органами, не пріурочиваются къ нимъ; начало свободы, лежащее въ корпораціяхъ, проявляется въ нихъ уже болѣе осязательно. Это сообщило имъ характеръ такихъ широкихъ государственныхъ учрежденій, которыя именно были въ состояніи вывести образованіе изъ его элементарной замкнутости и поставить его на другую, высшую степень. При этомъ очень важно опредѣлить отношеніе общегородскаго братства къ городу, какъ общинѣ. Почему цѣлый городъ не могъ принять на себя заботы о среднемъ образованіи, подобно городамъ западно-европейскимъ? Ни старые русскіе города Московскаго государства, ни городскія общины, основанныя на Магдебургскомъ правѣ, не въ состояніи были взяться за эту задачу. Что касается до городовъ старыхъ, то самые главные изъ нихъ давно ужъ утратили характеръ цѣльныхъ общинъ. Большой русскій городъ (какъ, напримѣръ, Москва) ни въ какомъ государственномъ отправленіи не составлялъ ужь одного цѣлаго (ни въ представительствѣ на земскихъ соборахъ, ни въ завѣдываніи полиціею безопасности). Меньшіе города и посады ничѣмъ не отличаются, въ этомъ отношеніи, отъ сельскихъ общинъ. Такимъ образомъ и тамъ, и здѣсь образованіе и призрѣніе оставались, по прежнему, на попеченіи приходскихъ общинъ.

По видимому, совершенно другое должно было происходить въ городахъ Магдебургскаго права, которые представляютъ стройное юри-

дическое цѣлое. По отношенія общегородскихъ братствъ къ городскому Магдебургскому управленію въ Литовско-Русскомъ государствѣ показываютъ, что, по крайней мѣрѣ въ началѣ, между тѣми и другими существовалъ полный антагонизмъ. „Безъ всякаго преувеличенія должно сказать, что братскія права и привиллегіи соблюдались столько, сколько это угодно было городскимъ властямъ—бурмистру, радцамъ, старостѣ и магистрату... Имъ (братствамъ) нерѣдко препятствовали избирать и принимать священниковъ къ своимъ церквамъ; весьма часто ожесточались даже противъ ихъ школъ; постоянно оспаривали у братствъ право исключительнаго печатанія книгъ церковно-славянскихъ“... [1]). Печальныя подтвержденія всего этого можно найдти въ лѣтописи Зубрицкаго [2]). Все это показываетъ, что интересы народнаго образованія были далеки еще отъ сознанія большинства въ городскомъ населеніи. Отсюда очевидна высокая важность дѣятельности общегородскихъ братствъ.

Отношеніе общегородскихъ братствъ къ приходскимъ и цеховымъ было отношеніемъ высшей администраціи къ низшей. Братства предмѣстій города Львова должны, по грамотѣ Могилы, „оказывать ставропигіи (успенскому братству) подчиненность и уваженіе“ [3]). Выражалось это, напримѣръ, въ томъ, что общегородскія братства налагали, въ особенно важныхъ случаяхъ, особые поборы на приходскія братства [4]). Правда, эти административныя отношенія проявлялись въ формахъ, по видимому, не юридическихъ: въ формахъ совѣта, наставленія и приглашенія со стороны высшихъ и уваженія, нравственнаго подчиненія со стороны низшихъ. Но извѣстно, что строгія юридическія нормы всегда зарождаются первоначально въ такихъ формахъ, что нравственная сфера, предупреждая юридическую, впослѣдствіи переходитъ въ нее; а такъ какъ корпораціи суть только еще зарождающіяся государственныя формы, то имъ и не могли быть присущи иныя начала администраціи. Впрочемъ, такъ какъ болѣе сильныя изъ городскихъ корпорацій поспѣшили укрѣпить себя юридически, посредствомъ королевскихъ и патріаршихъ грамотъ, то и отношенія ихъ къ приходскимъ братствамъ вскорѣ сдѣлались строго формальными. Онѣ обладали привиллегіями, сообщавшими имъ

---

[1]) *О. Флеровъ*, О прав. церковн. братствахъ, стр. 50 и 51.

[2]) *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1849, апрѣль, май, іюнь.

[3]) Лѣтоп. *Зубрицкаго* въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1849, іюнь.

[4]) См. *Журн. Мин. Народн. Просв.*, май 1849 года.

нѣкоторыя исключительныя права; только чрезъ это мѣстныя братства переставали быть мѣстными, возвышались надъ узкими интересами общины. Въ частности, по вопросу объ образованіи, между общегородскими братствами и приходскими возникло соперничество и борьба; первыя стремятся укрѣпить за собою, въ своихъ уставахъ, право на исключительное завѣдываніе образованіемъ въ цѣломъ городѣ. Въ 1590 году нѣкоторые мѣщане, члены братствъ церквей, находившихся въ предмѣстіяхъ города Львова, а именно Благовѣщенской, Богоявленской, Оедоровской и Николаевской, распространяли о братской Львовской школѣ (то-есть, привиллегированной) весьма невыгодные слухи, „запрещали многимъ людямъ приходить въ нее, граматическаго, діалектическаго и риторическаго и церковнаго согласія научатися [1])“. За это они были отлучены митрополитомъ Рагозой отъ церкви. Думаютъ, что это были враги просвѣщенія, да еще подученные Гедеономъ Балабаномъ, личнымъ врагомъ привиллегированнаго братства (которое контролировало дѣйствія самого епископа). Но эти невѣжественные клеветники сами принадлежали къ братствамъ, цѣлію коихъ было. главнымъ образомъ, оказывать поддержку школамъ. Причина ихъ нерасположенія къ братской привиллегированной школѣ была, вѣроятно, другая, а именно, объяснять ее слѣдуетъ тѣми привиллегіями, какими главное братство было снабжено и отъ вселенскихъ патріарховъ, и отъ Кіевскихъ митрополитовъ. Вотъ 2-й пунктъ грамоты Іереміи, вселенскаго патріарха: „Не быть другому общественному („общему“) училищу въ городѣ Львовѣ, кромѣ одного училища братскаго — Успенія Пречистой Богородицы, и только въ немъ учить дѣтей благочестивыхъ и православныхъ христіанъ божественному и священному писанію, также славянскому и греческому языку, если со временемъ найдутся учители. Если же кто будетъ имѣть частнаго учителя для своихъ дѣтей, то такому учителю можно заниматься только этими дѣтьми, а не другими. Также и каждый священникъ можетъ учить одного или двухъ дѣтей для прислуги („послуги“ — прислуживанія при богослуженіи), но не болѣе; и это послужило бы *къ уничиженію и вреду общественной школѣ*“ [2]). Изъ дѣла, возбужденнаго братствомъ Успенія противъ Гедеона Балабана на Брестскомъ соборѣ, видно, что школы продолжали существовать, какъ и прежде, при каждой церкви, но

[1]) Акты Зап. Россіи. IV, № 24.

[2]) Пам. Кіевск. комм. т. III, отд. I, стр. 39.

школы съ низшимъ образованіемъ, и что причиною борьбы привилегированнаго братства съ прочими была конкуренція этихъ школъ съ школою центральнаго братства. „*Соборную* братскую школу въ городѣ Львовѣ при храмѣ Успенія Богородицы для ученія греческимъ и славянскимъ наукамъ, получившую патріаршее благословеніе, — одну эту школу мы благословляемъ, соборно одобряемъ и утверждаемъ, запрещая быть школамъ при другихъ церквахъ, какъ въ предмѣстіяхъ, такъ и въ самомъ городѣ, и отвергая оныя подъ клятвою, обширнѣе поясненною въ правилѣ патріаршемъ“ [1]). Это, по видимому, странное распоряженіе объ уничтоженіи приходскихъ школъ ставитъ въ нѣкоторое затрудненіе историка Кіевской братской школы, и онъ дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: „Можетъ быть, тутъ была и другая причина, ибо въ ту пору уже зародилась въ этомъ лженастырѣ (Рагозѣ) мысль объ отступничествѣ, и слѣдовательно, распространеніе училищъ православныхъ не могло не быть противно его цѣлямъ.“ [2]). Но патріархъ Іеремія, конечно, не былъ еретикъ; далѣе мы увидимъ, что точно также дѣйствовали и архипастыри несомнѣнно православные, и свѣтское русское правительство, которыхъ нельзя обвинять въ преступныхъ цѣляхъ. Конкуренція между корпораціями за право народнаго образованія вовсе не была такъ гибельна, какъ можно было бы думать, ибо отъ воли частныхъ лицъ зависѣло вступать въ то или другое братство, или въ нѣсколько братствъ одновременно. Мы уже видѣли, что братскія школы не только не подавили приходскихъ элементарныхъ, но содѣйствовали ихъ оживленію. . . . . .

Таково было значеніе общегородскихъ братствъ и ихъ отношеніе къ приходскимъ общинамъ и низшимъ корпораціямъ. Но развитіе корпорацій не остановилось на братствахъ общегородскихъ; эти послѣднія переходятъ въ *земскія*, что̀ совершалось слѣдующимъ образомъ. Сословное государственное устройство Литвы и Польши признавало городскою общиною только мѣщанскій городъ (поэтому, между прочимъ, и цеховое устройство было сословнымъ мѣщанскимъ). Между тѣмъ, братства явились учрежденіями сословными даже тогда, когда эти корпораціи были лишь городскими; въ члены братствъ могли поступать лица всякаго состоянія, живущія въ городѣ, а это тотчасъ повело къ расширенію ихъ дѣятельности далѣе предѣловъ извѣст-

---

[1]) Ibid. стр. 60—61.

[2]) Кіевъ съ его древнѣйш. уч. Акад. I, стр. 37.

наго города. Уже въ старѣйшей привиллегіи Львовскому братству читаемъ: „Если кто хочетъ поступить въ сіе братство, мѣщанинъ или шляхтичъ, или живущій въ предмѣстьи, или вообще изъ какого бы званія кто ни былъ, какъ туземецъ, такъ и сторонній, то долженъ дать при вступленіи 6 грошей“ [1]). Это былъ протестъ противъ нерусскаго государственнаго строя, вводимаго въ государство Литовско-Русское.

„Кіевское братство становится почти безчисленнымъ. Мы видимъ вписавшимся въ него самаго гетмана войска запорожскаго (Петра Жицкаго) со всѣми есаулами и полковниками и со всѣмъ войскомъ, все шляхетство воеводства Кіевскаго и другихъ, и наконецъ митрополита съ архимандритами, игуменами и всѣмъ духовнымъ чиномъ“ [2]). При другихъ условіяхъ историческаго развитія государства Литовско-Русскаго, эти корпораціи могли бы превратиться въ земства, сдѣлаться органическою частью государства. Съ распространеніемъ круга лицъ, входящихъ въ нихъ, и съ расширеніемъ ихъ цѣлей до такой всеобщности, какая свойственна государству и его органамъ, совпаденіе братствъ и земствъ сдѣлалось бы весьма возможнымъ. И дѣйствительно, въ Малороссіи государствомъ сдѣлалась корпорація, именно военная (козацкое „лыцарство“), а не мирныя религіозно-политическія братства (благодаря враждебнымъ отношеніямъ къ навязанному польскому государственному строю). Однако, и братства не были лишены не только административнаго, но и политическаго значенія, каждое въ своей, далеко не одинаковой, сферѣ. Одни изъ нихъ, какъ Кіевское, Виленское и Львовское, распространяютъ свою дѣятельность на цѣлыя области: Малороссію, Бѣлоруссію и Галицію, другія—лишь на собственное воеводство или землю, наконецъ, нѣкоторыя — на одинъ городъ и его ближайшій округъ. Административное значеніе братствъ въ той обширной сферѣ, которая тогда называлась церковною, не подлежитъ никакому сомнѣнію и потому не требуетъ особаго разсмотрѣнія. Политическое

---

[1]) Грамота Іоакима, патріарха Антіохійскаго, 1586 (Пам., изд. Кіевск. комм., I, отд. I, стр. 7, п. 3). О. Флеровъ говоритъ: «Происхожденію братствъ изъ ремесленныхъ цеховъ ни мало не противорѣчитъ то, что къ братствамъ принадлежали многіе, потому что старѣйшія братства Львовское и Виленское сначала, при первомъ своемъ появленіи, состояли изъ однихъ простолюдиновъ .... а дворяне стали вписываться въ нихъ уже *впослѣдствіи*». Стр. 18, пр. 44.

[2]) *Пр. Макарія:* Ист. Кіевск. Акад.

значеніе ихъ было признано самимъ польскимъ правительствомъ [1]). Братства отнюдь не могутъ быть названы церковными учрежденіями; они имѣютъ двойственный характеръ—учрежденій церковно-государственныхъ; важнѣйшія изъ нихъ всегда получали привиллегіи и отъ патріарховъ, и отъ королей. Постоянная привычка подводить новыя явленія государственнаго права подъ формы прежнихъ сообщила имъ лишь кажущееся значеніе церковныхъ учрежденій; братства продолжали группироваться около церкви или монастыря — юридическихъ лицъ, давно извѣстныхъ государству, которое и разсматриваетъ ихъ какъ монастырь или какъ церковь. Во всякомъ случаѣ братства представляли такой видъ государственныхъ учрежденій, который не повторился ни въ какой другой странѣ, ни въ какое другое время; единственное, сходное съ ними явленіе, это — рыцарскіе и монашескіе ордена. Извѣстно, что и въ западной Европѣ задачи, не исполняемыя правительствомъ, преслѣдовались корпораціями. Между прочимъ, именно для цѣлей народнаго образованія возникла тамъ такая могущественная корпорація, какъ іезуитскій орденъ. Но русскія братства отличаются столько же отъ этихъ духовныхъ орденовъ, сколько русское государственное право отличается отъ германскаго, православная церковь—отъ католической. Въ обоихъ случаяхъ эту разницу провело, главнымъ образомъ, рѣзкое отдѣленіе интересовъ западной церкви отъ интересовъ государствъ. Русское братство не есть церковный орденъ ни по своему составу, ни по своимъ задачамъ.

Народное образованіе, какъ задача братствъ, разнится отъ образованія приходскаго прежде всего болѣе широкимъ своимъ объемомъ. Это—явленіе естественное, объясняемое большею матеріальною независимостью и болѣе широкимъ кругозоромъ братствъ. Приписывать его исключительно религіозной борьбѣ съ католичествомъ и уніей, было бы слишкомъ односторонне. Отрицательное вліяніе религіозной борьбы на успѣхи образованія въ Западной Руси несомнѣнно, но вліяніе такого рода никогда не бываетъ творческимъ. Протестъ былъ лишь внѣшнимъ толчкомъ къ проявленію внутреннихъ силъ, достаточныхъ для удовлетворенія собственныхъ, вполнѣ сознанныхъ, потребностей. Какъ всесословная организація братствъ коренилась въ сознаніи русскаго общества и въ остаткахъ стариннаго государствен-

[1]) «Польскіе короли считали братства какъ бы представителями всего народа въ Югозападной Руси и потому приглашали ихъ на сеймы, по дѣламъ всего русскаго народонаселенія». *Флоровъ:* О прав. церк. брат., стр. 50.

наго устройства, такъ и для расширенія элементарнаго образованія готовы были собственныя силы и средства, на которыя мы укажемъ ниже. Въ этомъ только смыслѣ нужно понимать слова, сказанныя депутатомъ Древинскимъ на Варшавскомъ сеймѣ 1620 года: „Еслибъ отъ насъ исшедшіе на насъ не возстали, то *таковыя* науки, *таковыя* училища, толико достойные и ученые люди въ народѣ россійскомъ никогда бы не открылись“ [1]).

Какія жь это „таковыя“ науки? Если община переходитъ въ корпорацію рядомъ неуловимыхъ посредствующихъ звѣньевъ, то и элементарное образованіе возвышается до средняго съ незамѣтною постепенностью Никакихъ рѣзкихъ признаковъ, составляющихъ пограничныя межи, здѣсь указать нельзя.

Болѣе широкіе размѣры образованія въ братскихъ среднихъ школахъ отнюдь не ставятъ его въ противорѣчіе съ образованіемъ элементарнымъ. Весьма важенъ при этомъ вопросъ, возникаетъ ли среднее образованіе естественно изъ прежнихъ началъ образованія элементарнаго? *Связь братскихъ школъ съ приходскими* не подлежитъ никакому сомнѣнію; учебный ихъ курсъ различался, смотря по положенію братства, но въ каждой школѣ лежало въ основѣ его, начальное обученіе – азбука, часословъ и псалтырь. „Должны учиться по частямъ псалтыри или граматикѣ съ разборами и инымъ многимъ полезнымъ наукамъ, какъ усмотритъ на то время учитель сообразно съ потребностію“ [2]). Судя по одному мѣсту Луцкаго устава, все образованіе въ школѣ, по видимому, ограничивается чтеніемъ и усвоеніемъ прочитаннаго: „Дѣти въ школѣ должны быть раздѣлены на трое: одни, которые будутъ учиться распознавать буквы и складывать; другіе, которые будутъ учиться читать и выучивать наизусть разные уроки; третьи будутъ пріучаться объяснять читанное, разсуждать и понимать“ [3]). Но въ другомъ мѣстѣ того жь устава учебный курсъ опредѣленъ совершенно иначе: „Школы словенской ученіе начинается такъ: сперва научатся складывать буквы, потомъ обучаются граматикѣ, чтенію, пѣнію. Также пріучаютъ ежедневно, чтобы дѣти одинъ другаго спрашивали по гречески, а отвѣчали бы по словенски, а также чтобы спрашивали по словенски, а отвѣчали на греческомъ языкѣ. Но вообще они не должны между собою разговаривать на (*одномъ*) про-

[1]) См. Ист. объ уніи *Бантытъ-Каменскаго*, 1805, стр. 62.

[2]) Второй уставъ Луцкой школы.

[3]) Тамъ же.

стомъ языкѣ, но на словенскомъ и греческомъ. И такимъ образомъ *нынѣ тому учатся* (то-есть, во время составленія устава), приступая къ высшимъ наукамъ — къ діалектикѣ и реторикѣ, которыя переведены по словенски. На русскомъ языкѣ написаны діалектика и реторика и другія философскія сочиненія, принадлежащія къ школѣ“ [1]). Эта статья, очевидно, прибавлена къ уставу уже позднѣе (самый уставъ составленъ еще въ то время, когда Луцкая школа была элементарною). Приписка, содержащая въ себѣ и отчетъ о тогдашнемъ состояніи школы, указываетъ, что школа эта возвысилась до средняго учебнаго заведенія, а въ будущемъ можетъ даже получить значеніе высшаго училища. Такимъ образомъ, предъ читателемъ раскрывается постепенный ростъ заведенія изъ низшаго въ среднее, а изъ средняго въ высшее.

Такой естественный переходъ служитъ, по нашему мнѣнію, новою характерною чертой училищъ, основанныхъ корпораціями. Тѣсная связь низшихъ школъ съ средними (а этихъ съ высшими) не можетъ быть достигнута вполнѣ при широкомъ развитіи и развѣтвленіи общественнаго образованія. Но она всегда останется желательною и выполнимою до извѣстной степени.

Изъ предыдущихъ замѣчаній видно, что не только среднее и высшее образованіе естественно развивалось изъ элементарнаго, но что братскія училища суть тѣ же самыя приходскія школы въ ихъ дальнѣйшемъ преуспѣяніи. Дѣйствительно, братства не изобрѣтали новой учебной системы; вся дѣятельность ихъ состояла въ усовершенствованіи школъ приходскихъ. „Въ г. Луцкѣ устроилась греческая и русская школа *по стародавнимъ обычаямъ* и правиламъ св. отцовъ исповѣданія греческаго“ [2]). Кіевское братское училище было ничѣмъ инымъ, какъ приходскою Богоявленскою школою; братство „рѣшилось всѣми мѣрами содѣйствовать успѣхамъ и процвѣтанію лучшей изъ Кіевскихъ приходскихъ школъ, находившейся при Богоявленской церкви“. Оно „на обратномъ пути патріарха Іереміи II изъ Москвы въ Константинополь, испросило у него благословеніе преобразовать свою школу въ высшее православное училище“ [3]).

Такимъ путемъ возникаетъ среднее образованіе изъ національной

---

[1]) Второй уставъ Луцкой школы, стр. 115.

[2]) Первый уставъ Луцкой школы, стр 89.

[3]) *Пр. Макарія:* «Ист. Кіевск. Акад.» и Митр. *Евгенія:* «Описан. Кіево-Соф. Собора». Прибавл. стр. 209.

системы приходскаго, а не заимствуется въ готовомъ видѣ извнѣ. Но само собою очевидно, что образованіе, выходя изъ элементарной формы, перестаетъ быть узко-національнымъ, и получаетъ *общечеловѣческія основы*. Внѣшнимъ выраженіемъ этого, а вмѣстѣ и отличіемъ среднихъ школъ отъ низшихъ, служитъ *изученіе иностранныхъ языковъ* въ среднихъ училищахъ. Хотя Сигизмундъ III въ 1592 г. (октября 15-го) выдалъ привиллегію братской Львовской школѣ „pro tractandis liberis artibus“ (кругъ этихъ свободныхъ наукъ всѣмъ извѣстенъ), но изученіе языковъ составляло ближайшую ея цѣль, какъ указано еще въ грамотѣ патріарха Іереміи 1590 года (при чемъ было упомянуто о необходимости изученія греческаго и славянскаго языковъ, если это окажется возможнымъ, то-есть, „если со временемъ найдутся для этого благочестивые и добродѣтельные учители“). Иванъ Борецкій (въ послѣдствіи знаменитый архипастырь Іовъ), до поступленія своего въ священники Кіево-Воскресенской церкви, будучи ректоромъ Львовской школы, училъ тамъ по-гречески и по-латыни. Виленское братство въ 1617 году пишетъ Львовскому, что оно (Виленское) раздѣлило школу на 5 классовъ: въ первыхъ трехъ преподается латинскій языкъ, въ 4-мъ русскій, въ 5-мъ—славянскій. Этими наименованіями классовъ, конечно, не указывается на то, что въ школахъ преподавались только языки; оно означаетъ—въ какомъ классѣ на какомъ языкѣ преподавались науки [1]).

Изъ приведенныхъ нами свѣдѣній о старинномъ учебномъ курсѣ въ братскихъ школахъ оказывается, съ одной стороны, что внѣшнею отличительною чертой его служитъ преподаваніе иностранныхъ языковъ, именно классическихъ (что и составляетъ, какъ мы сказали, отличительный признакъ средняго образованія); съ другой, что братства держались слѣдующаго принципа: для пріобрѣтенія *научныхъ* знаній классическіе языки служатъ столь же необходимымъ средствомъ, какъ для пріобрѣтенія элементарныхъ знаній—грамотность; развитіе научныхъ знаній въ народѣ невозможно безъ общенія съ умственною жизнію другихъ народовъ, болѣе двинувшихся въ про-

[1]) Въ грамотахъ королевскихъ и патріаршихъ братское ставропигійное Львовское училище обыкновенно называется школою наукъ греческаго, славянскаго, русскаго, латинскаго и польскаго письма, изъ чего можно заключить, будто бы тамъ, кромѣ этихъ предметовъ, ничего болѣе не преподавали. «Тое названіе давлемо было училищу, безъ сомнѣнія, только для того, що въ тѣхъ языкахъ въ братской школѣ читалися всѣ науки». *Головацкій:* «Начало и дѣйствованія Львовскаго братства», стр. 17.

свѣщеніи. Языкознаніе сдѣлалось единственною цѣлью братскихъ школъ уже тогда, когда братства утратили свое вліяніе на нихъ, при чемъ обнаружилось то же самое, что̀ и въ элементарныхъ приходскихъ школахъ XVIII вѣка, когда въ этихъ послѣднихъ грамотность отошла на задній планъ. Что въ братскихъ школахъ подъ изученіемъ классическихъ языковъ подразумѣвалось именно изученіе наукъ, это видно изъ той осторожности, съ которою допускали онѣ латинскій языкъ. Въ большинствѣ школъ основой образованія былъ лишь языкъ греческій. Учебный курсъ въ братскихъ школахъ, безспорно классическій, имѣлъ цѣлью освободить народное образованіе отъ его вѣковой замкнутости; но не меньшая важность придавалась въ упомянутомъ курсѣ и изученію роднаго языка, которое считалось главнымъ средствомъ для возбужденія національнаго сознанія въ борьбѣ съ чуждыми народностями. Братскія школы оказали славянской филологіи до сихъ поръ незабвенныя услуги (первыя граматики, лексиконъ Памвы Берынды и пр.). Такъ въ образованіи братскихъ школъ отразились обѣ его стороны—общечеловѣческая и національная.

За неимѣніемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ учебномъ курсѣ въ братскихъ школахъ, мы принуждены уяснить отличительныя его черты на примѣрѣ той школы, которая пользовалась значительнѣйшимъ вліяніемъ, т. е., Кіевской братской, хотя она существенно измѣнила свой характеръ въ эпоху Петра Могилы, а въ XVIII в. перестала быть братскимъ училищемъ. Вотъ что̀ преподавалось въ ней послѣ реформы Петра Могилы: „три языка—славянскій, греческій и латинскій; нотное пѣніе, православный катехизисъ, ариѳметика, поэзія, риторика, философія и богословіе. Есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ первоначально, здѣсь обучали юношей геометріи, музыкѣ и отчасти астрономіи. Для обученія юношей этимъ языкамъ и наукамъ было восемь классовъ: 6 низшихъ — классъ начальный, называвшійся апалогіей, или фарою, гдѣ обучали только читать и писать, впрочемъ на всѣхъ трехъ языкахъ, а не на одномъ славянскомъ, какъ было въ школахъ приходскихъ; затѣмъ классъ или школа инфимы, далѣе классъ граматики и за нимъ классъ синтаксимы, гдѣ учили уже постепенно граматикамъ тѣхъ языковъ, переводили разныя писанныя на нихъ сочиненія и преподавали катехизисъ, ариѳметику, нотное пѣніе и отчасти музыку; далѣе классъ поэзіи или піитики и наконецъ риторическій; и два класса высшихъ—философскій, гдѣ кромѣ философіи, обучали геометріи и астрономіи, и бо-

гословскій, гдѣ, кромѣ богословія, предлагались правила гомилетическія“ [1]).

Такимъ образомъ, въ школахъ, основанныхъ братствами, почти до конца XVIII в. (1784 г.) образованіе развивалось преимущественно въ сферѣ филологіи и отчасти математики, которыя и считались основою общаго образованія. Не надо, слѣдовательно, придавать значенія длинному перечню наукъ, упоминаемыхъ въ ихъ курсѣ. Замѣчательно, что изо всѣхъ русскихъ семинарій XVIII вѣка исключеніе именно составляла кіевская академія (не смотря на то, что со времени реформы Петра Могилы въ ней постоянно стремились утвердить учебный курсъ, господствовавшій въ іезуитскихъ коллегіяхъ какъ увидимъ ниже). Въ крѣпкой національной жизненности ея, даже въ самомъ концѣ XVIII в., можно убѣдиться изъ безпристрастныхъ показаній современниковъ [2]).

Связь элементарнаго образованія съ среднимъ и высшимъ опирается не на томъ только, что высшія училища были въ то же время и элементарными, но преимущественно на томъ, что самое образова-

[1]) Пр. *Макарія*: «Исторія Кіев. Акад.», стр. 51 — 52. Дальнѣйшее развитіе учебнаго курса въ XVIII вѣкѣ, когда училище сохраняло еще свою первоначальную жизненность, и существовало собственными средствами. — тотъ же писатель представляетъ въ такихъ чертахъ: «Въ 1707 г. возобновлено въ академіи преподаваніе геометріи; въ 1738 г. явились каѳедры для трехъ языковъ: нѣмецкаго, прежде вовсе неизвѣстнаго, еврейскаго, который введенъ нѣсколько прежде, но за недостаткомъ искусныхъ наставниковъ почти не преподавался, наконецъ греческаго, которому хотя обучали изстари, но неудовлетворительно. Въ 1753 году вновь открыта каѳедра для французскаго языка, а въ 1775 году для польскаго. Съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка въ учебномъ курсѣ совершается полный переворотъ, подъ явнымъ вліяніемъ воззрѣній тогдашняго правительства. Не имѣя еще учебныхъ заведеній для высшаго факультетскаго образованія, правительство ограничило задачи его на среднія школы. Общее образованіе, страннымъ образомъ, понято было, какъ сумма всѣхъ спеціальныхъ знаній. Въ 1784 году въ Кіевской академіи открыты классы всеобщей исторіи, естественной исторіи, географіи, математики чистой и смѣшанной, которыя хотя и прежде были здѣсь преподаваемы, но только по временамъ (есть, напр., учебники по этимъ наукамъ за 1735 годъ), классы архитектуры, которая впрочемъ преподавалась не долго, и живописи, изстари бывшей, подобно вокальной и инструментальной музыкѣ, однимъ изъ любимѣйшихъ произвольныхъ занятій учениковъ». *Тамъ же*, стр. 123—125).

[2]) См. *Тимковскаго:* «Мое опредѣленіе на службу». (Ч. 2. *Москвит.* 1852, № 18—Сент. кн. 2).

ніе и его цѣли признавались существенно едиными для учебныхъ заведеній всѣхъ трехъ разрядовъ.

Преобладающимъ отличіемъ братскихъ школъ былъ ихъ *общеобразовательный* курсъ въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Всякія спеціальныя техническія знанія были устранены, какъ нѣчто не только лишнее, но и препятствующее достиженію главной цѣли. „Такъ какъ наши ученики, кромѣ наукъ и добродѣтели, ничему другому учиться не будутъ, то мы предостерегаемъ, чтобы они не имѣли у себя для сихъ двухъ предметовъ никакого препятствія. И такъ какъ два занятія, другъ другу мѣшающія, часто одно другое разстроиваютъ, то ученики не должны держать никакихъ военныхъ снарядовъ, ни инструментовъ другихъ ремеслъ, кромѣ принадлежностей школьныхъ“ [1]).

Изъ всего этого видно, что отношенія братствъ къ ихъ школамъ долженствовали быть такими же, въ какихъ находилась приходская община къ школамъ приходскимъ. Прежде всего братскія училища были *всесословныя*, то-есть, предназначались не для средняго только сословія (какъ Bürgerschule) и не для высшаго (какъ средневѣковые университеты). „Кіевское училище“, говоритъ его историкъ, „было открыто и поддерживаемо братствомъ, состоявшимъ изъ людей всѣхъ сословій; потому и вступать въ него имѣли право дѣти всякаго званія“ [2]). Анна Гулевичева, въ своей записи въ пользу Кіевскаго училища, предоставляетъ это право „правовѣрнымъ благочестивымъ христіанамъ народу россійскаго, въ повѣтахъ воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго будучимъ, станомъ духовнымъ и свѣцкимъ, иноцамъ, священникамъ и діаконамъ чину мнишескаго и чину мірскаго, также освѣщоннымъ княжатомъ, вельможнымъ панамъ, шляхте и якогожъ-колвекъ иного заволанья и стану людемъ россійскимъ, которые неизмѣнно пребываютъ и пребывать будутъ въ православной благочестивой вѣрѣ церкви восточной обряда греческаго“. Даже впослѣдствіи, въ XVIII вѣкѣ, когда (какъ увидимъ ниже) правительствомъ нашимъ были приняты сильныя мѣры для сообщенія школамъ сословнаго характера, братскія училища удержали на долго свой характеръ всесословный. Кіевская академія „была тогда открыта для всѣхъ приходящихъ [3]); всякъ воленъ былъ вступать въ нее и не вступать.

---

[1]) 1-й Уставъ Луцкой школы, стр. 89.

[2]) Пр. *Макарія:* «Ист. Кіевской академіи.

[3]) Въ 1744 году было здѣсь учениковъ изъ духовнаго званія—388, а мало-

быть въ ней и оставить когда угодно; это продолжалось, по крайней мѣрѣ, до половины прошлаго вѣка, а для разночинцевъ и всегда". Историкъ Львовскаго братства отмѣчаетъ ту же черту въ Львовской академіи, какъ замѣтную особенность ея среди школъ Польско-Литовскаго государства: „училища въ тогдашней Польшѣ были преимущественно для шляхты; наша же (Львовская) школа не исключала любознательное юношество всякаго положенія (происхожденія); въ братскую школу принимали дѣтей всякаго сословія — убогихъ за прости Богъ, а богатыхъ за разнымъ даткомъ" [1]).

Укажемъ здѣсь и на другую особенность братскихъ школъ, — на господствовавшую въ нихъ свободу преподаванія, какъ весьма опредѣленно свидѣтельствуютъ о томъ ихъ уставы.

Братскія школы, чуждаясь сословныхъ отличій, подчинились сами собою, по естественному ходу вещей, земскимъ (административнымъ) дѣленіямъ Литовско-Русскаго государства. Высшія изъ этихъ училищъ въ важнѣйшихъ, прежде столичныхъ, городахъ были учреждены въ 80-хъ годахъ XVI вѣка, а именно: Львовское—въ 1586, Виленское—1588, Кіевское—1588. Затѣмъ среднія школы, въ городахъ менѣе значительныхъ, основаны были въ 90-хъ годахъ того же столѣтія и въ первой половинѣ XVII, а именно: Могилевская прежде 1597 г., Брестская—въ 1591, Минская—1592, Бѣльская—1594, Луцкая—1617, Пинская—1633, Оршанская—1648 г. Меньшія школы, въ низходящей градаціи, постепенно сливаются съ древнѣйшими приходскими. Сообразно съ распространеніемъ учебнаго курса въ той или другой изъ нихъ, разширялись и размѣры ихъ дѣятельности. Школы перваго разряда существовали для цѣлой провинціи или страны. Кіевское училище, какъ сказано въ приведенномъ выше за-

---

россійскихъ и заграничныхъ разночинцевъ—772; въ 1765 году первыхъ — 485, послѣднихъ—674; въ 1768 году первыхъ—507, послѣднихъ—543. Уже съ 1787 года, когда митрополитъ Самуилъ предписалъ всѣмъ духовнымъ отдавать непремѣнно въ академію дѣтей своихъ, число разночинцевъ, сравнительно съ духовными, начало годъ отъ году уменьшаться. Именно въ 1790 году разночинцевъ малороссійскихъ и заграничныхъ было только 232, а дѣтей духовнаго званія—419; въ 1803 году разночинцевъ—172, а духовныхъ—1.015»... (*Тамъ же*, стр. 107—108). Какъ могла сохраниться эта всесословность академіи почти до конца XVIII вѣка? Это объясняется особенностями какъ гражданской, такъ и духовной службы, сохранявшимися въ Малороссіи почти до конца означеннаго періода.

[1]) *Головацкаго*: «Нач. и дѣйств. Львовскаго Братства», стр. 12.

вѣщаніи Гулевичевой, существуетъ для воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, то-есть, для нынѣшняго юго-западнаго края, или Малороссіи въ собственномъ смыслѣ; Виленское — для Бѣлоруссіи и Литвы, Львовское—для Галиціи. Школы втораго разряда учреждались каждая для одного изъ воеводствъ; наконецъ школы, составляющія уже переходъ къ элементарнымъ, ограничиваютъ свое вліяніе однимъ городомъ и его ближайшимъ округомъ.

При этомъ порядкѣ вещей, никогда не закрѣпленномъ какими-либо узаконеніями, отнюдь не воспрещалось жителямъ отдавать дѣтей въ школы не своей только, но и другихъ провинцій или воеводствъ. Мы находимъ въ Кіевской школѣ учениковъ изъ всѣхъ краевъ восточной Малороссіи, Бѣлоруссіи и Червонной Руси.

Система эта измѣнилась въ XVIII вѣкѣ: распространеніе уніи и католичества привело, или къ закрытію нѣкоторыхъ братскихъ школъ, или же къ отторженію ихъ отъ русскихъ учебныхъ заведеній. Такова именно была судьба (изъ разряда высшихъ) Львовскаго и Виленскаго училищъ.

Общаго, центральнаго управленія всѣми этими школами не было [1]), но бытовая зависимость ихъ одна отъ другой была столь же значительна, какъ и зависимость меньшихъ братствъ отъ болѣе сильныхъ. На это указываетъ полнѣйшее сходство и внѣшней ихъ организаціи, и внутренняго развитія. Впрочемъ, зависимость среднихъ школъ отъ высшихъ едва ли не слѣдуетъ признать административною въ точномъ смыслѣ слова, при извѣстныхъ уже намъ правахъ старшихъ братствъ надъ младшими. Во всякомъ случаѣ, нравственная соподчиненность совершенно прикрывала собою административную зависимость.

По общему приговору, управленіе школою каждаго братства принадлежало самому братству, которое имѣло право издавать постановленія какъ вообще по своему вѣдомству, такъ и въ частности отно-

---

[1]) Королевскія привилегіи говорятъ о независимости братствъ и ихъ школъ отъ общихъ органовъ государственнаго управленія, какъ о чемъ-то весьма дорогомъ и желательномъ для нихъ. (См. *Пам. Кіев. Ком.* т. I, отд. I, стр. 6—7, привилегія короля Сигизмунда III Луцкому братству). Высшее церковное правительство (Константинопольскій патріархъ) ограничивалось утвержденіемъ уставовъ, а для непосредственнаго управленія не имѣло ни средствъ, ни желанія.

сительно школъ [1]). Для управленія школою оно назначало отъ себя депутатовъ, обязанныхъ дѣйствовать сообща съ братствомъ духовнымъ, то-есть, монастыремъ. „Волею Божіею мы всѣ совокупно братія о Христѣ храма Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня, граждане Луцкіе, желая имѣть надлежащее устройство въ семъ (Луцкомъ) училищѣ, къ учащимъ въ немъ словенскому и русскому писанію придали еще двухъ мужей отъ нашей братіи для всякаго наблюденія и чтобы всякій безпорядокъ, противный устройству, основанному на этомъ уставѣ („и всяко не по узаконенію строснія сего“) исправляли они дѣломъ и словомъ, что̀ и да будетъ извѣстно каждому, хотящему на опытѣ увидѣть устройство сего училища, или отдать свое дитя для изученія“ [2]). Ближайшее участіе въ управленіи принадлежало низшей, подчиненной корпораціи — духовной, то-есть, членамъ монастырскаго братства, дѣйствовавшаго по указаніямъ общаго собранія братства. Для непосредственнаго и постояннаго завѣдыванія школою игуменъ и братія монастыря избирали ректора, „который, не требуя за науку никакой платы, долженъ будетъ повседневно наблюдать за исполненіемъ обязанностей какъ со стороны учителя, такъ и со стороны учениковъ, и въ каждыя четыре недѣли производить экзамены—чему научатся; дабы молодые годы порученныхъ имъ дѣтей напрасно не тратились, за что учители должны отдать отвѣтъ Богу“ [3]).

Но школа пользовалась вмѣстѣ съ тѣмъ и самоуправленіемъ. Корпоративный духъ проникалъ въ самые низшіе слои братствъ и здѣсь точно также вызывалъ къ жизни новыя корпораціи.

Впослѣдствіи Петръ Могила раздѣлилъ учениковъ Кіевской школы на двѣ „конгрегаціи“ (корпораціи): sodales majoris ac minoris congregationis. Но это учрежденіе, заимствованное изъ іезуитскихъ коллегіумовъ, не имѣло ничего общаго съ естественно возникавшими корпораціями въ средѣ учениковъ братскихъ школъ. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательно посланіе Кіевскаго митрополита Исаіи Копинскаго къ младшей братіи Луцкаго братства (какъ назвали его

---

[1]) См. «Постановленіе объ общежительствѣ въ братствѣ Луцкомъ 1624 г.». (*Пам. Кіев. Ком.*. т. I, отд. I, стр. 55 и дал.) и второй Уставъ Луцкой школы (тамъ же, стр. 94).

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 67—68.

издатели Памятн. Кіевской коммиссіи), или „братіямъ братства юношескаго", какъ правильно называетъ его само посланіе. Люди, составляющіе это братство — „отроки по возрасту, но мудрствующіе, какъ мужи", приглашаются питать почтеніе къ старшимъ и родителямъ, но въ то же время имъ преподаются слѣдующія правила: „Прилагайте каждый по возможности своей попеченіе объ училищѣ и богоугодныхъ дѣлахъ милосердія въ вашемъ братствѣ". Для этой цѣли младшее братство состоитъ въ нѣкоторой (впрочемъ, болѣе нравственной) зависимости отъ старшаго: „для надзора, совѣта, порядка... и наставленія вашего... имѣйте всегда двухъ честныхъ людей изъ старѣйшаго братства, духовнаго званія или свѣтскаго, которые, по праву фундаціи, не должны приписывать себѣ власти и ктиторства, но должны, изъ отеческой любви, за вами, какъ за своими любимыми дѣтьми, ухаживать и внушать вамъ все богоугодное". Вообще же означенное посланіе утверждаетъ уставъ, составленный для себя младшимъ братствомъ (къ сожалѣнію, мы его не имѣемъ), и допускаетъ даже возможность дальнѣйшаго развитія его постановленій: „а еслибы не достало вамъ чего къ устройству, заимствуйте отъ другихъ". Власти этого братства надъ своими членами не поставлено никакихъ границъ: оно имѣетъ право грозить, наказывать и вразумлять безчинствующихъ, и само избираетъ свое начальство: „если у васъ будетъ какой братъ, обратившійся отъ еретиковъ, да не начальствуетъ надъ вами. По совѣту вашему что̀ признаете благимъ для себя, то и дѣлайте" [1]).

Что посланіе обращается къ братству, состоявшему изъ учениковъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Такимъ образомъ, мы узнаемъ здѣсь знакомыя намъ черты коллегіальнаго устройства западныхъ университетовъ.

Управленіе корпорацій и самоуправленіе школъ вскорѣ должны были уступить мѣсто сначала церковной администраціи, а потомъ и государственной. Послѣдствія этого переворота не замедлятъ обнаружиться передъ нами. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы, по видимому, ожидать, что онѣ окажутся благопріятными для развитія школъ. Въ самомъ дѣлѣ, разрозненность управленія, отсутствіе общей системы порождали только вредъ; однимъ изъ существенныхъ неудобствъ такого порядка вещей была трудность обновленія школы новыми

[1]) Тамъ же, стр. 121 и слѣд.

просвѣтительными силами. Приходскія школы оставили въ наслѣдство братскимъ уже извѣстный намъ традиціонный способъ замѣщенія учительскихъ должностей изъ своей собственной среды, при чемъ достоинства учителя оцѣнивались не степенью только его знаній. Способъ этотъ казался не только удобнымъ, но и единственно безопаснымъ.

Безопасенъ онъ былъ потому, что требованія братствъ далеко не ограничивались спеціальными знаніями учителя по тому или другому предмету: „даскалъ или учитель школы долженъ быть благочестивъ, разсудителенъ, смиренномудръ, кротокъ, воздержливъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не гнѣвливъ, не завистливъ, не смѣхотворецъ, не сквернословъ, не чародѣй, не басносказатель, не способникъ ересей, но поспѣшникъ благочестія, во всемъ представляя собою образъ благихъ дѣлъ“ [1]).

Братскія школы могли неуклонно и съ достоинствомъ настаивать на этихъ требованіяхъ потому, что дѣятельность учителя совершалась тамъ на глазахъ родителей, которымъ и принадлежалъ главный контроль надъ нею. Общество могло ошибиться и назначить учителемъ человѣка порочнаго, но въ томъ случаѣ, „если... учитель... оказался виновнымъ въ поступкахъ, которые законъ не только не предписываетъ, но еще запрещаетъ, былъ бы, напримѣръ, пьяница, воръ, кощунъ, нерадивецъ, сребролюбецъ, клеветникъ, гордецъ,—то такой отнюдь не долженъ быть здѣсь *не только учителемъ, но и жителемъ*“ [2]). При извѣстномъ составѣ и правахъ братствъ, эта угроза легко могла быть приводима въ исполненіе.

Но упомянутый нами способъ назначенія учителей не былъ единственно вѣрнымъ. Въ братскихъ школахъ вошло въ обычай, что окончившій успѣшно курсъ наукъ обязывался прослужить извѣстное время учителемъ, какъ бы въ благодарность за собственное обученіе (обычай этотъ перешелъ потомъ и въ восточную Русь, гдѣ, однако, онъ не удержался: государственныя цѣли тотчасъ же привлекали тамъ молодаго человѣка къ исполненію тѣхъ спеціальныхъ занятій, къ которымъ онъ готовился). Нельзя выпустить изъ вниманія и дру-

---

[1]) Тамъ же, стр. 97. Выше было приведено мѣсто изъ грамоты патр. Іереміи, которымъ позволяется открыть преподаваніе греческаго и славянскаго языковъ, когда найдутся *благочестивые* и *добродѣтельные* учители.

[2]) Тамъ же, стр. 113—114.

гихъ хорошихъ сторонъ способа самоснабженія школы учителями: только при этомъ способѣ школа можетъ пріобрѣсти и сохранить свой собственный нравственный обликъ (то, что называется духомъ школы).

Было сказано уже, что отсутствіе административнаго единства восполнялось въ братскихъ школахъ тѣсною бытовою связію между ними; онѣ держались одной общей системы національнаго образованія. Связь между ними обнаруживалась именно во взаимномъ снабженіи ихъ учителями. Особенно при первомъ основаніи школы это было совершенно необходимо. Мѣстный контингентъ людей, образованныхъ въ приходскихъ школахъ, не могъ дать учителей по новымъ предметамъ. Виленская школа, хотя почти современная Львовской, развивалась, однако, вслѣдствіе разныхъ причинъ, медленнѣе этой послѣдней. Еще въ 1592 г. она прислала Виленской учителей; тоже повторилось и въ 1617 году; въ этомъ году, въ письмѣ къ львовскому братству, виленское извѣщаетъ его, что для преподаванія латинскаго языка, „скудости ради своихъ учителей", оно должно было прибѣгнуть къ учителямъ-нѣмцамъ; но считаетъ эту мѣру лишь неизбѣжнымъ зломъ и, желая имѣть учителей „своего рода (національности) и благочестія", обращается за ними ко львовскому братству.

Изъ письма этого видно, между прочимъ, съ какою осторожностью школа прибѣгала, повидимому, къ столь легкому способу замѣщенія учительскихъ должностей, т. е., къ вызову иностранцевъ. Связь школы съ національностью признаваема была не только требованіемъ педагогики, но и дѣломъ государственнаго разчета.

Особенно въ то время, когда въ западной Руси вопросы національные и религіозные имѣли столь важное значеніе, нужно еще удивляться, что Нѣмцы были привлекаемы къ педагогической дѣятельности. Впрочемъ, иначе не могло и быть: братскія школы, или по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ, вынуждены были обращаться за просвѣтительными средствами къ народамъ старѣйшей цивилизаціи. Братствамъ извѣстны были оба способа, практиковавшіеся впослѣдствіи и въ имперіи, а именно: вызовъ учителей иностранцевъ и посылка своихъ за границу.

Когда изъ однородной массы приходскихъ школъ стали выдвигаться среднія и высшія, то прежде всего обратились братскія школы къ странѣ, которая нѣкогда оказала уже помощь нашимъ приходскимъ училищамъ. Конецъ XVI в. былъ второю эпохою русскаго

просвѣщенія христіанскими началами изъ Греціи. При самомъ учрежденіи Львовской (старѣйшей изъ братскихъ) школы въ 1586 году, въ теченіе двухъ лѣтъ преподавалъ въ ней митрополитъ Димонитскій и Елапскій Арсеній. Затѣмъ въ 1589 г. на Тарнопольскомъ соборѣ защитникомъ правъ братства противъ Гедеона Балабана выступилъ учитель братской школы Кириллъ по-гречески. Для восточной Европы этотъ наплывъ учителей-Грековъ въ концѣ XVI вѣка былъ тѣмъ же, чѣмъ для западной—возрожденіе наукъ въ XV-мъ. Правда, вымиравшая на западѣ схоластика нашла впослѣдствіи пріютъ у насъ и вытѣснила здѣсь живую и непосредственную передачу просвѣщенія съ востока; но это не уменьшаетъ заслуги первыхъ распространителей образованія—Грековъ. Въ ихъ школахъ, не только допускавшихъ національный языкъ, но и требовавшихъ его, вовсе не было той мертвенности, какая водворилась въ среднихъ русскихъ, мнимоклассическихъ училищахъ XVIII вѣка.

Итакъ, первый опытъ обращенія братскихъ школъ къ иностранцамъ былъ удаченъ; вызовъ учителей изъ Греціи не имѣлъ, по крайней мѣрѣ относительно, тѣхъ невыгодъ, съ которыми обыкновенно соединяется эта мѣра.

Мы знакомы со взглядомъ братствъ на учителей, пріѣзжавшихъ изъ Германіи; впослѣдствіи учителями въ братскихъ школахъ мы встрѣчаемъ только такихъ Нѣмцевъ, которые являлись для принятія православія.

Относительно Германіи и Италіи братства прибѣгали охотнѣе къ другому способу, т. е., посылкѣ за границу Русскихъ для приготовленія къ учительской должности. Однако и эта мѣра, казавшаяся болѣе надежною, возбуждала въ братствахъ справедливыя опасенія. Событія, предшествовавшія реформѣ, произведенной Петромъ Могилою въ Кіевскомъ училищѣ, и слѣдовавшія за нею, достаточно оправдываютъ эту осмотрительность. Могила, задумавъ создать въ Кіевѣ высшее училище, отправилъ за границу единовременно нѣсколько лицъ: Иннокентія Гизеля, Тарасія Земку, Сильвестра Коссова, Исаію Трофимовича, и др.; по возвращеніи ихъ, онъ рѣшился образовать новый составъ учителей, по направленію своему не имѣющихъ никакой связи съ прежними началами народнаго образованія, а потому желалъ совершенно изолировать ихъ отъ существовавшихъ доселѣ школъ. Отношенія къ этому предпріятію братства кіевскаго и зем-

ства цѣлой Малороссіи затемнены историками (какъ можно догадываться, изъ уваженія къ памяти знаменитаго іерарха), но легко могутъ быть возстановлены въ надлежащемъ свѣтѣ.

Могила, бывшій тогда архимандритомъ Печерской Лавры, намѣревался открыть при ней свою школу съ преподаваніемъ наукъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ. И вотъ „три просительные листа отъ трехъ главнѣйшихъ тогда сословій въ Малороссіи, участвовавшихъ въ лицѣ нѣсколькихъ представителей своихъ въ семъ кіевскомъ братствѣ, одинъ за другимъ были поданы Петру Могилѣ въ той силѣ, чтобы онъ не заводилъ особаго училища въ Лаврѣ, а соединилъ бы его съ Богоявленскимъ братскимъ, находящимся на Подолѣ. Гетманъ Иванъ Нестржицкій съ своими есаулами, полковниками и со всѣмъ запорожскимъ войскомъ клятвенно обѣщалъ защищать братское училище и все ему принадлежащее изъ рода въ родъ отъ всѣхъ непріятелей и притѣснителей, хотя бы то стоило крови; дворянство давало обѣтъ—назначать ежегодно изъ среды своей старостъ для попеченія о содержаніи сего училища; митрополитъ Исаія Копинскій съ епископами и архимандритами, отъ лица всего духовенства предлагали Могилѣ титулъ „старшаго брата“ въ богоявленскомъ братствѣ, опекуна, смотрителя и защитника братскаго училища; а всѣ вмѣстѣ преклоняли его выгодностію мѣстоположенія этого училища и тѣмъ еще, что оно утверждено уже грамотами патріарха Іосифа и грамотою польскаго короля. Могила согласился на условія, принялъ (1631 г. марта 11-го) предложенный ему титулъ...“ [1]).

Пр. Макарій полагаетъ, что образъ дѣйствій чиновъ Малороссіи объясняется лишь опасеніемъ сильной конкурренціи, угрожавшей братскому училищу. Но при этомъ совершенно непонятно, почему земство, ревнуя о народномъ просвѣщеніи, придавало важность тому обстоятельству, что центръ образованія будетъ находиться не на Подолѣ, а въ Лаврѣ? Можно бы предположить, что братство не хотѣло выпустить изъ своихъ рукъ завѣдываніе школами; но Могилѣ были сдѣланы представленія со стороны всѣхъ сословій и высшихъ органовъ управленія Малороссіи.

Вѣроятно, эти послѣдніе видѣли другую, болѣе опасную сторону въ предпріятіи Могилы, и надѣялись, что опасность будетъ отстра-

---

[1]) Пр. *Макарій*: Ист. Кіев. Акад., стр. 36—38.

пена, если новые учители сольются съ прежними въ школѣ, имѣвшей пятивѣковыя преданія, если они не измѣнятъ основныхъ началъ обученія, а только оживятъ его.

Когда соединеніе состоялось, то разчетъ этотъ оказался ошибочнымъ: масса новыхъ учителей подавила собою небольшой составъ прежнихъ; начала, принесенныя ею изъ-за границы, восторжествовали надъ существовавшими до тѣхъ поръ въ школѣ. Какъ извѣстно, заключались онѣ въ системѣ преподаванія, которая господствовала въ средневѣковыхъ европейскихъ университетахъ, но въ описываемое время отжила тамъ свой вѣкъ и нашла себѣ послѣднее пристанище лишь въ церковныхъ католическихъ школахъ. Эта же система воспитанія была принята и въ іезуитскихъ коллегіумахъ, которые послужили Могилѣ образцомъ для Кіевской академіи.

Могъ ли народъ отнестись равнодушно къ такой реформѣ? Послѣдующія событія доказали, что земство страшилось не конкурренціи только для братской школы со стороны новыхъ преподавателей. Противодѣйствіе народа, имѣвшее грубый видъ насилія (сообразно съ нравами той эпохи), совершенно уясняется для насъ, не смотря на то, что историки Кіевской академіи и здѣсь, щадя память Петра Могилы, стараются представить дѣло въ иномъ видѣ. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „Отчаявшись побѣдить коллегію открытою силою, іезуиты и монахи другихъ орденовъ рѣшились прибѣгнуть къ злобной хитрости. Изъ-подъ руки стали они распускать слухи, что вновь сформированная коллегія отнюдь не есть православное училище, что самъ Петръ Могила есть не-русскій, а какой-то злонамѣренный выходецъ, что онъ нарочно для развращенія простаго народа посылалъ за границу молодыхъ людей, которые, воротившись оттуда аріанами, кальвинистами и лютеранами, пыпѣ, въ качествѣ наставниковъ юношества, распространяютъ ученіе, совершенно противное православію. Преподаваніе наукъ на языкѣ латинскомъ служило какъ бы подтвержденіемъ клеветы, распускаемой іезуитами и ихъ клевретами. Простодушные (!) Кіевляне начали уже неблагосклонно смотрѣть на коллегію и воспитанниковъ ея величали брапчивымъ названіемъ латинниковъ и уніатовъ. Поджигаемые католическимъ духовенствомъ, они требовали, что если уже нельзя обойдтись безъ иностраннаго языка, то чтобы вмѣсто латинскаго введенъ былъ греческій“ (католическое духовенство поощряетъ требованіе уничтожить преподаваніе латинскаго и ввести греческій языкъ!) „и, наконецъ, начали присту-

пать съ угрозами къ стѣнамъ самой коллегіи. Около 1634 г. волненіе это достигло высшей степени; толпами стекались казаки, *подущаемые* нѣкоторыми неученными *священниками изъ православныхъ*, требуя немедленнаго прекращенія ученія, угрожая, въ противномъ случаѣ, убить и Петра Могилу, и всѣхъ коллегіальныхъ учителей..." [1]).

Не знаемъ, на чемъ основано предположеніе о подстрекательствахъ со стороны іезуитовъ. Если нѣчто подобное и происходило, то, конечно, враги русской народности хотѣли раздуть искру и воспользоваться волненіемъ, вызваннымъ, однако, не ими. Иначе, можно ли предположить, что „простодушіе" Кіевлянъ (сейчасъ увидимъ, что въ возстаніи участвовали дворяне) располагало ихъ вѣрить болѣе іезуитамъ, чѣмъ собственнымъ пастырямъ? Намъ кажется, что они болѣе довѣряли собственнымъ глазамъ и что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, гораздо точнѣе объяснено другимъ писателемъ: „Когда мы говоримъ", пишетъ г. Образцовъ, „объ ученыхъ кіевскихъ, то разумѣемъ вовсе не тѣхъ ученыхъ, которые получили образованіе въ Кіевѣ подъ вліяніемъ Грековъ и воспитывались въ народныхъ малорусскихъ, напримѣръ, братскихъ школахъ. Подъ учеными кіевскими разумѣются у насъ тѣ ученые, которые стали являться въ Кіевѣ послѣ реформы, произведенной знаменитымъ Петромъ Могилою". Сказавъ далѣе, что у этихъ ученыхъ уже нельзя искать честности убѣжденій домогилянскихъ ученыхъ, авторъ продолжаетъ: „За то честные патріоты—Малороссы скоро и показали, какъ пріятны были имъ новые ученые. Когда началось образованіе на новыхъ началахъ, новыми, образованными за границей учителями и когда узнали объ этомъ православные Кіевляне, они сошлись и едва не разобрали всей школы, едва не убили и тѣхъ, которые преподавали въ ней (въ кіевской коллегіи), и того, кто учредилъ ее. „Какіе перуны, какіе громы и молніи посыпались на насъ—и выразить невозможно", писалъ одинъ изъ новыхъ ученыхъ — Сильвестръ Коссовъ: „это было такое время, когда мы, исповѣдавшись, только ожидали, пока дворяне (не простой только народъ) вздумаютъ начинить нами днѣпровскихъ осетровъ и когда одного огнемъ, а другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ". „Въ то время", пишетъ другой ученый, жаркій защитникъ кіевскихъ ученыхъ въ Великороссіи—Гавр. Домецкій, „веліе было негодованіе—

---

[1]) «Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ — академіею», стр. 128—129.

на што латинскія и польскія училища заводите, чего у насъ дотуду не бывало. Было-хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити, едва уговорили“ [1]).

Независимо отъ измѣненія началъ народнаго образованія, переворотъ, произведенный инициативою и вліяніемъ Петра Могилы (вскорѣ сдѣлался онъ митрополитомъ кіевскимъ), измѣнилъ самую сущность братскихъ школъ: приблизивъ ихъ къ характеру профессіональныхъ духовныхъ, онъ содѣйствовалъ позднѣйшему переходу ихъ въ духовныя училища и постепенному ослабленію, а потомъ и совершенному прекращенію вліянія на нихъ братствъ. Одновременно съ тѣмъ понизилось и вліяніе училищъ на народныя массы,—они становятся чужды національной жизни.

Во всемъ этомъ отнюдь нельзя винить братства, которыя, утративъ вліяніе на народное образованіе, постепенно вымирали и, наконецъ, окончили свое существованіе.

Но прежде, чѣмъ мы займемся этимъ явленіемъ, намъ предстоитъ рѣшить еще одинъ вопросъ: откуда почерпались средства, необходимыя для того, чтобы поднять образованіе на степень средняго и высшаго?

Экономическія средства братствъ для цѣлей народнаго образованія превышали, конечно, не только средства приходскихъ общинъ, но были таковы, что едва ли и правительства (литовско-русское и московское), при тогдашнемъ крайнемъ истощеніи своемъ, могли съ ними соперничать въ этомъ отношеніи.

Матеріальныя средства, о которыхъ идетъ рѣчь, замѣчательны не столько даже своею многочисленностью, сколько тѣмъ способомъ, какимъ они пріобрѣтались. Въ этомъ заключалась отличительная черта какъ самихъ братствъ, основанныхъ на свободной ассоціаціи, такъ и образованія, чуждаго внѣшней принудительности. Средства эти состояли: а) въ церковныхъ доходахъ братскихъ храмовъ, или монастырей; б) въ членскихъ взносахъ; в) въ недвижимыхъ фондахъ, и г) въ суммахъ, пріобрѣтаемыхъ самими школами и другими органами распространенія образованія.

Первый изъ исчисленныхъ способовъ пріобрѣтенія средствъ не отличаетъ братства отъ приходскихъ общинъ и едва ли могъ быть

---

[1]) «Кіевскіе ученые въ Великороссіи», стр. 4.

обиленъ; и второй не служилъ также главнымъ источникомъ дохода. Только въ нѣкоторыхъ изъ братствъ взносы были опредѣленные: такъ, напримѣръ, въ львовскомъ и луцкомъ братствахъ ежегодный взносъ простирался до 6 грошей. Для лицъ, живущихъ въ городѣ, и посѣщавшихъ братскія собранія, взносъ этотъ былъ разсрочиваемъ помѣсячно (по 1/2 гроша). Отсутствовавшіе члены взносили всю сумму единовременно [1]). Впослѣдствіи количество взноса было увеличено и сдѣлалось неодинаковымъ для людей состоятельныхъ и небогатыхъ (для первыхъ—по 1 злоту, для вторыхъ—по 24 гроша) [2]). Въ остальныхъ братствахъ ежегодный взносъ соразмѣрялся „съ волею каждаго и возможностью“ [3]).

Недвижимые фонды братствъ вообще, и братскихъ школъ въ частности, составлялись изъ имуществъ, пожертвованныхъ благотворителями или купленныхъ на средства братствъ [4]). Упомянутое завѣщаніе Анны Гулевичевой есть истинная фундація Кіевской академіи. Имущество такого рода, не принося большаго дохода и притомъ вовлекая школу въ заботы и занятія, ей несвойственныя, были дороги для братскихъ училищъ тѣмъ, что сообщали имъ характеръ независимости [5]). Кіевское училище, владѣвшее большими участками земли, получало, однако, и во второй половинѣ XVIII-го вѣка сравнительно небольшой доходъ отъ недвижимыхъ своихъ имуществъ: вѣдомость 1771 года марта 19-го показываетъ, что въ это время оно владѣло десятью вотчинами, а весь ежегодный доходъ съ нихъ простирался до 859 двойницъ и 16 четвериковъ хлѣба, и 3.194 р. 97 коп. деньгами [6]). Эти имущества были секуляризованы вмѣстѣ съ монастырскими, причемъ братскія школы поплатились за свою старую связь съ церковію, за свое сходство, въ этомъ отношеніи, съ школами приходскими. Мы говорили уже, что братства были фиктивно подведены подъ формы извѣстныхъ юридическихъ лицъ (монастырей,

---

[1]) *Пам. Кіев. Ком.* т. III, отд. I, стр. 40, 42—43.

[2]) *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1849, іюнь, стр. 148.

[3]) *Собр. Виленск. грам.* ч. II, № 4.

[4]) «Для содержанія училища (Кіевскаго) и учителей, съ самаго основанія его служили частію доходы церковные, а частію доходы съ грунтовъ, огородовъ и садовъ, которые члены братства то сами жертвовали на пользу школы, то пріобрѣтали покупкою». *Пр. Макарія*: Ист. Кіев. Акад., стр. 22.

[5]) Конечно, не безъ причины Соединенные Штаты смотрятъ на надѣлъ училищъ поземельною собственностью, какъ на лучшій способъ обезпеченія ихъ.

[6]) *Пр. Макарія*: Ист. Кіев. Ак., стр. 51—52.

церквей), облеченныхъ имущественными правами; относительно этихъ правъ, школы, основанныя ими, разсматривались какъ монастырь или церковь. Правительству второй половины XVIII-го вѣка, руководимому просвѣтительными началами, слѣдовало бы разрѣшить это недоразумѣніе въ пользу органовъ просвѣщенія. Но случилось иначе: училищныя имущества были отобраны, какъ монастырскія. „Въ 1786 году, когда находившійся при академіи Братскій монастырь Высочайшимъ указомъ на время былъ упраздненъ, *общія ихъ* деревни и всѣ прочія недвижимыя имѣнія навсегда отошли отъ нихъ въ казенное вѣдомство. Тогда на академію, вмѣсто отобранныхъ вотчинъ и прежняго жалованья, состоявшаго изъ 500 руб., положено императрицею Екатериною великою уже 8.400 руб. въ годъ“ [1]).

Вознагражденіе за эту экспропріацію, повидимому, не только равнялось прежнимъ доходамъ, но и превосходило ихъ. Однако, именно съ этого времени академія начинаетъ клониться къ упадку и теряетъ свой прежній обликъ.

Наконецъ, послѣднимъ способомъ пріобрѣтенія средствъ служили типографіи и плата за ученье. Во львовской братской типографіи „въ продолженіе трехъ вѣковъ напечатано, по крайней мѣрѣ, 300.000 церковныхъ и учебныхъ книгъ“ [2]). Эта наслѣдница московской типографіи Ивана Ѳедорова начала свою дѣятельность ранѣе учрежденія львовскаго братства; но дѣятельность ея сдѣлалась обширною лишь съ того времени, когда она перешла въ вѣдомство братства, особенно съ начала XVII вѣка. Въ 1608 году было напечатано въ ней 500 часослововъ и 1.900 псалтырей; въ 1616 году въ журналахъ засѣданія братства отмѣчено: „Далемъ о. Памбѣ 10 граматикъ и 20 книжекъ о воспитаніи чадъ до распроданія“ [3]). Продажа элементарныхъ учебныхъ книгъ, служившая однимъ изъ главныхъ средствъ для содержанія среднихъ училищъ, указываетъ на новую тѣсную связь братскихъ школъ съ элементарными.

Плата за ученіе вносилась учениками единовременно при поступленіи ихъ въ школу: „Рѣшившійся (поступить послѣ испытанія) объявляетъ о томъ старшему и даетъ въ школьную кассу 4 гроша“. Дѣти

---

[1]) *Пр. Макарія*: Ист. Кіев. Ак., стр. 118—119.
[2]) *Флеровъ:* О правосл. церковн. братствахъ, стр. 123.
[3]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1849 іюнь, стр. 140.

членовъ братства, вписанныхъ въ реэстръ, дѣти бѣдныхъ и сироты освобождались отъ платы: „Да подаютъ помощь (пишетъ патріархъ Іеремія въ грамотѣ ко львовскому братству 1590 года), въ потребу дѣтемъ, хотящимъ учитися священнаго писанія, нищимъ".

Главное достоинство исчисленныхъ нами способовъ пріобрѣтенія средствъ заключается въ томъ, что всѣ они истекали изъ доброй воли плательщиковъ; школы не возбуждали ни въ комъ того озлобленія, съ какимъ относились къ училищамъ въ XVIII в. лица и общества, обязанныя содержать ихъ [1]). Но въ распоряженіи братствъ находились, кромѣ того, средства другаго рода, которыми распоряжались только корпораціи и на которыя не могли разчитывать никакіе другіе органы государственнаго управленія. Денежныя средства нужны были братствамъ только на подготовку учителей; содержаніе же ихъ почти ничего не стоило: „Профессоры и учители коллегіи, которые постоянно были и братьями монастыря, не получали изъ монастырскихъ и училищныхъ доходовъ никакого жалованья и довольствовались изъ монастыря одинмъ пропитаніемъ и одѣяніемъ — самымъ простымъ, какъ и прочая братія до послѣдняго: они служили мѣсту своего воспитанія, посвящали ему свои способности, труды и знанія изъ одной благодарности" [2]). Служба была для нихъ однимъ изъ видовъ исполненія ихъ аскетическаго обѣта. Такія явленія, повторяемъ, возможны лишь въ обществахъ, добровольно составившихся для пропаганды великой идеи, сознаваемой всѣми ихъ членами одинаково. Постоянное жалованье учители начали получать лишь съ тѣхъ поръ, какъ академіи, вмѣсто отобранныхъ отъ нея имуществъ, стали выдавать казенное содержаніе. До того же времени денежныя

---

[1]) Вообще средства братствъ болѣе богатыхъ могутъ быть приблизительно опредѣлены при пособіи слѣдующихъ цифръ, относящихся ко Львовскому братству: 1648 г. 12-го мая въ кассѣ его оказалось въ наличности 8.215 зл. и 17 гр., подъ разными залогами—12.180 зл. и 8 гр., по заемнымъ письмамъ—15.036 зл. Вскорѣ послѣ этого іеромонахъ Вишневецкій отнялъ у братства наличными деньгами и драгоцѣнностями 27.398 зл. и 15 гр. Въ 1690 г., по ревизіи кассы оказалось: 24.521 зл. 19 гр. Въ 1695 г., за издержкою болѣе 24.000 зл., осталось въ кассѣ 49.747 зл. и 25 гр. Контрибуція, взятая со Львова королемъ Карломъ XII въ 1704 году, принесла братству ущербъ въ 120.000 зл. (См. въ разныхъ мѣстахъ *Лѣтоп. Зубрицкаго*).

[2]) *Пр. Макарія:* Ист. Кіевск. Ак., стр. 51—52.

награды, изрѣдка назначаемыя учителямъ, не превышали 37 р. на каждаго [1]).

Когда русское общество болѣе сблизилось съ другими просвѣщенными народами, то и приготовленіе учителей не могло обходиться братству слишкомъ дорого. Не представлялось почти надобности отправлять, на средства братствъ, молодыхъ людей за границу для приготовленія къ учительству. „Два или три товарища, бѣдные и безпріютные, безъ всякихъ средствъ, съ одною котомкою за плечами, да съ парою книгъ или нѣсколькими тетрадями, пѣшіе отправляются за границу, всячески скрываютъ свое имя, употребляютъ всѣ средства для избѣжанія опасностей и, переходя изъ училища въ училище, обходятъ почти всю Европу, чтобы, наконецъ, съ запасомъ познаній и съ радостію возвратиться во свояси“ [2]). Откуда все это? спрашиваетъ историкъ, и дѣйствительно, въ наше время трудно понять источникъ этой самоотверженности. Въ такомъ обычаѣ повторилось въ высшихъ формахъ странствованіе народныхъ учителей уже не изъ села въ село, а изъ одного европейскаго государства въ другое, и результаты его были уже иные, хотя цѣль и значеніе тѣ же. Такимъ образомъ сила, двигавшая впередъ образованіе, заключалась далеко не въ большихъ только экономическихъ средствахъ братства. Какъ само братство не есть простой союзъ общинъ, связанныхъ случайными обстоятельствами, а союзъ для опредѣленной цѣли, такъ и средства ихъ заключались не во внѣшнемъ соединеніи экономическихъ силъ, а въ нравственной энергіи, ихъ одушевлявшей.

Эта неравномѣрность успѣха со средствами особенно поразительна въ виду крайней нищеты воспитанниковъ Кіевскаго училища, стекавшихся въ него въ огромномъ количествѣ. О числѣ ихъ можно судить по слѣдующей таблицѣ, находящейся въ книгѣ пр. Макарія:

1715 г.	1.100	1768 г.	1.079
1742 г.	1.234	1777 г.	899
1744 г.	1.160	1790 г.	635
1763 г.	897	1798 г.	950
1765 г.	1.059		

[1]) Тамъ же, стр. 114—117. Впрочемъ, можетъ быть, въ другихъ братствахъ принято было выдавать жалованье учителямъ, какъ на это намекаютъ слѣдующія слова о Львовскомъ училищѣ: «Христолюбивые люди (должны) подавати отъ богатствъ и удѣляти отъ того, що пріяли отъ Бога учителямъ и похвальнымъ ученикамъ». См. *Головацкаго:* Пач. Ставр. Львов. Брат., стр. 17.

[2]) *Пр. Макарія:* Ист. Кіевск. Ак., стр. 162.

Братства пали въ началѣ XVIII вѣка, не уничтоженныя никакимъ законодательнымъ актомъ; они пали потому, что главная функція ихъ — завѣдываніе народнымъ образованіемъ, была изъята изъ ихъ рукъ. Но благія послѣдствія ихъ дѣятельности сохранились еще и до сихъ поръ.

VI.

Отношеніе правительства къ народному образованію въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка; начало высшаго образованія.

Происхожденіе братствъ и успѣхи ихъ школъ въ западной Руси не могутъ и не должны быть изъясняемы положительнымъ вліяніемъ политическихъ учрежденій Литовско-Русскаго и Польскаго государствъ. И то, и другое можетъ (хотя далеко не вполнѣ) быть признано, какъ отрицательный результатъ сословнаго государственнаго устройства этихъ странъ, какъ протестъ противъ него.

Этой отрицательной причины для образованія корпорацій не существовало въ государствѣ Московскомъ, и въ немъ открывался широкій просторъ для дѣйствія частныхъ обществъ; но *такихъ* причинъ, какъ въ западной Руси, не было. Этимъ объясняется то обстоятельство, что корпоративная дѣятельность въ сферѣ полиціи благосостоянія вообще, и въ сферѣ народнаго образованія въ частности, проявляется гораздо слабѣе въ Московскомъ государствѣ. Но проявляется она именно въ тѣхъ самыхъ формахъ, какія мы уже наблюдали выше. Въ 1649 году возникло въ Москвѣ Андреевское братство; Ѳ. М. Ртищевъ учредилъ его въ Андреевскомъ монастырѣ (который имъ же былъ основанъ именно для этой цѣли), а также училище для обученія Русскихъ свободнымъ наукамъ, для чего вызвалъ учителей изъ Кіева [1]). „Призва отъ Кіева.... иноковъ изящныхъ въ ученіи граматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи—хотящимъ тому ученію внимати“ [2]). Между этими вызванными были: Епифаній Славеницкій, Арсеній Сатановскій и Дам. Птицкій. Когда Никонъ возвратилъ изъ Соловецкаго монастыря Арсенія Грека, то и этотъ послѣдній присоединился къ братству.

---

[1]) *Смирновъ*, ср. Др. Росс. В., ч. VI, стр. 404.

[2]) Древн. Рос. Вив., ч. XVIII, стр. 401.

Никонъ перевелъ Славеницкаго, Птицкаго и Арсенія Грека въ Чудовъ монастырь и „сдѣлалъ Славеницкаго ректоромъ *Чудовскаго училища*“. Это была патріаршая школа и вмѣстѣ типографія и учрежденіе для исправленія богослужебныхъ книгъ [1]). Она въ 1674 году переведена въ Крутицкій монастырь подъ надзоръ Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго. Сатановскій былъ перемѣщенъ въ Богоявленскій монастырь (не извѣстно—школьнымъ учителемъ или просто въ братство). Въ 1666 году прихожане церкви Іоанна Богослова подали царю челобитную о *дозволеніи* устроить въ ихъ приходѣ училище. Съ согласія царя патріархи восточные и Московскій Іосафъ дали имъ грамоту на заведеніе училища славяно-греко-латинскаго [2]) — какъ повѣствуетъ историкъ Московской академіи; историкъ же Россійской іерархіи сообщаетъ объ этомъ нѣсколько иначе: патріархи „дали за подписаніемъ своимъ грамату, чтобы у нихъ священнику быть ученому, могущему учити народъ и при церкви сей быти школѣ греческія и славенскія граматики“ [3]).

Изъ этихъ фактовъ видно, что 1) и въ Москвѣ корпораціи, заботившіяся о дальнѣйшемъ движеніи образованія, выходятъ первоначально изъ приходскихъ общинъ (прихожане Іоанно-Богословской церкви); 2) корпораціи эти и здѣсь стремятся примкнуть къ прежнимъ церковнымъ учрежденіямъ, чтобы подъ этою знакомою, привычною имъ формою пользоваться гражданскими правами юридическаго лица (Андреевскій монастырь); 3) цѣль, для которой учреждаются эти корпораціи, есть не элементарное, а среднее, именно филологическое образованіе („ученіе граматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи“... ...„быть школѣ греческія и славенскія граматики“). Исключеніе латинскаго языка, которое многіе приписываютъ политикѣ іерарховъ восточной церкви (боявшихся римской пропаганды), какъ видно, здѣсь не имѣло мѣста; 4) образованіе, сообщаемое въ Московскихъ школахъ не имѣло принудительнаго характера („хотящимъ тому ученію внимати“); 5) оно было предназначено для всѣхъ сословій и было лишено профессіопальнаго характера (въ частности—училища эти не были духовными, то-есть, не имѣли един-

---

[1]) *Смирновъ*, 5—6.

[2]) Ист. Моск. Акад. *Смирнова*, стр. 7.

[3]) Ист. Росс. іер. I, 420, со ссылкою на «подлинную о семъ грамоту, сохраняющуюся въ Московской патріаршей библіотекѣ подъ № 9».

ственною своею цѣлію приготовленіе кандидатовъ на церковныя должности): „Создася отъ окольничего О. М. Ртищева... ради во ономъ (Андреевскомъ) монастырѣ *Россійскаго рода* во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія“ [1]).

Но сходство не идетъ дальше; корпораціи и починъ частныхъ лицъ въ Москвѣ не встрѣтили такого нехладнокровно-враждебнаго отношенія къ нимъ, какое обнаружилось къ корпораціямъ въ государствѣ Польскомъ; а поэтому и дѣйствія Московскихъ братствъ не были ни столь продолжительны, ни столь обширны. Правительство (церковное и государственное) поспѣшило имъ на встрѣчу и тотчасъ же само *овладѣло ихъ задачами.*

Мы видѣли судьбу братства Андреевскаго; вскорѣ послѣ его основанія (во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ чрезъ 15 лѣтъ), южно-русскихъ ученыхъ, положившихъ начало братству, поставилъ въ зависимость отъ себя патріархъ Никонъ и основалъ въ Чудовѣ свое правительственное (административное, учебное и ученое) учрежденіе.

Андреевскій монастырь уцѣлѣлъ (можетъ-быть, съ остатками какой-либо школы) не на долго: царь, по проекту грамоты 1682 года Московской духовной академіи, говоритъ: „Придаемъ (къ ней) и монастырь Андреевскій близь нашего царственнаго града на р. Москвѣ стоящій, — того ради, яко той монастырь, по благоволенію отца нашего... создася отъ нашего ближняго человѣка, чиномъ окольничаго, Ѳ. М. Ртищева, мужа весьма всякаго блага рачительнаго, ради во ономъ монастырѣ россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія,—дабы и оное —отца нашего блаженной памяти – благое и памяти достойное о свободныхъ мудростей ученіи тщаніе и *вѣрнаго нашего раба благопослушное, прилежное* о ономъ дѣлѣ *радѣніе, при нашемъ царскомъ усердномъ о устроеніи свободныхъ мудростей ученій благоволеніи и дѣйствомъ произведеніи вѣчно пребывало*“ [2]), то-есть, учрежденіе, созданное волею частныхъ лицъ, обращается въ правительственное, ради упроченія его существованія съ тѣми же цѣлями.

---

[1]) Слова грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича Московской Академіи. См. Ист. Росс. іерарх. I, 523.

[2]) Тамъ же, стр. 522 — 523. Нужно помнить, что грамота 1682 года есть проектъ, не во всѣхъ частяхъ выполненный; но судьба Андреевскаго монастыря едва-ли не была рѣшена въ указанномъ здѣсь смыслѣ.

Безъ сомнѣнія, и Іоанно-Богословское училище не долго просуществовало въ качествѣ средней школы, принадлежащей частной корпораціи, потому что тотъ же проектъ (§ 6) говоритъ: „Указъ нашъ царскій непорушно полагаемъ, еже бы ни единому кому здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и въ прочихъ нашея царскія державъ градѣхъ, развѣе сего отъ насъ великаго государя учиненнаго училища, въ своихъ домѣхъ греческому, польскому и латинскому и прочимъ страннымъ (иностраннымъ) языкамъ... домовыхъ учителей не держати и дѣтей своихъ не учити, точію въ семъ единомъ училищѣ да учатся“... [1]). Хотя здѣсь воспрещаются лишь частныя школы, основанныя безъ разрѣшенія учебнаго начальства, но такъ какъ начальство это относилось ревниво ко всякой конкуренціи, то нужно думать, что мысль грамоты вѣрнѣе выражается въ послѣдней приведенной фразѣ: „точію въ семъ единомъ общемъ училищѣ да учатся“.

Итакъ, въ Московскомъ государствѣ правительство овладѣваетъ задачами, которыя были созданы и осуществлены въ западной Руси корпораціями. Подъ именемъ правительства мы разумѣемъ здѣсь какъ высшую государственную власть, такъ и высшее церковное управленіе. Мы видѣли уже, что при особенныхъ отношеніяхъ церкви и свѣтской власти въ Московскомъ государствѣ, въ приходской общинѣ сливаются и государственный, и церковный элементы въ одно нераздѣльное цѣлое; видѣли далѣе, что корпораціи—братства, назывался церковными, даже въ Польшѣ пріобрѣли и удержали за собою вполнѣ государственный характеръ. Такое же тѣсное сліяніе обнаруживается и въ высшихъ сферахъ Московскаго государственнаго устройства и управленія. „Мы, великій государь, по совѣту и благословенію благожелательнаго во св. Дусѣ отца нашего и богомольца, святѣйшаго киръ-Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи... благоволимъ въ... градѣ Москвѣ... на взысканіе юныхъ свободныхъ ученій мудрости... храмы чиномъ академіи устроити“ [2]). Уставъ предполагаемой академіи долженствовалъ быть составленъ по царскому разсмотрѣнію и по сужденію патріарха: „Чинъ академическій... напишется и нашимъ царскимъ разсмотрѣніемъ, по совѣту со отцомъ нашимъ и богомоль-

---

[1]) Ист. Росс. іер., стр. 519—520.

[2]) Тамъ же, стр. 519—520.

цемъ св. патріархомъ, усудится“ [1]). Училище Заиконоспасское есть государственное высшее учебное заведеніе, и въ то же время оно есть училище церковное.

Церковное и свѣтское правительство пришло въ XVII вѣкѣ къ довольно ясному сознанію, что на немъ лежитъ неотложная обязанность пропаганды средняго и высшаго образованія; границы полицейской дѣятельности государства въ это время вообще расширились; цѣлое направленіе законодательства во вторую половину XVII вѣка (послѣ Уложенія) характеризуется полицейскимъ направленіемъ его: полиція безопасности, полиція экономическаго благоустройства разширяютъ сферу законодательства, которое прежде вовсе не касалось вопросовъ полицейскаго права, ограничиваясь карательными мѣрами вмѣсто мѣръ предупредительныхъ.

Ясное сознаніе лежащихъ на государствѣ задачъ относительно народнаго образованія выразилось въ проектѣ академической привилегіи слѣдующимъ образомъ: „Мы, великій государь,... тщахомся врученное намъ отъ всѣми царствующаго царя Россійское царствіе право правити и должности царскія совершати, отъ нихъ же есть первая и величайшая должность охраненіе восточныя православныя вѣры и тоя о расширеніи промышленія; та же той подобная о благочинномъ государства управленіи и о защищеніи имѣть тщаніе“. Зная, говорится далѣе, что источникъ этого благосостоянія есть образованіе (мудрость), „ни о чесомъ же тако тщаніе сотворяемъ, якоже о изобрѣтеніи премудрости, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ дарствуется“, то-есть, образованіе признается важнѣйшею задачею государства, какъ исходный пунктъ и причина успѣшнаго дѣйствія прочихъ частей государственнаго управленія.

Правительство XVII вѣка поставлено было въ *необходимость* признать народное образованіе одною изъ задачъ своей дѣятельности. Государство Московское уже перестало жить изолированною жизнію. Напоръ европейской образованности и съ запада, и съ юга сдѣлался не отразимымъ; вопросъ этотъ грозилъ породить международныя затрудненія, а самое русское образованіе готовилось перейдти въ руки сосѣднихъ иностранныхъ правительствъ. „Сигизмундъ III, чрезъ посла своего Льва Сапѣгу, просилъ царя Бориса позволить ему завести въ большихъ городахъ Россіи—въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ для Поляковъ костелы, а при нихъ училища и для Русскихъ,

[1]) Тамъ же, стр. 321.

которымъ, сверхъ того, позволялось обучаться въ училищахъ Литовско-Русскаго княжества“ [1]). По словамъ Н. Берга (въ предисловіи къ его „Разсужденію о состояніи церкви о религіи Московской“ [2]) „Карлъ XI, Шведскій король, на лифляндскихъ границахъ заводилъ русскія школы для обращенія Русскихъ въ лютеранскую вѣру“ [3]).

Такимъ образомъ, западная образованность стояла въ полномъ вооруженіи на границахъ государства, готовясь вторгнуться въ него силою. Цѣлію такого вторженія были далеко не мирныя побѣды разума: посредствомъ его, съ одной стороны, іезуиты хотѣли ввести католичество, а съ другой, фанатически-протестантское шведское правительство — протестантизмъ. Но и это не было конечною цѣлію пропаганды. Какъ извѣстно, оба сосѣднія государства, Польша и Швеція, именно въ XVII вѣкѣ, хотѣли порѣшить съ Москвою старинный споръ о западныхъ и южныхъ пограничныхъ пунктахъ - Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ. Еслибы населеніе этихъ мѣстностей было духовно отторгнуто отъ Московскаго государства, то и отторженіе ихъ политическое сдѣлалось бы несомнѣннымъ. Извѣстно, что онѣ дѣйствительно, хотя и на короткое время, отпали къ Польшѣ и Швеціи въ томъ же XVII вѣкѣ; извѣстно далѣе, что замыслы іезуитской и протестантской пропаганды не ограничивались лишь упомянутыми мѣстностями: Сигизмундъ III (то-есть, скрывавшіеся за нимъ іезуиты) думалъ просвѣщать русское юношество въ самой Москвѣ. Тамъ же открыто велась пропаганда лютеранства, которая несомнѣнно дала направленіе и крѣпкое содержаніе самымъ непримиримымъ фракціямъ русскаго раскола. Такимъ образомъ, наплывъ западнаго образованія грозилъ тревогами и опасностями одинаково политической цѣлости и внутреннему устройству страны. Образованіе стало интересовать правительство уже не какъ одна изъ задачъ администраціи, но какъ вопросъ о существованіи и цѣлости государства. Правительству предстояла неотложная необходимость парализовать враждебную пропаганду заботами о самобытномъ распространеніи образованія и открыть двери западной наукѣ, по вмѣстѣ съ тѣмъ предотвратить пагубные планы, для которыхъ она служила лишь орудіемъ.

---

[1]) *Лебедевъ*: О степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи. Спб. 1848 г., стр. 55—56. См. Сборн. кн. Оболенскаго, изд. 1838, № 7.

[2]) *Nicol. Bergii* de statu Ecclesiæ et religionis Moscoviticæ. Edit. Lub. 1709.

[3]) Ист. Росс. іер., т. I, стр. 418 — 419.

Съ другой стороны, восточные іерархи, представители той страны, которая стремилась водворить на Руси образованіе безъ всякихъ задпихъ политическихъ и религіозныхъ соображеній, съ неменьшею настойчивостію убѣждали Московское государство спѣшить этимъ дѣломъ. Пропаганда католическая и протестантская принесла свои плоды; послѣ политическихъ смутъ наступило умственное броженіе; возникли почти безвыходныя разномыслія и сомнѣнія. Правительство обратилось тогда къ источнику нашего христіанскаго просвѣщенія, къ Греціи, и оттуда стали безпрерывно появляться іерархи. Одинъ изъ нихъ, Паисій Лигаридъ, посѣтившій Москву въ 1660 году, указалъ на отсутствіе училищъ и библіотекъ, какъ на главнѣйшую причину ересей. „Еслибъ у меня спросили", писалъ онъ, „какіе столпы *церкви и государства*, я отвѣчалъ бы: вопервыхъ — училища, во-вторыхъ — училища и втретьихъ — училища" [1]). Пріѣздъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, приглашенныхъ въ 1666 году на соборъ для умиротворенія смутъ церковныхъ и государственныхъ, имѣлъ, относительно вопроса о просвѣщеніи, рѣшительное вліяніе на правительство. По словамъ проекта привиллегіи Московской академіи, патріархи „благословили разными діалекты: греческимъ, славянскимъ и латинскимъ ученію здѣ во Россіи быти, а противящихся клятвѣ предали и писаніемъ и своихъ рукъ приписаніемъ утвердили" [2]). „Въ проповѣди на день Рождества Христова они убѣждали царя завести греческія и славянскія училища.... внушали пастырямъ церкви содѣйствовать благому дѣлу ученія доходами съ церковныхъ имѣній, ссылались на совѣтъ патріарховъ, утвердившихъ патріаршество въ Россіи, сотворить въ Москвѣ соборъ училищный и обѣщали значительныя выгоды отъ училищъ церкви и государству" [3]). Хотя правительство признало народное образованіе своею задачей и не могло не признать его; но оно не могло бы взяться за исполненіе ея, если бы путь ему не былъ проложенъ дѣятельностію корпорацій. Этою дѣятельностію были приготовлены средства, безъ которыхъ попытки

[1]) *Смирновъ*: «Ист. Моск. Сл. Гр. Лат. Академіи», стр. 7.

[2]) Ист. Росс. іер. I, стр 519. На основаніи приведеннаго мѣста грамоты, Амвросій пишетъ: «патріархи открытою грамотою дозволили въ Россіи обучаться наукамъ на греческомъ, латинскомъ и славянскомъ языкахъ, а противящихся тому клятвѣ предали»: Ib., стр. 419.

[3]) *Смирновъ*: «Ист. Моск. Сл. Гр. Лат. Акад.», стр. 7. См. также Вечерю Духовную Симеона Полоцкаго. М. 1683 г.

правительства остались бы на степени желаній, какъ это и случилось при Борисѣ Годуновѣ.

Если правительство XVII вѣка и поставило народное образованіе одною изъ задачъ своей дѣятельности, то спрашивается, что же понимало оно подъ этою задачей? Отъ различныхъ взглядовъ на это дѣло измѣняется и его сущность; образованіе можетъ быть разсматриваемо какъ цѣль государственнаго управленія и какъ средство для достиженія другихъ государственныхъ цѣлей. Для XVII вѣка этотъ вопросъ ужь отчасти рѣшается приведенными выше фактами и соображеніями. Предметъ, на который обращаются правительственныя заботы по народному образованію, есть *мудрость*.

Нынѣшній терминъ „образованность“ замѣнялся тогда словомъ: „мудрость“; этимъ обозначалось раскрытіе духовныхъ силъ человѣка, которое имѣетъ неизбѣжнымъ своимъ послѣдствіемъ сдѣлать изъ него хорошаго гражданина и хорошаго сына церкви. Обстоятельства времени требовали именно развитія въ народѣ этой мудрости, потому что опасности, грозившія государству, заключались не въ ослабленіи внѣшнихъ его силъ, а въ умственной шаткости, одинаково вредной и для церкви, и для государства. Поэтому мудрость заключаетъ въ себѣ всесторонность знаній, такъ-называемое высшее общее образованіе.

Такая задача и съ такимъ пониманіемъ ея важности указывается правительству ученою литературою XVII вѣка. Юрій Крыжаничъ, въ своей Политикѣ, посвящаетъ особый (3-й) отдѣлъ — „мудрости“, то-есть, образованію. Сказавъ, что въ исторіи образованности народы чередуются, онъ убѣжденъ, что въ его время (при царѣ Алексѣѣ) настала и для Славянъ пора войдти во всемірный кругъ, чтобы „постараться стереть плесень древней дикости“, установить строй общества болѣе похвальный и достигнуть бо́льшаго благосостоянія. Тѣхъ, которые считали высшее образованіе — богословское, философское и филологическое — ересью, онъ самъ обвиняетъ въ ереси, которую называетъ „мудроборскою“, и доказываетъ мѣстами изъ Священнаго писанія, что попеченіе объ образованіи есть обязанность государей: „Цари, если вы любите троны и скипетры, то любите образованность; чрезъ это вы долго будете царствовать. Любите свѣтъ мудрости всѣ, кто держитъ власть въ народахъ“. Подъ образованіемъ, какъ одною изъ правительственныхъ задачъ, Крыжаничъ понимаетъ образованіе философское, которое заключается въ способности здраваго сужденія,

но непосредственно не сообщаетъ реальныхъ знаній: „filosofia [1]) non est ars, neque scientia aliqua, sed est potius diligens et meditata prudentia, sive peritia judicandi de rebus omnibus.... Fil sofus et nihil scit et omnia scit“ [2]). Вслѣдствіе того, образованіе имѣетъ у него характеръ „мудрости“, болѣе или менѣе доступной каждому и требуемой отъ каждаго; у него спеціальныя знанія являются лишь результатомъ „мудрости“ и состоятъ изъ математики, естествовѣдѣнія, медицины, филологіи, наукъ политическихъ и юриспруденціи. Изо всѣхъ разрядовъ этихъ факультетскихъ знаній, по мнѣнію Крыжанича, послѣдній есть самый важный для государства. Онъ убѣжденъ, что разрядъ наукъ, имѣющій высшее значеніе съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, это—науки политическія, которыя, по его схемѣ, представляютъ вѣнецъ философскаго образованія. Изъ мірскихъ наукъ благороднѣе и выше всѣхъ — политика или государственная „мудрость“; она наиболѣе прилична царямъ и ихъ совѣтникамъ. Содержаніе политическихъ наукъ состоитъ изъ знаній, существенно необходимыхъ для государственнаго человѣка и администратора, а именно: изъ знанія экономическихъ силъ государства (экономической статистики), изъ знанія духовныхъ и внѣшнихъ особенностей своего народа, изъ познанія „блага“ (какъ предмета политической экономіи), государственнаго устройства своего народа, какъ современнаго, такъ и прежняго (то-есть, изученія дѣйствующаго права и исторіи русскаго права), наконецъ — изъ политики въ собственномъ смыслѣ и того, что̀ мы теперь называемъ международнымъ правомъ.

Тѣ народы, говоритъ Крыжаничъ, которые не изучаютъ государственныхъ и философскихъ наукъ и высшихъ техническихъ знаній, называются варварами. Къ такимъ причисляются, между прочимъ, и Славяне; если они не знаютъ, какія изъ своихъ учрежденій слѣдуетъ имъ удержать и какія измѣнить, то причиной этого ихъ невѣжество. Такимъ образомъ, отсутствіе извѣстныхъ знаній въ народѣ можетъ сдѣлаться непосредственною причиной бѣдствій для государства. Зна-

---

[1]) Таково правописаніе Крыжанича.

[2]) «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка», изд. *Безсонова*, М. 1859 г., ч. I. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «философствовать или мудрствовать значитъ ничто иное, какъ разсуждать о причинахъ вещей: отъ чего, для чего, какимъ образомъ и къ чему бываетъ то или это. Поэтому, всякій разумный человѣкъ есть философъ» (стр. 115).

нія эти хотя и имѣютъ профессіональный характеръ, но составляютъ не болѣе, какъ прикладную часть философскаго образованія [1]).

Отъ указанной цѣли не отступаетъ и другой проектъ XVII вѣка, хотя и посвященный собственно реальному образованію, а именно проектъ 1682 года объ учрежденіи въ Россіи мѣстъ призрѣнія, рабочихъ домовъ, ремесленныхъ училищъ и профессіональныхъ школъ. Начальство каждаго города, говоритъ составитель проекта, преимущественно должно заботиться о томъ, чтобы возрастающіе граждане преуспѣвали въ благихъ нравахъ, наукахъ и знаніи ремеслъ. Этимъ обезпечиваются тишина, миръ и „благословенство“ каждаго города. Какъ дикія деревья не могутъ приносить хорошихъ плодовъ, если

---

[1]) Схема Крыжанича весьма замѣчательна; мы приведемъ ее здѣсь съ цѣлью уяснить, чего хотѣли достигнуть (если не достигали), предполагая въ Московской академіи учить наукамъ «гражданскимъ и духовнымъ», кончая «философіею разумительною, естественною и нравною». Все знаніе (scientia), по Крыжаничу, раздѣляется на *знаніе духовное* и *знаніе мірское:*

I. Знаніе духовное состоитъ изъ а) богословія спекулятивнаго (speculativa— «разсмысельнаго» богословія). б) ученія о Священномъ Писаніи «богословія письменнаго» (Theologia scripturalis) и в) нравственнаго богословія («нравное»). Вотъ и весь порядокъ богословскихъ знаній.

II. Область знанія мірскаго состоитъ изъ механики, подъ которою разумѣются прикладныя знанія («рукодѣліе и промыселъ»), математики и философіи. Первая заключаетъ въ себѣ: а) знаніе ремеслъ, б) сельскаго хозяйства и в) науку о торговлѣ. Вторая, то-есть, математика, состоитъ изъ а) ариѳметики, б) музыки, в) геометріи и г) астрономіи. Наконецъ третья, то-есть, философія, состоитъ изъ а) логики, б) физики, в) этики. А. Логика («бесѣдное ученіе» по переводу Крыжанича) это то, что̀ проектъ привиллегіи академіи назвалъ «философіей разумительною»; она заключаетъ въ себѣ: α) грамматику, β) риторику и піэтику и γ) діалектику, то-есть, всю филологическую часть человѣческаго вѣдѣнія. Б. Физика («природное ученіе») это то, что̀ проектъ привиллегіи назвалъ «философіею естественною»; она заключаетъ въ себѣ всю область естествовѣдѣнія, какъ чистаго, такъ и прикладнаго, а именно: α) Notitiam simplicium — «познаніе простыхъ тѣлесныхъ вещей» (органическихъ и неорганическихъ) и β) медицину. Наконецъ, В. этика заключаетъ въ себѣ ученіе объ обществѣ (соціальныя науки въ обширномъ смыслѣ); сюда принадлежатъ: α) Sdyoetika («особуйное нравоученіе»), то-есть, ученіе о личной нравственности («како всякій человѣкъ самъ у себя имаетъ благонравно жить»); β) экономію и γ) политику, которую Крыжаничъ называетъ «царскою мудростію», наконецъ δ) юриспруденцію, которая, судя потому, что стоитъ у него въ таблицѣ, а въ текстѣ не упоминается, должна считаться лишь одною изъ частей политики. Русск. госуд. I, стр. 120 — 123. Читатель замѣтитъ, конечно, что эта схема существенно разнится отъ господствовавшихъ въ средніе вѣка искаженій схемы Аристотелевой.

не отрѣзать ихъ грубыхъ вѣтвей и не привить къ нимъ отпрыскъ хорошаго дерева..., такъ точно и человѣкъ, по природѣ склонный болѣе къ злу, чѣмъ къ добру, не выступитъ на истинный путь по внушенію лишь своей природы, если въ молодости не будетъ искоренена наукою прирожденная ему грубость. „*И человѣкъ, кромѣ* (безъ) *ученія, человѣкомъ именоватися не можетъ, для того, что не вѣсть какъ* (почему) *онъ человѣкъ*. И во вся дни живота своего (аще и зѣло почтенъ, еже образъ Бога невидимаго носити ему) пребываетъ аще и живъ, но мертвъ, и видя, но слѣпъ“ [1]).

Приведенные нами отрывки изъ Крижанича легко уясняютъ смыслъ, который придавали въ XVII вѣкѣ слову „мудрость“. То же самое встрѣчаемъ мы и въ проектѣ привиллегіи академіи: „Благоволимъ храмы чинамъ академіи устроити и въ оныхъ хощемъ сѣмена *мудрости*, то-есть, науки гражданскія и духовныя, начеше отъ граматики, піитики, риторики, діалектики и философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословія, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія, постановити, притомъ и ученію правосудія духовнаго и мірскаго и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ составляется, быти“. Цѣль этого образованія есть достиженіе такого состоянія, при которомъ человѣкъ дѣлается одинаково полезнымъ „и церкви Божіей, и намъ великому государю, и всему нашему царствію“; но важнѣе всего — совершенствованіе индивидуальное—„душамъ вѣрныхъ спасенное дѣло мудрость сама себѣ цѣль, а прочее все приложится къ ней; за „мудростію“ (умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ) слѣдуютъ какъ необходимые результаты: преуспѣяніе общественныхъ учрежденій, охраненіе внутренней и внѣшней цѣлости церкви и распространенія границъ ея, а въ государствѣ—хорошая администрація („благочинное расположеніе“), правосудіе въ отправленіяхъ юстиціи („правосудства управленіе“), защита и даже распространеніе государственныхъ предѣловъ [2]).

---

[1]) *Стоглавъ*: «О началѣ устроенія и распространенія въ Россіи общественнаго призрѣнія» (мнимый указъ царя Ѳеодора Алексѣевича).

[2]) Подробно излагается этотъ взглядъ на образованіе, какъ на одну изъ задачъ государственной дѣятельности, въ предисловіи къ проекту академической привиллегіи: «знающе... царскихъ должностей родительницу и содержательницу быти мудрость; ибо оною паче иныхъ всѣхъ образовъ слава Божія умножается православная наша восточная вѣра отъ злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ цѣлости сохраняется и расширяется, варварскіе народы богопознаніемъ про-

Общее образованіе съ его спеціальными результатами казалось тогда единственно пригоднымъ средствомъ для предотвращенія тѣхъ золъ, какія грозили государству отъ наплыва иностраннаго образованія и отъ многовѣковой замкнутости въ безысходномъ кругу низкаго элементарнаго обученія. По духу того времени (времени всеобщей религіозной пропаганды) и по характеру утвердившихся золъ это общее образованіе не чуждо церковнаго характера; но признать его исключительно церковнымъ было бы крайне ошибочно.

Общее *образованіе есть общее достояніе всѣхъ классовъ*: „Сему нашему отъ насъ, великаго государя, устроенному училищу быти общему и всякаго чина, сана и возраста людемъ, точію православныя христіанскія восточныя вѣры, приходящимъ ради ученія, безъ всякаго зазора свободному, въ немъ всякія отъ церкви благословенныя, благочестивыя науки да будетъ“ [1]). И дѣйствительно, даже долго спустя по основаніи, при господствѣ уже новой системы народнаго образованія, Московская академія сохраняла характеръ всесословнаго заведенія.

Изученіе свободныхъ наукъ (artes liberales), а равно и пріобрѣтеніе образованности (мудрости), составляющей ихъ цѣль и внутренній духъ, не могутъ быть достигаемы путемъ административнаго принужденія. Правительство того времени признавало возможнымъ лишь „подобающее учрежденіе сотворити, заповѣдающе всѣмъ, иже *требуютъ ума*, да пріидутъ тамо и ядятъ хлѣбъ слова Божія и піютъ вино разсужденія, безъ всякаго сребродаянія туне“ [2]). Впрочемъ старые историки Московской академіи, Поликарповъ и Амвросій, сообщаютъ, „что патріархъ... *собравъ* отъ всякаго званія малыхъ дѣтей числомъ до 30, повелѣлъ іеромонаху Тимоѳею имѣть надъ ними надзираніе“ [3]); это о первоначальномъ заведеніи греческой типографской школы; а новый историкъ Московской академіи пишетъ, что при открытіи ея, въ новое ея помѣщеніе, то-есть, въ Спасскій мо-

---

свѣщаются.... правовѣрные же очищенія совѣсти хранить научаются (то-есть, развивается нравственное чувство); тою же вся царскія благочинное расположеніе и правосудное управленіе и великое распространеніе пріобрѣтаютъ. Сокращеннѣе же рѣчемъ: мудростію во вещѣхъ гражданскихъ и духовныхъ познаваемъ злое и доброе: злое—да отъ него уклонимся, доброе — да ему послѣдствуемъ». Ист. Росс. іер. I, 517.

[1]) Пунктъ 5 акад. привилл.

[2]) Ист. Росс. іерар. I, 521.

[3]) Древн. Росс. Вивл. ч. VI, стр. 297 (изд. 2-е).

пастырь „переведены всѣ ученики изъ типографской школы; къ нимъ, по *указу царей*, вскорѣ присоединены до 40 боярскихъ дѣтей и значительное число разночинцевъ“ [1]). Фактъ этотъ, случившійся въ 1686 году при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, служилъ бы доказательствомъ, что правительство уже тогда начало прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ для распространенія просвѣщенія, еслибъ о немъ не было упомянуто такъ глухо. Таково же извѣстіе, сообщенное Невиллемъ (въ Извѣстіяхъ о Московіи 1689 года) и приводимое г. Смирновымъ. „Онъ (Голицынъ) построилъ огромное зданіе для коллегіума, гдѣ опредѣлилъ содержать 20 греческихъ ученыхъ людей, со множествомъ книгъ, приказавъ дворянамъ отдавать дѣтей своихъ учиться въ сіе заведеніе“. По проекту академической привиллегіи (§ 10) тогдашнее правительство считало возможнымъ прибѣгать лишь къ средствамъ поощренія: ученики, успѣшно изучившіе курсъ свободныхъ наукъ, особенно же языковъ славянскаго, еллино-греческаго, польскаго и латинскаго и получившіе въ томъ свидѣтельство отъ академіи, „могутъ быть милостиво пожалованы въ приличные чины ихъ разуму“. А людей, не учившихся свободнымъ наукамъ, велѣно было не допускать къ государственнымъ чинамъ: стольниковъ, стряпчихъ и прочихъ, развѣ они окажутъ особенные подвиги на войнѣ или на другихъ поприщахъ государственной службы.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какими вообще мѣрами тогдашнее правительство намѣревалось распространить въ народѣ общее всесословное и свободное образованіе. Ему предлежалъ путь почти обратный тому, котораго держались въ этомъ отношеніи правительства западной Европы. Эти послѣднія, найдя у себя уже готовыя и сильныя образовательныя учрежденія, созданныя сословіями, сначала регулировали ихъ посредствомъ законодательства потомъ — подчиняли ихъ своему надзору, включали ихъ въ систему общаго управленія, и наконецъ, сами начинали устроивать учебныя заведенія, чтобы новою системою сломить старыя начала сословнаго образованія. Подобнаго рода дѣятельность правительствъ западныхъ возникла именно въ то время, какъ и наше правительство принимаетъ на себя заботы о народномъ образованіи. Но оно застало готовыми лишь элементарныя школы; не богатыя сословія, а бѣдныя общины завѣдывали ими. Не было надобности вооружиться противъ него законодательными мѣрами, не возможно было брать подъ общій

[1]) Ист. Моск. Ак. стр. 25.

контроль центральной администраціи разбросанную сѣть приходскихъ школъ. Нашему правительству приходилось начать съ того, чѣмъ кончили правительства западной Европы, а именно—съ *учрежденія школъ*. Оно такъ и поступило.

Какъ скоро сталъ развиваться новый взглядъ на полицейскія обязанности государства, то тотчасъ же возникаютъ и правительственныя школы. Татищевъ сообщаетъ, что одновременно съ основаніемъ братскихъ училищъ въ западной Россіи, именно въ самомъ концѣ XVI вѣка, Борисъ Годуновъ открылъ въ Московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ училище „для всенароднаго обученія разнымъ языкамъ“, но что невѣжество впослѣдствіи не пощадило его; изученіе иностранныхъ языковъ признано было дѣломъ еретическимъ [1]). Хотя это извѣстіе не противорѣчитъ вообще мѣропріятіямъ Бориса, но мы не знаемъ, на чемъ оно основано, и по краткости своей оно не допускаетъ никакихъ выводовъ для нашей цѣли. Гораздо важнѣе извѣстіе, сообщенное Олеаріемъ, что онъ самъ видѣлъ въ Москвѣ, близъ патріаршаго дворца, въ 1633 году училище, основанное *съ согласія* патріарха Филарета Никитича, что преподавателемъ въ немъ былъ Грекъ Арсеній, и что царь и патріархъ хотѣли завести въ разныхъ мѣстахъ своего государства такія же школы. Амвросій называетъ такое училище греко-славянскимъ [2]); это первое *правительственное учебное заведеніе* въ Москвѣ, несомнѣнно существовавшее Чудовское училище. Имъ и начинается непрерывная традиція общественнаго средняго образованія въ Московскомъ государствѣ. Училище это, поглотивъ впослѣдствіи Андреевское братство, а можетъ быть, Іоанно-Богословскую школу, послужило разсадникомъ для цѣлаго ряда школъ; оно доставило учениковъ, и отчасти, учителей славяно-греко-латинской Академіи. Свѣдѣнія о немъ весьма скудны: знаемъ только, что Арсеній былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, возвращенъ оттуда Никономъ и вновь изъ Андреевскаго братства перешелъ въ то же Чудовское училище. Вѣроятно, во время его ссылки школа была временно закрыта.

Извѣстіе, сообщенное Татищевымъ о томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ возобновилъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ училище, осно-

---

[1]) Ист. Росс. I, 575.

[2]) Ист. Росс. іер. I, 418, и С. М. Соловьевъ—«греко-латинскимъ» училищемъ (Ист. Рос. ст. IX, стр. 457. О предшествующей судьбѣ Арсенія Грека или Глухова см. Ист. Росс. IX, стр. 432—442).

ванное Борисомъ Годуновымъ, опять принадлежитъ къ числу совершенно голословныхъ, которыми трудно пользоваться для нашей цѣли.

Наконецъ, въ исходѣ XVII вѣка возникаетъ, по образцу братскихъ школъ западной Руси, училище, съ основанія коего и начинаютъ обыкновенно исторію средняго и высшаго образованія въ Московскомъ государствѣ, а именно славяно-греко-латинская школа. Заведеніе это было совершенно правительственное: „Государь, движимъ ревностію по благочестію, возпамѣрился упадающее на востокѣ просвѣщеніе возстановить въ Россіи и для сего завести въ Москвѣ греческую школу.... Сіе намѣреніе онъ открылъ патріарху Іоакиму, который назначилъ быть училищу сперва въ типографскихъ верхнихъ палатахъ и собралъ онъ всякаго званія малыхъ дѣтей.... Сколь великое имѣли попеченіе о семъ училищѣ царь и патріархъ, видно изъ того, что они почти каждую недѣлю посѣщали оное и награждали учащихъ и учащихся“ [1]).

Но гдѣ же тѣ духовныя силы, съ помощью коихъ могло бы Московское правительство „возстановить въ Россіи упадающее на востокѣ (и именно въ Греціи) просвѣщеніе“? Имѣя въ виду духовное (geistliche) образованіе народа, оно не рѣшалось, конечно, безъ разбора призывать къ преподаванію всякаго спеціалиста, всякаго „мастера своего дѣла“. Только южно-русскія братскія школы могли доставить довольно значительный контингентъ учителей. Правда, въ южной Руси успѣхи католичества и уніи были уже столь значительны, и направленіе, господствовавшее въ школахъ, столь разнообразно, что Московскимъ дѣятелямъ трудно было отличать зерно отъ плевелъ. Факты дѣйствительно указываютъ, что опасность была не малая. „Когда за предѣлами Московскаго государства разнеслась вѣсть, что въ Москвѣ предполагаютъ учредить академію, ученые изъ сосѣднихъ намъ западныхъ странъ разныхъ вѣроисповѣданій спѣшили предложить свои услуги и одинъ за другимъ являлись въ Москву.... Стремясь къ одной и той же цѣли завладѣть правомъ обученія какъ монополіей, каждый изъ нихъ думалъ выиграть и угодить правительству обличеніемъ своего совмѣстника въ нечистотѣ исповѣданія христіанской вѣры. Такъ, Янъ Бѣлободскій на судѣ патріарха былъ обличенъ въ различныхъ заблужденіяхъ вслѣдствіе доноса на него, сдѣланнаго Павломъ Негребецкимъ отъ 19-го мая 1681 года. Между тѣмъ неоднократныя предложенія и самого Негребецкаго пригласить

[1]) Ист. Росс. іер., I, 514.

ученыхъ изъ юго-западныхъ русскихъ областей не были уважены, не смотря на то, что онъ увѣрялъ въ отличныхъ достоинствахъ рекомендованныхъ имъ людей и особенно хвалилъ въ нихъ ревность и усердіе къ православію. По той же причинѣ и Симеонъ Петровскій Ситіановичъ Полоцкій, въ продолженіе служенія своего при дворѣ (1664—1680 гг.) царя, не пользовался довѣріемъ Московскаго духовенства" [1]). Однако, факты указываютъ, что началомъ высшаго и средняго общаго образованія сѣверно-русскій народъ обязанъ главнымъ образомъ братскимъ училищамъ.

Правительство могло только внѣшними средствами различать направленіе этой массы ученыхъ авантюристовъ: „Въ училищѣ же нашемъ (говоритъ проектъ академической привиллегіи въ § 3) быти установляемъ блюстителю и учителемъ благочестивымъ (то-есть, православнымъ) и отъ благочестивыхъ родителей рожденнымъ и воспитаннымъ въ православной христіанской вѣрѣ". Новообращенные изъ римской, лютеранской или кальвинской вѣры не имѣютъ правъ на занятіе учительскихъ должностей, „ибо они привыкли тайно злохитростнымъ образомъ вкоренять мало по малу свои ереси въ ученикахъ". Изъ нѣкоторыхъ странъ являлись люди невѣдомые, утверждавшіе, однако, съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, что они рождены и воспитаны въ православіи, а именно изъ литовской Руси и изъ Греціи; но голословнымъ утвержденіямъ ихъ не вѣрили: Греки должны были представлять свидѣтельства отъ православныхъ патріарховъ, а Малороссы и „литовскіе люди"—отъ „достовѣрныхъ благочестивыхъ людей", ибо случалось, что такіе „являются яко бы совершенно благочестивые", а когда довѣріе къ нимъ утвердится, „тогда по малу развратная словеса вѣрѣ нашей всѣвати и оныя непорочную цѣлость терзати начинаютъ". Принятые въ учители должеиствовали приносить особую, на этотъ случай установленную, присягу въ точномъ храненіи вѣры (§ 4).

Фактически Московское правительство принуждено было обратиться въ Грецію за учителями, не смотря на упадокъ тамъ просвѣщенія; и дѣйствительно, присланные оттуда Іоанникій и Софроній Лихуды воспитывались въ западныхъ университетахъ, пользовались латинскимъ языкомъ для преподаванія, и потому не избѣгли

---

[1]) «О степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи», *Лебедева*, Спб. 1848, стр. 62.

временной ссылки, по обвиненіямъ и настоянію Константинопольскаго патріарха [1]), можетъ быть, совершенно невинно [2]).

Не менѣе опасности представляли и поѣздки Русскихъ за границу съ цѣлію пріобрѣсти тамъ образованіе, и по возвращеніи, занять учительскія должности; они измѣняли родной вѣрѣ для католичества (какъ они увѣряли, по необходимости, то-есть, для того, чтобы быть допущенными къ высшему образованію въ католическихъ школахъ; но также точно они могли увѣрять въ Римѣ, что держатся въ Москвѣ православія лишь наружно) [3]).

---

[1]) *Смирнова*,, Ист. Моск. Ак., стр. 33 и слѣд.

[2]) Однако, надъ ними тяготитъ не выясненное обвиненіе въ томъ, что они сообщали политическія извѣстія въ Константинополь во время войны Русскихъ съ Турками. Тамъ же стр. 71.

[3]) «Послѣ монаха Іова, одного изъ продолжателей ученыхъ занятій въ Московской академіи послѣ братьевъ Лихудовъ, заправителемъ и главнымъ наставникомъ въ ней сдѣлался іеромонахъ *Палладій Роговскій*. Роговскій, или просто Іовъ,—пока не побывалъ за границей и не наслушался польскихъ фамилій, былъ чистый великоросс. Тверской губерніи Кашинскаго уѣзда, изъ вотчинъ Колязинскаго Макарьева монастыря. Постригшись въ монахи въ Саввино-Вишерскомъ монастырѣ (въ нынѣшней Новгородской губ.), онъ скоро прибылъ оттуда для образованія своего въ Москву и учился здѣсь у братьевъ Лихудовъ полтора года, когда они занимались еще въ Богоявленской школѣ. Не удовлетворенный Московскими учеными, Роговскій отправился за границу; годъ слушалъ Виленскихъ іезуитовъ, былъ потомъ въ Силезіи и Моравіи—въ Нисѣ и Ольмюцѣ и учился здѣсь политикѣ и риторикѣ; здѣсь же исповѣдалъ и римское католичество, «желая достигнути высшихъ наукъ, присягнулъ и тако отступничество отъ благочестивыя вѣры учинилъ»... Наконецъ, онъ прибылъ въ Римъ и 7 лѣтъ занимался здѣсь (въ извѣстномъ училищѣ, открытомъ еще папою Григоріемъ XIII въ 1581 году, для всѣхъ выходцевъ съ православнаго востока) высшими философскими и богословскими науками, пока не добился «перстня на руку и вѣнца на главу» съ прибавочными къ нимъ бумагами, то-есть, пока не получилъ званія доктора (это былъ первый докторъ богословія на Руси). Съ такимъ званіемъ Роговскій возвратился въ Москву, представился патріарху Адріану, исповѣданіемъ православной вѣры и особымъ, нарочно составленнымъ, опроверженіемъ всѣхъ латинскихъ заблужденій доказалъ, что онъ православный и если принималъ римское католичество, то «не сердцемъ, но едиными усты... наукъ ради». Но долговременное пребываніе Роговскаго за границей не обошлось ему безъ всякихъ послѣдствій: бывшій ученикъ Лихудовъ забылъ греческій языкъ и могъ хорошо владѣть только языкомъ латинскимъ. Поэтому, выпросивъ себѣ, при содѣйствіи князя П. А. Голицына, должность главнаго наставника въ Московской школѣ, онъ сталъ преподавать науки только на языкѣ латинскомъ. У Роговскаго было до 200 учениковъ, и онъ усердно занимался съ ними, но царь Петръ не удовлетворился состояніемъ образованія въ Московской академіи» (Кіевскіе ученые въ Великороссіи, *И. Образцова* стр. 36).

Наиболѣе надежною мѣрою считалось назначеніе учителями русскихъ воспитанниковъ училища: по отстраненіи Лихудовъ, препоручено было обученіе въ школахъ двумъ старшимъ ученикамъ: Николаю Семенову и Ѳедору Поликарпову. Эта мѣра казалась тѣмъ болѣе разумною, что навсегда предотвращала возможность остаться училищу безъ учителей, ибо вызовъ изъ-за границы былъ сопряженъ съ различными случайностями.

Однако, при крайней нуждѣ въ свѣдущихъ людяхъ во всѣхъ остальныхъ сферахъ государственной жизни, учители могли измѣнить своему призванію для другихъ, болѣе выгодныхъ. Проектъ академической привиллегіи предвидѣлъ эту опасность и старался (въ п. 3) предупредить ее слѣдующимъ образомъ: „Которые сего нашего училища учители чина мірска, не восхотѣвше въ наученіи юныхъ труждатися, имутъ намъ, великому государю, бити челомъ, изъ учителей въ нашу государскую каковую-нибуди службу, и намъ, великому государю, ихъ безъ вѣдомости блюстителя и учителей и его (блюстителя) руки приписанія ни въ какія службы не допущати и нашего государскаго жалованія таковымъ не давати“. Но впослѣдствіи это правило не удержалось: „Въ 1700 году учители (Семеновъ и Поликарповъ), по прошенію типографіи, опредѣлены отъ патріарха Адріана справщиками типографскими“.

Всѣ изложенныя причины тормозили успѣхи образованія и ставили его въ зависимость отъ случайныхъ пріѣздовъ иностранцевъ; училище, къ концу вѣка, оставалось почти безъ преподавателей [1]).

Петръ, указомъ 7-го іюля 1701 года, приказалъ преподавать въ училищѣ латинскій языкъ, и Стефанъ Яворскій, назначенный завѣдывать школою, выписалъ учителей изъ Кіева, отбросивъ въ сторону прежнюю осторожность. Съ тѣхъ поръ Заиконоспасское училище, равно какъ и всѣ ему подобныя, возникшія около того времени, входятъ, какъ составныя части, въ новую — сословно-профессіональную систему образованія.

Если (какъ мы видѣли) корпораціи и незначительными внѣшними

---

[1]) *Смирновъ*, «Ист. Сл.-Гр.-Лат. Ак.», стр. 79: «Послѣдній патріархъ Московскій, стоявшій за идеи царя Ѳеодора и до самой смерти заботившійся о вызовѣ новыхъ ученыхъ изъ Грековъ, въ октябрѣ 1700 года скончался, оставивъ академію въ опасности совершеннаго упадка. Дѣйствительно, непрестанная смѣна наставниковъ въ академіи послѣ Лихудовъ, дошедшая наконецъ до того, что некому было учить, сокращеніе предметовъ ученія, открытое гоненіе на языкъ греческій не могли обѣщать академіи прочнаго существованія».

средствами достигали обильныхъ результатовъ, то о правительственныхъ школахъ нужно сказать совершенно противное: правительство для той же самой цѣли нуждалось въ большихъ *экономическихъ средствахъ*. И никакъ нельзя упрекнуть его въ недостаткѣ щедрости. По проекту академической привиллегіи, Московскому училищу положено было отдать 7 монастырей и одну пустынь „со всѣми крестьянскими и бобыльскими дворы и со всѣми угодьи“. Подобно южно-русскимъ братскимъ школамъ, училище это обезпечивалось земельными имуществами независимо отъ приписныхъ монастырей: ему отдана была цѣлая волость дворцовая (Вышегородская въ Верейскомъ уѣздѣ), 8 пустошей (въ Боровскомъ уѣздѣ, въ Лавышевскомъ стану), „да въ Чугуевѣ на Опаковѣ колодези наше пасечное пустое мѣсто со всѣми угодьи и землею“. Не извѣстно, дѣйствительно ли все это перешло къ Спасскому училищу, но уже одна мысль обезпечить его недвижимою собственностью достойна вниманія. Свѣтскихъ наставниковъ, для которыхъ проектъ хотѣлъ создать безвыходное положеніе, слѣдовало привлечь какими-либо особенными выгодами; и дѣйствительно, проектъ, воспретивъ имъ занятіе другихъ должностей, спѣшитъ прибавить, что тѣ изъ нихъ, которые „время довольно въ томъ потруждаются, тѣ за оный ихъ подъятый трудъ, ради ихъ старости успокоенія, пожалованы будутъ, за свидѣтельствомъ блюстителя и учителей... нашимъ особымъ достойнымъ трудамъ ихъ жалованьемъ“ (§ 9). Впослѣдствіи на службѣ, кромѣ полнаго содержанія, Лихуды получали сперва по двѣ гривны въ день, потомъ по 15-ти алтынъ, „большое по тому времени жалованье“ [1]). Большая библіотека, „огромное зданіе“ (по свидѣтельству Невиля), была дана училищу при самомъ основаніи его.

Спасское училище не было просто учебнымъ заведеніемъ. Еще на типографскую школу, то-есть, на ея коллегію ученыхъ, возлагалась администрація просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а также цензура книгъ какъ отечественныхъ, такъ и привозимыхъ изъ за границы. Въ подобныхъ учрежденіяхъ нельзя не видѣть нѣкоторыхъ зачатковъ административныхъ учрежденій по вѣдомству просвѣщенія, но зачатковъ весьма несовершенныхъ; а именно, центральная власть по завѣдыванію просвѣщеніемъ вручается здѣсь школѣ—форма, повторившаяся не разъ и въ послѣдующія времена.

Тотъ же самый характеръ административныхъ учрежденій отра-

---

[1]) *Смирновъ*, «Ист. Моск. Ак.», стр. 41.

зился и въ привиллегіи Московской академіи. Управленіе просвѣщеніемъ и духовными дѣлами возлагается на коллегію, состоящую изъ блюстителя и учителей. Вѣдомству ея принадлежитъ: 1) разрѣшать частныя школы и допускать желающихъ къ домашнему учительству; 2) свидѣтельствовать о религіозномъ направленіи иностранныхъ ученыхъ, пріѣзжающихъ въ Московское государство „ради какихъ-нибудь винъ“ (надо предполагать, пріѣзжающихъ именно съ цѣлью учительства и пропаганды; ибо странно думать, чтобы такому религіозному испытанію рѣшились подвергнуть всѣхъ торговцевъ, военныхъ и ремесленниковъ, которые во множествѣ допускались и вызываемы были въ XVII вѣкѣ); оказавшіеся на испытаніи негодными немедленно были удаляемы изъ предѣловъ государства; 3) судить и карать за перемѣну вѣры: тѣмъ изъ пріѣзжихъ иностранцевъ, которые исповѣдывали православіе и уже въ Россіи переходили въ католичество или лютеранство, грозило сожженіе, а тѣмъ, которые изъ католиковъ дѣлались лютеранами, — ссылка; 4) наблюдать за религіознымъ направленіемъ умовъ внутри страны, а именно: а) если лжеученіе вторгается въ общественную жизнь, причиняя распри и раздоры, академія доноситъ государю, а государь караетъ виновныхъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла; православная вѣра, какъ понимала ея догматы академія, не подлежитъ сомнѣнію, а потому правительство не назначаетъ состязаній между членами академіи и лжеучителями, ибо въ противномъ случаѣ оно показало бы, что желаетъ сдѣлать выборъ между ученіемъ академіи и ученіями раскольниковъ; б) если кто переходитъ въ православіе изъ какой-либо ереси или раскола, то его религіозная совѣсть поручается надзору той же коллегіи; в) академіи подлежитъ цензура книгъ, обращающихся въ народѣ: книги чародѣйныя, волшебныя и гадательныя запрещаются безусловно; книги же, содержащія изложеніе не православныхъ ученій, именно—католическаго, на польскомъ и латинскомъ языкахъ, и лютеранскаго и кальвинскаго на нѣмецкомъ, могутъ находиться только въ рукахъ учившихся свободнымъ наукамъ.

Таковы крайне несовершенные зародыши центральной администраціи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, врученной высшему училищу.

Мы достигли крайняго пункта на томъ пути, по которому развивалось народное образованіе изъ элементарнаго приходскаго по старой системѣ. Разорванныя отдѣльныя звенья этой системы вошли

потомъ въ новую, привились къ ней и стали жить ея жизнью; но самая система погибла, будучи замѣнена профессіональною.

Тогдашнему правительству была знакома и эта послѣдняя система, впрочемъ, какъ добавочная, въ видѣ особой формы призрѣнія. Она была изложена въ извѣстномъ проектѣ 1682 года, который, по необъяснимой ошибкѣ, со временъ Стога и до сихъ поръ продолжаютъ называть указомъ царя Ѳеодора Алексѣевича [1]).

Означенный проектъ, упомянувъ о необходимости устроить мѣста призрѣнія по западно-европейскому образцу, указываетъ, что наравнѣ съ истребленіемъ нищенства этою мѣрою можетъ быть достигнуто и развитіе техническихъ знаній. Въ иноземныхъ государствахъ существуютъ дворы, въ которыхъ учатъ призрѣваемыхъ грамотѣ, а также и ремесламъ, къ какому кто окажетъ склонность, или отдаютъ мальчиковъ мастерамъ, а дѣвочекъ въ монастыри. Здѣсь рекомендуется именно то, что впослѣдствіи выполнилъ Петръ, учредивъ госпитали и сиротскіе дома. Слѣдствіемъ того являются два полезные результата: „И отъ такихъ людей (призрѣваемыхъ малолѣтнихъ) и впредь ужь во градѣхъ прибытокъ, а воровства отъ такихъ уже опасаться нечево, потому что ему уже способъ, чѣмъ сыту быть, данъ. И такимъ бы способомъ многія науки и ремесла, которыхъ нынѣ изъ иныхъ чужихъ государствъ всегда здѣсь требуютъ и дорогою цѣною купятъ, или такихъ людей на тяжкихъ и великихъ кормѣхъ призываютъ, на Москвѣ завелись".

Авторъ проекта связываетъ съ призрѣніемъ не одни ремесла, но и всѣ техническія знанія, цѣлую систему реальныхъ училищъ, по его мнѣнію, совершенно необходимыхъ для экономической дѣятельности, для потребностей полицейскаго и военнаго управленія. Но эта система совершенно выдѣлена у него изъ системы общаго образованія, которая преслѣдуетъ далеко не тѣ же цѣли; мы уже привели выше отрывокъ изъ проекта, гдѣ говорится, для чего нужно человѣку общее образованіе.

Что касается до проектированной имъ профессіональной системы,

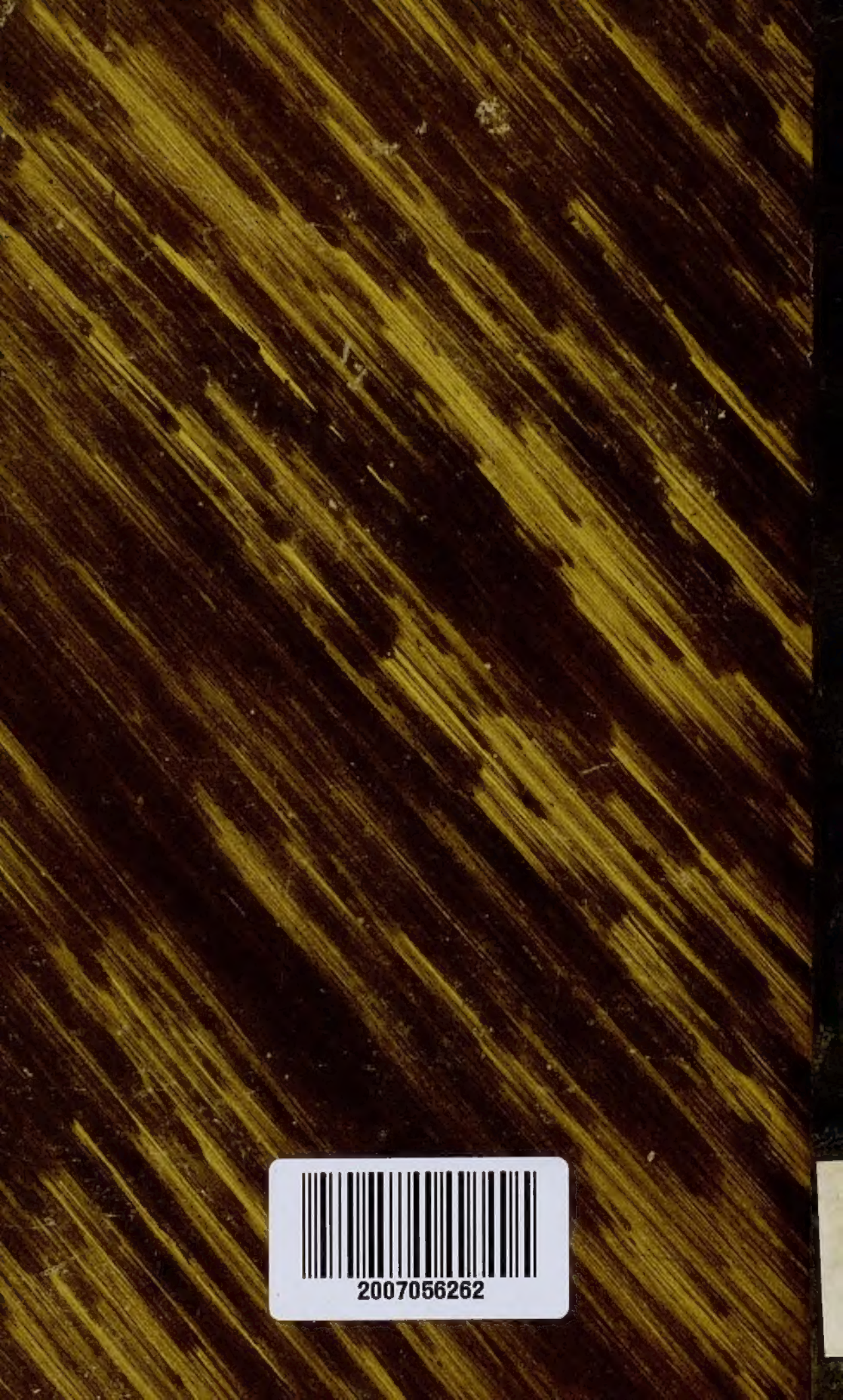
---

[1]) См. повтореніе ошибки Стога въ ст.: «Историч. Обозрѣніе мѣръ правительства по устройству общественнаго призрѣнія въ Россіи» (*Правит. Вѣст.* 1874 г., № 13). Въ мнимомъ указѣ не разъ повторяется: «надобно великаго государя указъ учинить» и слѣдующія условныя формы: «и такимъ бы образомъ, многая великаго государя казна.... сохранена была бы», и т. п. Можно полагать, что проектъ исходилъ отъ какого-либо начальственнаго лица и былъ представленъ на разсмотрѣніе правительства.

то она слагается изъ ремеслъ и наукъ. Изъ ремеслъ особенно необходимыми считаются слѣдующія: „1) изготовленіе шелковыхъ тканей, 2) суконное дѣло, 3) золотое и серебренное дѣло, 4) часовое дѣло, токарное, костяное, кузнечное всякихъ субтильныхъ орудей и инструментовъ; 5) оружейное дѣло, также печатать мѣдными досками и иныя многія рукодѣлья“... Система профессіональныхъ наукъ такова: 1) „наука цыфирная“, которая хотя нужна и всѣмъ вообще, но преимущественно купеческому классу; безъ нея торговые люди, отъ незнанія счету и выкладокъ, дѣлаются нищими; 2) если цыфирная наука нужна для торговаго класса, то „фортификація или инженерская наука“ совершенно необходима генералу, полковнику и всякому начальнику (военному); безъ нея военный классъ не можетъ исполнять своихъ обязанностей, а потому у многихъ великихъ государей повелось съ трудомъ принимать на службу такого полковника, который не обученъ тѣмъ наукамъ, потому что онъ не въ состояніи ни наступать, ни обороняться, сообразно съ воинскими правилами. Сюда же относится 3) „артиллерія, которая учитъ по размѣру прямому какъ пушки лить, и въ какую мѣру стрѣлять, порохъ дѣлать“ и пр. Необходимымъ пособіемъ къ военнымъ наукамъ служитъ 4) геометрія, которая „и къ строенію крѣпостей городовыхъ зѣло нужна, и фортификація, или инженерское дѣло безъ сей не состоятся“. Для цѣлей полицейскаго управленія необходима 5) архитектура, и наконецъ, 6) „знаменить или живописная наука“.

Всѣмъ этимъ наукамъ проектъ предполагаетъ обучать преимущественно „гуляковъ“, хотя очевидно, что всѣ высшія гражданскія и военныя должности не могутъ быть замѣщаемы „гуляками“. Изъ этого видно, что составитель проекта отнюдь не считалъ профессіональныя знанія необходимыми вообще для всего народа. Цѣлью подобнаго образованія была внѣшняя государственная польза: „Нынѣ сказываютъ у Турокъ, у которыхъ тѣ науки прежде всего не были, нынѣ же всѣ учатся, а наипаче же тѣмъ, которыя къ воинскому дѣлу принадлежатъ“.

М. Владимірскій-Будановъ.


2007056262